

Майн Рид

Охотники за жирафами

Глава 1. ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Мой юный читатель, пойдем снова странствовать по населенной самыми удивительными творениями земле, о которой мы знаем так много и так мало, по земле, растительный и животный мир которой так богат. Вернемся в Африку и вместе со старыми нашими друзьями юными охотниками двинемся навстречу новым приключениям.

На берегу Лимпопо весело пылают охотничий костер, а вокруг него вы увидите три живых кольца. Самое большое, внешнее, — это лошади, второе — собаки, а самое маленькое, внутреннее, — люди. Это твои старые знакомые, читатель.

Стоит мне назвать их имена — Ганс и Гендрик ван Блоом, Виллем и Аренд ван Вейк, — и ты сразу поймешь, что молодые охотники снова вышли на промысел. Но на этот раз у каждого участника экспедиции свои надежды и свои желания.

Спокойный и серьезный Ганс ван Блоом, как и многие молодые уроженцы колоний, мечтает побывать в краю своих предков. Ему хочется поехать в Европу и найти применение своему гербарии и знаниям, которые он приобрел, путешествуя сперва с отцом, а потом с друзьями.

Но прежде чем отправиться в Европу, он решил посетить ту часть Южной Африки, где никогда не бывал, чтобы пополнить свои познания в естественной истории.

На обширных пространствах его родины, между огромными реками Лимпопо и Замбези, раскинулись необъятные леса, и каких только растений там нет! В этих-то краях и задумал Ганс продолжить свои ботанические изыскания. О новом путешествии в дебри Африки уже полгода мечтает и Виллем. С тех самых пор, как он вернулся из последней экспедиции, ему не терпелось отправиться в новые края, где водится дичь, за которой ему еще не приходилось охотиться.

Читатель напрасно станет искать у костра маленьких Яна и Клааса. Родители не пустили их в это далекое путешествие — слишком много трудностей и опасностей сулило оно. Кроме того, родителям не хотелось бы видеть мальчиков, когда они вырастут, простыми охотниками, а чтобы этого не случилось, Яну и Клаасу надо еще несколько лет проучиться в школе.

Зато здесь молодые корнеты Гендрик ван Блоом и Аренд ван Вейк. Они изо всех сил стараются походить на бывалых воинов и оба — страстные охотники, но на сей раз они не стремились отправиться в путешествие, и на это у каждого были особые причины.

Они рады были бы остаться дома и довольствоваться жалкой дичью, которая водится в окрестностях Грааф-Рейнета, и все же «липовыми охотниками» их не назовешь — их не страшат опасности. Просто дома теперь есть магнит, который оказался сильнее их страсти к приключениям.

Волнения охоты, которые прежде доставляли Гендрику ван Блоому столько удовольствия, влекут его теперь куда меньше, чем улыбка Вильгельмины ван Вейк, единственной сестры его друзей Виллема и Аренда.

Да и Аренд, будь он предоставлен сам себе, ни за что не уехал бы из дому и не отказался бы от возможности каждый день видеть маленькую Трейи ван Блоом. Но Виллем и Ганс твердо решили пуститься на север, в края, где они еще никогда не бывали; они-то и уговорили друзей отправиться в эту экспедицию.

Новое путешествие сулило удивительные приключения, охоту, да к тому же Гендрик и Аренд боялись показаться смешными, оставшись дома, и в конце концов они согласились сопровождать знаменитого охотника и знаменитого натуралиста к берегам Лимпопо.

У костра сидят еще двое — это старые знакомые тех, кто читал «Юных охотников».

Один, невысокий, крепко сбитый, большеголовый бушмен, — это Черныш; его не уговоришь остаться дома, когда молодые хозяева, Ганс и Гендрик, отправляются на поиски приключений.

Другой, кого мы не успели еще упомянуть, — это кафр Конго.

Путь от Грааф-Рейнета до берегов Лимпопо оказался бы слишком долог, если б они решили добираться туда в повозках, запряженных быками, а им не терпелось поскорей попасть в места, которые Виллем когда-то назвал землей обетованной.

И вот верхом на добрых лошадях они кратчайшим путем двинулись к берегам Лимпопо. Приключений в пути они не искали, — скорее избегали их. Помимо верховых лошадей, у них было еще шесть вьючных, нагруженных не слишком тяжело одеждой, патронами и всем, что могло понадобиться охотникам.

Мы встретились с ними уже на берегу Лимпопо, после того как они переправились через реку. Наконец-то они достигли мест, о которых давно слышали как о сущем рае для охотников! Утомительный путь позади, а впереди охота, ради которой они преодолели сотни миль.

Мы уже говорили, что, когда юноши отправлялись в путешествие, у каждого были свои побуждения. Но была у них и общая цель. Голландское правительство поручило своему консулу добыть пару молодых жирафов и отправить их в Европу. За двух детенышей, благополучно доставленных в Кейптаун или в Капскую колонию, было обещано пятьсот фунтов. Некоторые охотники уже попытались счастья в этом деле, но им не повезло. Они застрелили и разными другими способами убили десятки жирафов, но ни одного детеныша поймать живым не удалось.

Наши молодые охотники отправились в путь с твердым намерением поймать двух жирафов и деньгами, вырученными за них и за клыки гиппопотама, покрыть все расходы экспедиции. Они знали, что на слоновых клыках люди богатеют, а с зубами гиппопотама не сравнится и слоновая кость: за них можно взять вчетверо дороже, чем за любую другую кость, отправляемую в Европу.

Впрочем, у всех у них желание прославиться было сильнее корысти, особенно у Виллема — он жаждал показать свое искусство охотника там, где многие потерпели поражение. Слава человека, поймавшего двух молодых жирафов, привлекала его куда больше, чем награда за поимку. Конечно, от пятисот фунтов он тоже не отказался бы — для него, как и для остальных, обещанные деньги были лишним доводом в пользу этого путешествия.

Глава 2. НА БЕРЕГАХ ЛИМПОПО

В первую же ночь, проведенную у Лимпопо, путешественники убедились, что поблизости водится разная дичь, на которую они давно мечтали поохотиться. В нестройном хоре звуков, что тревожили их сон, они различали рыкание льва, трубные клики слона и голос какого-то неведомого им зверя.

В тот день у них ушло несколько часов на поиски переправы — нужно было найти место, где оба берега пологи и река не слишком глубока. Пока охотники искали брода, солнце уже начало садиться, и, когда они наконец переправились через реку, сумерки успели смениться густой тьмой, так что никому, кроме Конго, не хотелось продолжать путь. Кафр советовал пройти еще хотя бы полмили вверх или вниз по реке, и Виллем поддержал его, хотя у него не было для этого никаких оснований, кроме слепой веры то ли в ум, то ли в инстинкт своего слуги.

В конце концов все согласилось с Конго, и теперь звуки, тревожившие путешественников, слышались поодаль: они доносились с переправы.

— Ну, теперь вы понимаете, почему Конго советовал уйти оттуда? — спросил Виллем, когда они прислушивались к диким воплям, которые не давали им уснуть.

— Нет, — ответили его спутники.

— Да потому, что мы переправились у самого водооя. Туда сходятся звери со всей округи.

— Верно, баас Виллем, — подтвердил Конго.

— Но ведь не для того мы проехали тысячу миль, чтобы прятаться от зверей!

— сказал Гендрик.

— Нет, конечно, — ответил Виллем. — Но мы пришли сюда, чтобы стрелять их, а не для того, чтобы попасть им в лапы. Как по-вашему, надо нам отдохнуть или нет? А уж лошадям непременно нужен отдых.

На этом ночной разговор и кончился.

Охотники постепенно привыкли к голосам диких зверей, перестали обращать на них внимание и один за другим уснули.

Когда рассвело, стало видно, как необыкновенно хорошо вокруг. Широкая долина вся заросла великолепными деревьями. Тут были и гигантские баобабы, и небольшие купы диких финиковых пальм. А цветочный ковер, покрывавший долину и сверкавший самыми яркими красками, доставил Гансу особое удовольствие.

Тут ему было что изучать, и чудесная мечта проснулась в его душе: он найдет новые, еще никому не известные растения, и эти открытия прославят его имя в ученном мире Европы.

Все еще спали, когда Виллем поднялся и в сопровождении Конго тихо выбрался из лагеря — он хотел оглядеть окрестности.

Они направились вниз по реке. Когда они дошли до вчерашней переправы, глазам их представилась тягостная картина — она не могла прийтись по вкусу даже охотнику, человеку, которому доставляет удовольствие убивать животных.

На протяжении каких-нибудь ста метров валялись пять огромных мертвых антилоп. Их останки пожирала гиены. При виде охотников гиены захохотали, как безумец, который только что совершил какое-то ужасное злодеяние, и нехотя отошли в сторону.

Судя по следам у реки, ночью здесь побывали и слоны и львы. Пока Виллем осматривал берег, к нему присоединился Ганс. Он уже весь отдался своему любимому занятию: исследовал богатую растительность вблизи лагеря.

Подойдя к Виллему, он сразу обратил внимание на антилоп. По его словам, это олени, но особой, нигде не описанной разновидности. Вся шкура у них в узких белых поперечных полосах, и это придает им сходство с винторогой антилопой куду.

Взглянув на следы, Конго объяснил, что первыми к водою пришли антилопы; вслед за ними в поисках воды сюда забрели четыре слона и тут же напали на антилоп. В побоище приняли участие и три или четыре льва, но единственными жертвами оказались злополучные антилопы.

— По-моему, нам стоит обнести лагерь хорошей оградой и задержаться здесь на несколько дней, — предложил Виллем, когда они вернулись к остальным. — Здесь сколько угодно корма для лошадей, и мы уже убедились, что у водооя много всякой дичи.

— Согласен, — поддержал его Гендрик. — Но мне бы не хотелось раскидывать лагерь так близко к броду. Лучше отойти подальше. Тогда мы не отпугнем дичь от водооя, да и спать будем спокойнее. Как по-вашему, может, нам лучше пройти еще немного вверх по течению?

— Конечно, конечно, — отозвались остальные.

Решили найти более подходящее место для лагеря и построить настоящий крааль. Позавтракав — это был их первый завтрак на берегах Лимпопо, — Виллем, Ганс и Гендрик оседлали своих лошадей и в сопровождении всех собак направились вверх по реке; Аренд, Черныш и Конго остались охранять лагерь.

Всадники проехали вдоль берега уже около трех миль, но нигде не было доступа к воде. Берега тянулись высокие, крутые. Но вот ландшафт стал меняться, он уже больше походил на то, чего они искали. Тонкоствольная роща

— здесь можно было срубить деревья для частокола — раскинулась близ реки, и, хоть

берега уже не были неприступны, звери, как видно, редко навевались сюда.

— По-моему, лучшего и желать нельзя, — сказал Виллем. — До водопада верхом на лошади всего полчаса, да и выше по течению может найтись хорошее место для охоты.

— Очень возможно, — сказал Гендрик. — Но ведь построить большой крааль не так-то просто, поэтому давайте сперва проверим, что за дичь тут водится.

— Правильно, — согласился Виллем. — Надо точно узнать, есть ли тут гиппопотамы и жирафы. Без жирафов нам никак нельзя возвращаться. Мы огорчим друзей, а кое-кто из наших общих знакомых, я уверен, непременно поднимет нас на смех.

— И поделом тебе, — сказал Ганс, — вспомни, как ты насмеялся над охотниками, которые возвращались ни с чем.

Присмотрев место для крааля, молодые охотники отправились вверх по течению, чтобы, прежде чем строить ограду, лучше разведать эти охотничьи уголья.

Глава 3. ДВОЙНАЯ ЛОВУШКА

Вскоре после того, как Виллем и его спутники уехали, Аренд поглядел в сторону зарослей, раскинувшихся в полумиле от реки, и заметил небольшое стадо антилоп, которые мирно паслись на лугу. Он решил подстрелить одну или двух к обеду и вскочил на коня.

Он приближался к стаду с подветренной стороны и, подъехав ближе, увидел, что это антилопы дукеры, или так называемые ныряющие антилопы.

Тут росло несколько высоких — каждый куст чуть ли не двенадцати футов — олеандров, осыпанных пышными розовыми цветами. Под прикрытием этих кустов Аренд приблизился к стаду и, выбрав животное покрупнее, прицелился и выстрелил.

Все антилопы, кроме одной, которая осталась распростертой на лугу, огромными прыжками кинулись к опушке, перемахнули через ближайшие кусты и, нырнув в заросли, скрылись из глаз. Не зря их назвали ныряющими! Аренд подскочил к антилопе, в которую он стрелял, и убедился, что она мертва. Вернувшись в лагерь, он послал Конго с Чернышем за убитой антилопой. Скоро они принесли тушу; теперь нужно было освежевать и разделать ее, чтобы потом поджарить мясо на вертеле.

Они вдвоем принялись за дело, и вдруг Чернышу показалось, будто по лугу что-то движется.

— Глядите-ка, баас Аренд.

— Что там?

— Вон выючная лошадь, видите? Очень далеко отошла от лагеря.

Аренд обернулся и поглядел туда, куда показывал Черныш. В полумиле от лагеря бродила лошадь. Она отбилась от остальных и уходила все дальше.

— Ладно, Черныш. Вы тут готовьте обед, а я поеду пригоню ее.

Аренд снова вскочил на коня и поскакал к отбившейся лошади.

Для стряпни Конго и Чернышу понадобилась вода; захватив бачок, они отправились к вчерашнему броду — ближе нигде нельзя было спуститься к реке.

Они шли берегом и были уже почти у самого брода, как вдруг Конго, шедший впереди, исчез. Он провалился в хорошо замаскированную ловушку, приготовленную для слона или бегемота.

Яма была глубиной около девяти футов; и, еще не успев понять, куда это он попал, Конго едва не ослеп — глаза ему засыпало песком, пылью и всяким мусором, скрывавшим сверху ловушку.

Это южноафриканское изобретение для ловли крупной дичи было не в диковинку Конго, поэтому случившееся не слишком огорчило его. Убедившись, что при падении он не расшибся, Конго поглядел вверх, ожидая, что Черныш поможет ему выбраться из ямы.

Но Черныш не спешил ему на помощь. Он очень обрадовался смешному случаю, приключившемуся с соперником, и решил немного потешиться над ним.

Он просто не помнил себя от восторга. Он разразился диким хохотом, напоминавшим

хохот разъяренной гиены, и принялся так прыгать и плясать вокруг ямы, что казалось, земля его не выдержит. Никогда еще глупый маленький бушмен не был так счастлив; но эта восторженная вспышка оборвалась еще внезапнее, чем началась: среди буйных прыжков он тоже вдруг исчез, словно земля разверзлась и поглотила его! Его постигла та же участь, что и Конго: возле первой ловушки оказалась вторая, и Черныш угодил прямо в нее.

С помощью таких двойных ловушек обитатели Южной Африки обычно ловят слонов: если животное, заметив вдруг перед собой яму, метнется в сторону, оно провалится в соседнюю ловушку.

Черныш и Конго неожиданно попались как раз в такую ловушку — на свою беду и вовсе не на радость тем, кто с помощью этого хитроумного устройства надеялся поймать совсем другую дичь. На дне ямы, в которую провалился Конго, было на два фута жидкой грязи. Стены — отвесные, глинистые, скользкие, поэтому все его попытки вскарабкаться вверх оказались тщетными, и это сильно огорчило беднягу, ибо он не отличался философским складом ума. Конго слышал, как потешался над ним Черныш, и бурный восторг соперника был плохим утешением в беде. Но прошло несколько минут, и он перестал слышать Черныша.

То, что Черныш смеялся и радовался его несчастью, не удивило Конго, но он все же надеялся, что немного погодя Черныш поможет ему выбраться из ямы. Однако Черныш не шел на помощь. Ему, видно, мало было посмеяться над его бедой. Он просто ушел, бросил его на произвол судьбы! И Конго был вне себя от ярости.

Прошло еще несколько минут — они показались Конго часами, — а о Черныше все не было ни слуху ни духу. Может, он вернулся в лагерь? Значит, Аренд узнал, что случилось с Конго. Почему же тогда он не поспешит на помощь своему верному слуге? Сидеть в этой яме вовсе не так уж удобно, а кроме того, здесь полно всяких пресмыкающихся и насекомых, которые как-то попали сюда и теперь тоже не могут выбраться. Общество жаб, лягушек, больших муравьев, прозванных «солдатами», и других тварей не доставляло Конго никакого удовольствия.

— Черныш! Баас Аренд! — закричал он.

Но все было напрасно. Никто не откликнулся на его зов. Конго, как и все его соплеменники, отличался вспыльчивым нравом, и им вскоре овладел неистовый гнев. Он жаждал свободы уже ради одной только цели: ради мести. Мечь Чернышу, который, вместо того чтобы освободить его из ямы, радуется его заточению!

Вы, наверно, решили, что Черныш разбился, падая в яму? Нет, этого не случилось. Едва он понял, что так неожиданно положило конец его веселью, он первым делом подумал о том, как бы ему выбраться отсюда без помощи человека, над которым он только что смеялся. Самолюбие Черныша было бы очень уязвлено, если бы, выбравшись из ямы, Конго увидел, что и он, Черныш, тоже попался. Легко ли снести такое унижение!

Вот почему Черныш молча слушал, как Конго взывает о помощи, а сам тем временем изо всех сил старался выкарабкаться из ловушки. Он попытался выдернуть заостренный кол, воткнутый посреди ямы. Падая в яму, слон или бегемот с размаху напарывается на такой кол и погибает. Сумей Черныш выдернуть кол, он мог бы с его помощью выбраться наверх. Но ему это не удалось, и мысли его потекли в ином направлении. Он стал искать, кто же виноват в том, что он попал в яму и не может из нее выбраться. У Черныша была своя логика, свойственная, впрочем, не ему одному, и он быстро догадался, что виноват, конечно, Конго. Не провались Конго, сам он, уж конечно, избежал бы этой участи.

Повеселившись вволю, он помог бы Конго выбраться из его темницы и, пожалуй, даже посочувствовал бы его несчастью; но теперь, когда он и сам попался, он знал одно: в приключившейся с ним неприятности кто-то виноват, и не мог понять, что всему виной он сам. Попав в беду, Конго навлек беду и на него, вот почему Черныш теперь молча сидел в своей яме.

В отличие от Конго, он не терзался мыслью, что его бросили на произвол судьбы, и поэтому переносил заточение намного спокойнее, чем Конго, совсем потерявший терпение.

Да, кроме того, у него была надежда на скорое избавление — надежда, которую утратил Конго.

Черныш знал, что Аренд с минуты на минуту приведет в лагерь отбившуюся лошадь и хватится их. А так как бачка тоже нет на месте, он будет знать, где их искать. Увидев, что нет ни бачка, ни слуг, Аренд, конечно, пойдет к броду

— единственному месту, где можно зачерпнуть воды. А раз так, он непременно заметит ловушку. Поразмыслив, Черныш примирился со своей участью и стал терпеливо и молча ждать; Конго же, не понимавший, куда запропастился Черныш, был далеко не так спокоен.

Глава 4. В ЯМАХ

Но время идет, солнце опускается все ниже, скоро над рекой сгустятся ночные тени... и Черныш стал терять надежду. Почему молодой охотник до сих пор не пришел им на выручку? Виллем, Гендрик и Ганс уже должны были бы вернуться; вчетвером им ничего не стоит разыскать пропавших слуг. И хоть Черныш очутился в непривычном положении, он долго терпел и молчал. Но наконец ему стало неважно. Его вдруг охватило страстное желание высказать все свое недовольство судьбой, и перед этим желанием он уже не мог устоять.

— Эй, Конго, старый дурень, где ты? — крикнул он. — Чего не идешь домой?

Услыхав этот глухой, отдаленный голос, Конго сразу понял, откуда он исходит. Значит, Черныш тоже заживо погребен! Так вот почему он до сих пор не пришел на выручку!

— Это ты, Черныш? А я тебя дожидаюсь! — ответил Конго и впервые за все это время слабо улыбнулся. — Неохота идти в лагерь без тебя.

— Больно много о себе думаешь! — отозвался Черныш. — Кому ты нужен, старый дурень? Шел бы лучше в лагерь да сказал бы баасу Гендрику — мол, Черныш хочет его видеть. Я бы ему кое-что сказал.

— Ладно, — ответил Конго, которому теперь не так тошно было сидеть в яме.

— Только на что тебе хозяин? Я ему все передам, нечего ему сюда ходить. Ну, что ему сказать?

В ответ Черныш разразился длинной речью. Пусть Конго признается, что он дурак, раз он упал в яму, — ведь он оказался глупей бегемота: эта ловушка, видно, сто лет назад вырыта, и ни один бегемот в нее не попался.

Конго потребовал объяснений. Почему это он глупее Черныша? Ведь и сам Черныш попал в такую же беду. Но тот продолжал утверждать, что в его несчастье полностью виноват Конго — ведь он первый имел глупость провалиться в ловушку.

Чернышу все было ясно и понятно: не провались Конго по глупости в первую яму, уж он-то, Черныш, никогда не угодил бы во вторую!

И он утешался этим. Он был просто счастлив, что может наконец отвести душу и отругать своего соперника. Но как ни приятно было это развлечение, скоро его мысли поневоле вернулись к печальной действительности: он в ловушке и, вместо того чтобы есть жареную антилопу, весь день голодный, томится в темной, грязной яме в обществе отвратительных пресмыкающихся.

Его мысль усиленно работала, подхлестываемая испуганным воображением. Ему стало страшно. А вдруг и с Арендом стряслась какая-нибудь беда и он не вернулся в лагерь? А вдруг Виллем и его спутники заблудились и будут два или, чего доброго, три дня искать дорогу назад в лагерь? Он слышал, что с иными глупыми белыми такое случалось, значит, и с ними может случиться. Или, может быть, им повстречалось какое-нибудь дикое племя и их убили или забрали в плен?

Тысячи догадок проносились в уме Черныша, и, оказавшись любая из них справедливой, ему придется сперва съесть лягушек и всех прочих тварей, что копошатся вокруг него на дне ямы, а потом помирать с голоду.

Черныша ничуть не утешало, что его соперника, сидящего в другой яме, ждет, как

видно, та же участь.

Его невеселые размышления были прерваны отрывистым злобным лаем: взглянув вверх, в дыру, через которую он провалился, Черныш увидел морду дикой собаки.

Собака залаяла еще раз, уже по-другому, и попятилась; и по звукам, которые раздавались над головой Черныша, он догадался, что наверху собралась целая стая.

Инстинктивный страх перед человеком заставил собак немного отступить. Но вскоре они поняли, что, как говорит пословица, «Только дурак бежит, когда за ним никто не гонится», и вернулись.

Они были голодны и притом чуяли, что обнаруженный ими враг почему-то не может причинить им вреда.

Подходя все ближе и ближе, они вновь окружили обе ловушки и тогда увидели, что на дне ям есть чем поживиться. Их жертвы были сейчас беспомощны, и собаки расхрабрились и готовы были напасть на людей. Голос и взгляд человека уже не пугали их, и несколько десятков диких зверей стали пытаться овладеть добычей, чтобы утолить свой голод.

Они начали разгребать и разбрасывать слой травы и земли, который прикрывал ямы. Вниз лавиной хлынули пыль, песок, трава, и пленники едва не задохнулись.

Колья, поддерживавшие земляной настил, подгнили от старости, и под тяжестью теснившихся сверху собак крыша грозила рухнуть.

«Если собаки посыплются вниз, — подумал Черныш, — этот дурак Конго, надеюсь, тоже получит свою долю».

Его надежда тут же и сбылась: мгновенье спустя он услышал вой собаки — видно, она упала в соседнюю яму. К счастью для Конго, хищника постигла участь, которой он сам избежал. Животное напоролось на заостренный кол, торчащий посреди ямы, и теперь корчилося на нем в страшных мучениях и не могло освободиться.

Конго растянулся в грязи на дне ямы и прижался к стенке. Если б не это, не миновать бы ему собачьих зубов: оскаленная пасть была в каких-нибудь двенадцати дюймах от его лица. Зверь судорожно извивался и оглушительно выл.

Среди воя, рычания, лая собак, которые оставались наверху, Черныш различил вопли собаки, попавшей в яму, и вообразил, что между нею и Конго завязалась борьба не на жизнь, а на смерть.

Ревность и мелкое недоброжелательство, которые он так часто проявлял по отношению к Конго, были совсем не так сильны, как ему самому казалось. Черныш не на шутку тревожился за исход битвы. А вдруг зверь разорвет Конго на куски? И тут он понял, что они с Конго вовсе не враги, как он почему-то воображал, а друзья.

Собаки злобно рычали и выли. Сидеть в яме было и неудобно и страшно, а сколько еще времени придется ждать и терпеть? Кажется, еще немного — и он просто сойдет с ума. Но тут он услышал, что псы отступили. Остался лишь тот, что упал в яму, где сидел Конго. Что заставило их отступить? Уж не подоспела ли помощь? Затаив дыхание, Черныш прислушался.

Глава 5. АРЕНД ИСЧЕЗ

В полдень Виллем, Ганс и Гендрик вернулись в лагерь и обнаружили, что он пуст.

Завидев их, нехотя, воровато разбежались шакалы, а когда всадники подъехали ближе, они увидели начисто обглоданный скелет антилопы. Значит, уже несколько часов в лагере никого нет.

— Что же это? — воскликнул Виллем. — Куда делся Аренд?

— Не знаю, — ответил Гендрик. — Удивительно, что Черныша и Конго тоже нет; они могли бы рассказать, в чем дело.

Несомненно, что-то случилось. Охотники с тревогой оглядели все вокруг, но ничто не помогло им раскрыть тайну.

— Что будем делать? — спросил Виллем, и по голосу его было слышно, что он очень

встревожен.

— Ждать, — ответил Ганс. — Больше нам сейчас ничего не остается.

В эту минуту их внимание привлекли две или три точки на равнине, примерно в миле от лагеря. То были лошади, их собственные вьючные лошади, и Гендрик с Виллемом ускакали за ними, чтобы привести их обратно в лагерь.

Прошло около часу, прежде чем удалось обойти и поймать беглянок. На обратном пути Гендрик и Виллем решили напоить их, благо до брода было недалеко, и повернули к реке.

Когда они приблизились к берегу, дикие собаки которые выли и визжали, сбившись в кучу, бросились врассыпную по равнине. Не слишком задумываясь над их поведением, всадники въехали в воду и дали лошадям напиться.

Они спокойно сидели в седлах, когда Гендрику вдруг послышались какие-то странные звуки.

— Послушай! — сказал он. — Не понимаю, что это такое. Слышишь?

— Собака воеет, — ответил Виллем.

— Где?

В первую минуту ни один из них не сумел ответить на этот вопрос, но потом Виллем заметил ловушку, от края которой разбежались собаки.

— Гляди, ловушка! — воскликнул он. — Наверно, зверь провалился туда. Ну, вот что: я его пристрелю, пускай зря не мучается.

— Правильно, — поддержал Гендрик. — Я ненавижу этих собак и вообще всяких хищников, но оставить животное подыхать с голоду просто жестоко. Убей его.

Виллем подъехал к ловушке и спешился. Они разговаривали не настолько громко, чтоб их можно было услышать, сидя в яме. Конго и Черныш в это время молчали, только собака выла от боли.

Заглянув в яму, Виллем увидел лишь зверя, который все еще висел на колу, и, прицелившись ему в глаз, выстрелил.

Последняя искра жизни угасла в несчастном звере; но вслед за выстрелом огромного ружья раздались два ужасающих вопля — так не завопит и дикая собака.

То кричали перепуганные негры: каждый вообразил, что следующая пуля угодит в него.

— Аренд! — воскликнул Виллем. Он тревожился о брате и ни о ком другом не думал. - Аренд! Это ты?

— Нет, баас Виллем. Это я, Конго.

Крепко держа свое длинное ружье за ствол, Виллем через отверстие протянул приклад Конго.

Конго ухватился за него обеими руками, и силач Виллем в один миг вытащил его из подземной тюрьмы.

Потом вытащили Черныша, и вот уже они, перемазанные, грязные, стоят друг против друга, и каждый наслаждается жалким видом соперника.

Постепенно пламя гнева, которое таилось в глубине глаз Конго, погасло, и суровое лицо его озарила, словно ясный день, широкая улыбка.

Наконец-то он на свободе, и, конечно, никто не виноват, что он так долго просидел в яме.

Черныш получил по заслугам за то, что радовался его беде, и теперь Конго готов все забыть и простить.

— Но где же Аренд? — спросил Виллем.

Даже смеясь над нелепым видом обоих негров, он не мог забыть, что брат его исчез.

— Не знаю, баас Виллем, — ответил Конго. — Я тут давно сижу.

— Но когда ты его видел в последний раз? — допытывался Гендрик.

Этого Конго не мог сказать: ему казалось, что он пробыл в недрах земли не один день.

От Черныша охотники узнали, что вскоре после того, как они уехали, Аренд отправился за лошадью, которая отбилась от остальных и бродила по равнине. А больше

Черныш его не видел.

Солнце уже садилось, и, не тратя времени на пустые разговоры, Гендрик и Виллем опять вскочили на коней и поскакали туда, где Аренда видели в последний раз.

Они достигли опушки леса примерно в миле от лагеря, и, не зная, куда ехать дальше и что делать, Виллем выстрелил.

Выстрел прогремел по всему лесу, и теперь они с тревогой ждали ответа на свой сигнал. И ответ пришел. Но то был не выстрел и не голос исчезнувшего Аренда, нет, — сам лес отозвался голосами своих обитателей. Завопили стервятники, зацокали бабуины, зарычали львы.

— Что будем делать, Виллем? — спросил Гендрик.

— Прихватим с собой из лагеря Конго и Следопыта и вернемся сюда, — ответил Виллем и, повернув коня, поскакал на стоянку.

Гендрик двинулся за троюродным братом.

Глава 6. СЛЕДОПЫТ

Последний отсвет дня угас. Над долиной Лимпопо спустилась ночь, когда Гендрик и Виллем с зажженными факелами снова отправились на поиски исчезнувшего товарища. Теперь их сопровождали Конго и Следопыт.

Впереди бежал Следопыт — большая испанская ищейка. Впервые за время этого путешествия охотникам понадобилась его помощь, и он готов был исполнить то, что от него требовалось.

Он был еще совсем щенок, когда его привезли из одного португальского поселения на севере Африки. Виллем купил его, а Конго окрестил Следопытом.

Во время долгого путешествия из Грааф-Рейнета этот пес причинял гораздо больше беспокойства, чем все остальные собаки. Он хуже всех переносил голод и жажду, раньше всех уставал и не раз пытался удрать от своих хозяев. Теперь его взяли с собой в надежде, что он сумеет возместить все то беспокойство, которое причинял дорогой.

Они направились вдоль опушки леса, рассчитывая, что где-то здесь должен был проехать Аренд в погоне за отбившейся лошадей, и действительно напали на след его коня и второй лошади.

Следы вели в лес. Они шли по хорошо утопанной тропе — ее, очевидно, проложили буйволы и другие животные, проходя к реке на водопой. С обеих сторон к тропе подступал густой колючий кустарник. Кое-где он был совсем непроходим. С тропы все равно нельзя было свернуть ни вправо, ни влево, и некоторое время они обходились без помощи собаки. Впереди шел Конго.

— Ты уверен, что здесь прошли обе лошади? — спросил его Виллем.

— Да, баас Виллем, — ответил Конго. — Две прошли.

— Лучше бы уж Аренд послал ту лошадь ко всем чертям — она не стоила того, чтобы лезть за ней в такие дебри, — сказал Виллем, обернувшись к Гендрику.

Они пробирались сквозь чащу около полумили и наконец выехали на прогалину; тропа здесь обрывалась, и следы расходились в разные стороны. Охотники снова отыскивали отпечатки копыт лошади Аренда, спустили ищейку с поводка, и она тотчас пошла по следу.

В отличие от большинства ищеек, Следопыт не кидался вперед, оставляя человека далеко позади. Казалось, он понимал, что и для него самого и для хозяина будет лучше держаться поближе друг к другу. Поэтому Конго без труда поспевал за умным псом.

Уверенные, что скоро они узнают что-нибудь о судьбе потерявшегося товарища, охотники то и дело окликали и поторапливали собаку.

Вскоре до них донеслись яростные вопли и рычание: впереди, в нескольких ярдах от них, не поделили чего-то дикие звери. Эти звуки охотники слышали уже не раз и тотчас поняли, что они означают.

Лев и стая гиен сошлись над телом какого-то большого животного. Тушей, конечно,

завладел царь зверей, и гиены не вступали в драку, а только жаловались на своем, гиеньем, языке. Грозное рыкание льва и отвратительный хохот гиен слышались всего в нескольких ярдах, там, куда вел охотников Следопыт.

Взошла луна, и в лунном свете они вскоре увидели тех, кто поднял весь этот шум. Гиены — их было с десятков — визжали и лаяли на гигантского льва, а он лежал, подмяв под себя какое-то темное тело и, очевидно, пожирал его.

Когда охотники подъехали ближе, гиены немного отступили.

— Похоже, что это лошадь, — прошептал Гендрик.

— Несомненно, — ответил Виллем, — вон седло. Господи! Да ведь это лошадь Аренда! Где же он сам?

Между тем Следопыт был уже в каких-нибудь пятнадцати шагах от льва и начал угрожающе лаять, словно приказывая ему прервать свою трапезу. Но лев по-прежнему лежал неподвижно и удостоил Следопыта лишь грозным рыканием.

— Надо или убить его, или прогнать, — сказал Виллем. — Как по-твоему?

— Убьем, — ответил Гендрик. — Так будет вернее.

Виллем и Гендрик неслышно соскользнули с седел на землю, отдали поводья Конго — и вот они уже бок о бок крадутся вперед. Курки взведены, и Следопыт неслышно движется за ними по пятам.

Они подкрались к льву, они уже в пяти шагах от него, а он все еще не тронулся с места. Заметив людей, он только перестал есть и низко припал к трупу лошади, словно готовясь кинуться на них.

— Ну? — прошептал Гендрик. — Стреляем?

— Стреляем!

Оба одновременно спустили курки, и два выстрела слились в один.

В ту же секунду Гендрик и Виллем инстинктивно кинулись в стороны, спасаясь от последнего прыжка зверя.

Лев со страшным рычанием бросился на них, одним махом перелетел расстояние в добрых двадцать футов — и тяжело рухнул наземь между Виллемом и Гендриком. То был его последний прыжок, больше он уже не поднялся.

Даже не дав себе труда проверить, убит ли зверь или еще дышит, они кинулись к останкам лошади.

Да, это лошадь Аренда, но никаких следов всадника не видно. Какая бы судьба ни постигла его, ничто не говорило о том, что он убит вместе со своей лошастью. Оставалась надежда, что он спасся, хотя после того, как были найдены останки лошади, страх его друзей еще усилился.

— Надо разобраться, — предложил Гендрик, — где убили лошадь — здесь или в другом месте. Может быть, лев уже после притащил ее сюда.

Конго внимательно осмотрел все вокруг и объявил, что лошадь убита на этом самом месте и убил ее лев. Это было уже странно.

При дальнейшем расследовании обнаружили, что одна нога лошади опутана поводом. Это немного объяснило происшедшее, иначе трудно было бы понять, каким образом такое быстрое животное, как лошадь, могло на открытом месте попасться в лапы льву.

— Тем лучше, — сказал Виллем. — Значит, Аренд спешился, не доехав до этой поляны.

— Верно, — отозвался Гендрик. — Теперь надо найти, где он расстался с лошастью.

— Поедем назад, — сказал Виллем, — и повнимательнее рассмотрим следы.

Разговаривая, охотники перезарядили ружья, вскочили на коней и уже готовы были повернуть назад.

— Баас Виллем, — сказал вдруг Конго, — пускай Следопыт порыщет здесь.

Виллем согласился, и Конго, взяв собаку на поводок, двинулся по прогалине, описывая широкий круг, посреди которого лежала убитая лошадь.

Дойдя до того края поляны, где они еще не были, Конго позвал их.

Охотники подъехали и снова увидели след лошади Аренда — он вел от места, где сейчас лежали ее останки, в сторону, противоположную лагерю.

Значит, сперва лошадь промчалась мимо того места, где сейчас лежит ее труп. Вероятно, она потеряла седока где-то дальше, а когда возвращалась в лагерь, на нее напал лев. Следопыт снова пошел по следу, Конго не отставал от него ни на шаг, а за ним ехали охваченные нетерпением Виллем и Гендрик.

Но вернемся в лагерь и отыщем след пропавшего охотника способом более верным, чем даже острый нюх Следопыта.

Глава 7. ПРОПАВШИЙ ОХОТНИК

Когда Аренд подъехал к отбившейся вьючной лошади, она паслась на опушке широко разросшейся чащи и уходила все дальше от лагеря.

Она явно не желала, чтобы ее поймали. Завидев охотника, она кинулась в глубь чащи по тропе, протоптанной дикими зверями.

Аренд поскакал за ней.

Слишком узкая тропа не давала ему возможности обойти беглянку, потерять же ее ему не хотелось, и он ехал следом, надеясь, что тропа станет шире и тогда он сможет обойти ее и погнать назад в лагерь.

Наконец отбившаяся лошадь вышла из зарослей и очутилась на поляне, поросшей невысоким вереском, сплошь усыпанным белыми цветами. Казалось, надежда охотника вот-вот сбудется.

Теперь уже можно было не следовать за беглянкой по пятам, и, прищипорив своего коня. Аренд попытался обойти ее. Но она, видно, вспомнила в эту минуту о тяжелом вьючном седле и припустилась галопом.

Аренд погнался за ней. Проскакав почти до конца поляны, беглянка на мгновение замерла на месте и, прыгнув в сторону, помчалась в другом направлении.

Аренд удивился, но тотчас понял, в чем дело: прямо на них, видимо направляясь к реке, шел огромный черный носорог. Испуганная лошадь поспешила уступить ему дорогу, и, будь ее преследователь достаточно благоразумен, он поступил бы так же. Но ведь Аренд ван Вейк был охотник, притом человек военный, и, завидев носорога, который подставляет себя под выстрел, он, разумеется, не устоял от искушения выстрелить.

Осадив коня, — вернее, только попытавшись осадить, ибо, почуяв опасность, конь заупрямился и не стоял на месте, — Аренд спустил курок. Того, что за этим последовало, он и не ждал и не желал. Взревев, точно разъяренный бык, чудовище повернулось и кинулось на всадника.

Аренду оставалось только спасаться бегством, а носорог кинулся вдогонку, и по всему было видно, что хоть он и ранен, но не слишком серьезно и вполне способен отомстить за себя.

Расстояние, отделявшее преследователя от преследуемого, было с самого начала очень невелико, но, вместо того чтобы круто свернуть в сторону и пропустить чудовище — а охотник непременно должен был это сделать, потому что носороги плохо видят, — Аренд скакал все вперед и вперед, пытаясь на скаку перезарядить ружье.

Аренд совершил эту ошибку не потому, что растерялся или не знал, как поступить, — нет, просто был слишком беспечен, легкомыслен и воображал, что носорогу нипочем не догнать его. Он всегда был удачлив, а удача слишком часто порождает самоуверенность и ведет к беде, которую человек более осторожный может избежать.

Внезапно конь Аренда остановился на всем скаку, налетев на заросли колючего кустарника, который в Южной Африке прозвали «постояй-погоди». Коню Аренда и впрямь пришлось задержаться на минутку, да на такую долгую, что носорог совсем нагнал его.

И уже не было ни времени, ни возможности свернуть ни вправо, ни влево.

Наконец-то Аренд зарядил ружье, но теперь убить носорога с одного выстрела было

трудно: ведь не так-то просто прицелиться, когда сидишь на испуганном коне.

И чтоб стрелять вернее, Аренд на ходу соскочил на землю. К тому же он надеялся, что носорог, не заметив его, побежит за лошадью.

Поле зрения носорога очень невелико; но, к несчастью, когда испуганная лошадь пронеслась дальше, на глаза носорогу попался сам охотник.

Аренд поспешно вскинул ружье, выстрелил и кинулся к росшей поблизости купе деревьев. За спиной он слышал тяжелый топот — носорог настигал его. Казалось, от этого топота содрогается земля. Он слышался ближе, ближе, вот уже так близко, что и оглянуться нельзя. Аренду чудится, что он уже ощущает всей спиной дыхание зверя. Спасение только одно: неожиданно метнуться в сторону, тогда носорог с разгону промчится мимо. Аренд так и сделал: он внезапно свернул вправо и только тут увидел, что еще мгновение — и зверь поддел бы его рогом.

Эта хитрость позволила ему хоть на мгновение оторваться от преследователя. Но вот разъяренный носорог уже снова гонится за ним, и совсем незаметно, чтоб он устал, а охотника уже измучила эта бешеная гонка, и он чувствует, что его ненадолго хватит. Собрав последние силы, Аренд еще раз увернулся от носорога, и тут ему повезло: он очутился прямо перед поверженным стволом огромного баобаба. Когда-то сильная буря свалила его, и теперь он лежал, упираясь в землю с одной стороны корнями, с другой — обломанными при падении ветвями, так что между стволом и землей оставался просвет фута в два.

С разбегу кинувшись наземь, Аренд проскользнул под деревом, и как раз вовремя: еще мгновение — и длинный рог вонзился бы ему в спину.

Теперь можно перевести дух и хоть немного прийти в себя. Да, баобаба защитит его. Даже если носорог обежит вокруг дерева, достаточно Аренду снова проползти под стволом — и он опять недосягаем для страшного рога. Человек свободно проползал под стволом, а для носорога щель была слишком узка. Переползая с одной стороны на другую, ничего не стоило спастись от носорога. Другого выхода у Аренда не было, ибо, увидев за стволом человека, разъяренное чудовище обежало вокруг корней упавшего баобаба и возобновило атаку.

Носорог несколько раз то с одного, то с другого конца обежал дерево, и Аренду не сразу удалось поразмыслить над своим положением. Он надеялся, что носорог устанет от этих бесплодных попыток и либо уйдет сам, либо даст уйти человеку.

Но его надежде не суждено было сбыться. Рассвирепевший от ран зверь, казалось, был непреклонен: прошло уже больше часа, а он все бегал вокруг дерева, тщетно пытаясь добраться до охотника. Аренд с легкостью избегал этих атак. У него оставалось довольно времени для размышлений, и он старался придумать какую-нибудь хитрость, чтобы избавиться от носорога.

Первое, что пришло ему в голову, — это воспользоваться оружием. Дотянуться до ружья было нетрудно, оно лежало там, где Аренд уронил его, когда впервые нырнул под дерево, но зарядить его он не смог — пропал шомпол.

Когда он в последний раз заряжал ружье, носорог так неожиданно кинулся на него, что он не успел положить шомпол на место и, видно, уронил его на поляне. Это было очень некстати, и некоторое время молодой охотник не мог ничего придумать. Он лишь перекачивался из стороны в сторону под стволом баобаба, увертываясь от осаждавшего его зверя.

Но вот наконец носорог то ли устал, то ли понял всю бессмысленность своих атак. Однако жажда мести была по-прежнему сильна в нем: он и не думал уходить. Наоборот, он стал у баобаба, да так, чтобы видеть все, что происходит по обе стороны ствола, — он, видно, решил остаться здесь и дожидаться случая, когда можно будет расправиться со своей жертвой.

Молча, во все глаза носорог следил за молодым охотником, а тот старался придумать, как бы ему выбраться из осады.

Глава 8. ИЗБАВЛЕНИЕ

Солнце село, над вершинами деревьев взошла луна, а носорог, казалось, все так же жаждал мести, как в ту минуту, когда он был ранен.

Долгие часы Аренд терпеливо ждал, что голод или что-либо другое отвлечет зверя от мыслей о мести и он уйдет. Но он напрасно надеялся. Боль от ран заставляла носорога забывать и голод и жажду; желание отомстить было сильнее всего. Он неотступно и зорко стерег Аренда, поэтому тот не решался ни на миг высунуться из своего убежища. Стоило ему шевельнуться — и носорог тотчас настораживался.

Время шло, а охотник все не мог придумать, как же ему выбраться отсюда. Но наконец его осенило.

Пускай без шомпола он не может зарядить свое ружье пулей, но можно пороховой вспышкой ослепить носорога или хотя бы сильно испугать его и, улучив минуту, незаметно ускользнуть. Прекрасный план, и такой простой, — как это он раньше не додумался?

Аренд без труда засыпал в ствол двойную порцию пороха, а чтобы он не высыпался из дула, пока выдастся удобный случай выстрелить, заткнул отверстие сухой травой. Случай скоро представился: голова носорога оказалась в каких-нибудь двух футах от дула, и, старательно прицелившись прямо в глаз, охотник спустил курок.

Громко застонав от ярости и боли, носорог кинулся к человеку и, в бешенстве напрягая все силы, попытался перевернуть ствол баобаба — но безуспешно.

«Еще выстрел, в другой глаз, — подумал Аренд, — и я свободен».

Он принялся было опять сыпать порох в дуло ружья, но тут вдруг заметил новую опасность. Комок сухой травы, при выстреле вылетевший из дула, воспламенился и поджег листья, которые устилали землю вокруг. Они мгновенно вспыхнули, огонь стремительно распространился во все стороны и уже подбирался к Аренду.

Ствол баобаба больше не мог защитить его. Еще минута — и дерево будет объято пламенем. Медлить — значит погибнуть в огне. Выбирать не приходилось, оставалось лишь одно: вскочить и спастись бегством.

Нельзя было терять ни секунды. Аренд выскользнул из-под дерева и со всех ног кинулся бежать. Он мог бы удрать незаметно для носорога, но сама судьба, как видно, была против него. Не пробежав и двадцати шагов, он почувствовал за спиной погоню.

Увидел ли носорог Аренда своим единственным глазом, услышал ли его шаги своим острым слухом, но только он мчался за ним по пятам, да так быстро, что в конце концов неминуемо должен был нагнать свою жертву.

Охотник снова был на грани отчаяния. Сама смерть гналась за ним. Еще несколько секунд — и зверь подденет его своим ужасным рогом. Если б не властная любовь к жизни, любовь, которой движимо все живое, он покорился бы судьбе, но это чувство помогло ему держаться.

Он уже готов был в полном изнеможении упасть на землю, но тут до его слуха, точно желанный привет, донесся глухой лай ищейки и вслед за тем чей-то крик:

— Смотрите, баас Виллем! Кто это бежит?

Секунда, другая — и носорог больше не гонится за Арендом. Следопыт с громким, яростным лаем скачет перед самым носом зверя — и тот уже не замечает ничего, кроме собаки.

Еще через две секунды подскакали Виллем и Гендрик, а там не прошло и полминуты, как носорог получил пулю из тяжелого ружья и медленно осел на землю. Он был мертв. Виллем и Гендрик соскочили с коней и так горячо пожимали Аренду руки, словно не виделись с ним долгие годы.

— Что это значит, Аренд? — с добродушной насмешкой спросил Гендрик. — Неужели носорог гнался за тобой все эти двенадцать часов?

— Ну да.

— И долго еще это могло продолжаться, по-твоему?

— Секунд десять, — с полной уверенностью ответил Аренд.

— Прекрасно, — сказал Гендрик. Обрадовавшись избавлению друга, он не прочь был поострить. — Теперь мы знаем, какой ты бегун. Ты можешь выдержать носорожьих гонки ровным счетом двенадцать часов и десять секунд.

Виллем был так счастлив, что не произнес ни слова, пока они не вернулись к месту, где оставался убитый лев. Тут они остановились, чтобы снять с погибшей лошади седло и сбрую.

Виллем предложил переночевать здесь: ведь если возвращаться узкой тропой, которая ведет на равнину, можно столкнуться с буйволами, носорогами или слонами, и в темноте звери просто затопчут их всех.

— Верно, — подтвердил Аренд. — Конечно, лучше бы остаться здесь до рассвета, если бы не два обстоятельства. Во-первых, я умираю с голоду и мечтаю об отбивной из антилопы, которую я подстрелил утром.

— Я бы тоже не прочь, — сказал Гендрик, — но шакалы уже позаботились о твоей антилопе.

Он рассказал Аренду обо всем, что произошло в его отсутствие, и очень насмешил его злоключениями Черныша и Конго.

Потом Аренд поведал о том, что выпало в этот день на его долю, и кончил так:

— Что и говорить, прекрасное приключение для начала. Но только до сих пор от нашей экспедиции что-то мало толку.

— Надо спуститься вниз по реке, — сказал Виллем. — Ведь мы все еще не напали на след гиппопотамов или жирафов. Будем идти вперед, пока не разыщем их. Хватит с меня львов, носорогов и слонов!

— Да, а еще почему ты хочешь вернуться в лагерь? — спросил Аренда Гендрик.

— Что же, по-твоему, наш милый Ганс не человек, думаешь — он не волнуется? — ответил Аренд вопросом на вопрос.

— А, вот ты о чем!

— Ну да. Наверно, он сейчас прямо с ума сходит от страха за нас.

Все согласились, что надо ехать в лагерь. Седло и сбрую с убитой лошади положили на плечи Конго и двинулись в путь. Поздно ночью они вернулись в лагерь, и, как и предполагал Аренд, их нетерпеливо ждал Ганс, безмерно встревоженный их долгим отсутствием.

Глава 9. СЛУЧАЙ НА ДОРОГЕ

Поутру охотники снялись со стоянки и двинулись вниз по реке; на следующий день они продолжали путь в том же направлении.

Когда они миновали брод, где впервые переправились через Лимпопо, Виллем и Конго почти на милю опередили остальных. Виллем ускакал так далеко вперед потому, что хотел пристрелить какую-нибудь дичь, достойную внимания, пока ее не спугнули.

Время от времени перед ним пробегало небольшое стадо антилоп, которыми так богата Южная Африка, но знаменитый охотник едва достаивал их взглядом. Он думал лишь о том, чтобы отыскать место, где водятся гиппопотамы и жирафы.

На пути то и дело попадались высокие деревья. Некоторые из них были сверху донизу обвиты растениями-паразитами, и это делало их похожими на гигантские башни или наobelески. Под одним из деревьев, росшим у реки, в трехстах метрах впереди, Виллем увидел буйволицу с теленком.

Солнце клонилось к закату; близился час, когда мясо буйволенка было бы очень кстати и самим охотникам и их собакам.

Приказав Конго оставаться на месте, Виллем с подветренной стороны направился к буйволице и, прячась за кустами, стал подбираться к ней. Он знал, что буйволица очень пуглива, особенно когда с ней теленок, и двигался с величайшей осторожностью. Знал он и то, что ни одно животное не защищает своего детеныша так яростно и бесстрашно, как

буйволица, и поэтому он не желал промахнуться; лучше не вступать в поединок с буйволицей, а этого не избежать, если не убьешь, а только ранишь ее. Виллем подъехал настолько близко, насколько позволяли кусты, прицелился в сердце животного и выстрелил.

Вопреки ожиданиям, буйволица не упала и не бросилась бежать, она только вопросительно посмотрела в ту сторону, откуда раздался выстрел.

Охотники недоумевали. Что за странность? Если Виллем промахнулся, почему же буйволица не убегает вместе со своим детенышем?

«Подкрадываться к ней бессмысленно, — подумал Виллем. — Она так же мало склонна двинуться с места, как вон то дерево».

И, быстро перезарядив ружье, он бесстрашно поскакал вперед, уверенный, что буйволица от него не уйдет. Казалось, она и в самом деле не думает бежать; но стоило ему подъехать ближе, и она, расвирепев, кинулась к нему — остановила ее лишь вторая пуля, которая угодила ей прямо в лоб. Буйволица еще раз рванулась вперед, но ноги у нее подогнулись, и она рухнула мертвая, как обычно падают буйволы: брюхом наземь, раскинув ноги, а не опрокинулась на бок, как другие звери.

Следующим выстрелом Виллем прикончил теленка, который жалобно мычал подле матери.

Подошел Конго и, осмотрев теленка, увидел, что одна нога у него сломана. Вот почему буйволица не пыталась спастись бегством. Детеныш не мог ходить, и материнский инстинкт заставил ее остаться с ним.

Перезаряжая ружье, Виллем услышал громкий шорох среди лиан, обвивших дерево, под которым стояли они с Конго. Что-то большое зашевелилось в ветвях. Что бы это могло быть?

— Отойти! — крикнул Виллем Конго, отскакивая от дерева и в то же время вкладывая пулю в ружье.

Отбежав на десять-двенадцать шагов, он обернулся и приготовился встретить неизвестного зверя, скрывавшегося в ветвях. Но перед ним оказался какой-то высокий человек. Он спрыгнул вниз в ту минуту, когда Виллем отбегал от дерева.

Одежда и весь вид этого человека обличали в нем африканца, но он не принадлежал ни к одному из тех отсталых племен, которыми так богата Африка. То был человек лет сорока, высокий, крепкий, с правильными чертами лица, выразившими ум и отвагу. Лицо не черное, а цвета дубленой кожи, и волосы больше походили на волосы европейца, чем негра.

Все это молодой охотник заметил в первые несколько секунд: разглядывать дольше он и не мог, ибо человек, так внезапно появившийся перед ним, тотчас же сорвался с места и побежал; молодой охотник подумал было, что он испугался. Но нет, на лице его не было страха. Видно, какое-то другое чувство подгоняло его.

Так и оказалось, и Конго понял это первый. Человек со всех ног бежал к реке.

— Вода, вода! — закричал Конго. — Он хочет пить!

Конго был прав, они скоро убедились в этом. Проследив взглядом за незнакомцем, они увидели, что он бросился в реку, припал к воде и стал жадно пить.

Между тем Гендрик и Аренд, услышав выстрелы, испугались, не случилось ли чего-нибудь, и поскакали вперед, оставив вьючных лошадей на попечение Ганса и Черныша.

Они подъехали в ту минуту, как африканец, утолив жажду, вернулся к дереву, где стояли Виллем и Конго.

Не обращая ни малейшего внимания на всех остальных, африканец подошел к Виллему и с величайшим достоинством, какое свойственно почти всем полудиким народам, стал что-то говорить ему. Он, видно, считал себя обязанным поблагодарить за свое освобождение, все равно, поймут его или нет.

— Конго, ты что-нибудь понимаешь? — спросил Виллем.

— Да, баас Виллем, немного, — ответил Конго и как умел пересказал речь африканца.

Он говорил, что обязан Виллему жизнью и теперь готов принести в дар своему спасителю все, чего бы тот ни пожелал.

— Прекрасное обещание, — насмешливо сказал Гендрик. — Надеюсь, Виллем не станет слишком жадничать и оставит что-нибудь человечеству.

Подъехали Ганс и Черныш с вьючными лошадьми, и неподалеку от того места, где была убита буйволица, путешественники стали располагаться на ночь.

Работы хватило на всех — одни собирали сучья для костра, другие готовили все для ночлега, а Чернышу поручили освежевать и зажарить теленка. Пока он стряпал, охотники с помощью Конго, который выступал в роли толмача, подробно расспросили незнакомца о том, что за приключение привело его в их лагерь. Рассказ его был удивителен.

Глава 10. МАКОРА

В осанке и речи африканца была некоторая надменность, и это не ускользнуло от внимания слушателей. Все стало понятно, когда они узнали, кто он такой; а начал он с того, что правдиво и подробно рассказал о себе.

Зовут его Макара, он вождь. Племя его принадлежит к великому народу макололо, но живет отдельно. Их деревня, крааль, находится неподалеку отсюда.

Накануне он с тремя своими подданными отправился в каноэ вверх по реке на поиски одного растения, которое встречается в этих местах, — из него добывают яд для стрел и копий. Проходя неглубоким местом, они увидели гиппопотама — он бродил по дну реки, словно буйвол, пасущийся на равнине, — и решили убить его. Но гиппопотам неожиданно всплыл наверх, опрокинул каноэ, и Макаре пришлось плыть к берегу, а ружье, за которое он когда-то отдал восемь слоновых бивней, пропало.

Своих спутников он не видел с той минуты, как опрокинулась лодка.

Он добрался до берега и здесь повстречал стадо буйволов, буйволиц и телят, которое направлялось к реке. Заметив человека, они тотчас повернули назад, и один из буйволов случайно сбил с ног теленка, да так сильно ударил его при этом, что теленок уже не мог бежать вместе со всеми. Заметив, что детеныш отстал, мать вернулась назад и обратила весь свой гнев на Макару. Преследуемый разъяренной буйволицей, которая жаждала отомстить за беду, приключившуюся с ее детенышем, вождь кинулся к ближайшему дереву.

Едва он успел скрыться среди ветвей, как подбежала буйволица. С большим трудом сюда приковылял и теленок. Двигаться дальше он не мог, а мать не хотела его оставить. Так Макара очутился на дереве. Несколько раз он пытался спрыгнуть и ускользнуть, но всякий раз убеждался, что буйволица подстерегает его, готовая поднять на рога. Макару терзала нестерпимая жажда, когда наконец раздался первый выстрел Виллема, возвестивший, что помощь близка.

В заключение вождь пригласил охотников пойти с ним наутро в его деревню. Он обещал оказать им поистине королевское гостеприимство. Крааль его был недалеко, вниз по реке, и приглашение тотчас приняли.

— Одно место в его рассказе очень меня радует, — заметил Виллем. — Стало быть, неподалеку от нашего лагеря есть или, во всяком случае, был гиппопотам, и, может быть, скоро нам удастся начать долгожданную охоту.

— Спроси-ка у него, Конго, — попросил Гендрик, — много ли в этих местах бегемотов. Вождь ответил, что здесь их почти не видно, но если ехать день вниз по реке, попадешь в большую проточную лагуну, вот там бегемотов — как звезд на небе.

— Как раз то, что нам нужно! — сказал Виллем. — Теперь спроси его о жирафах, Конго.

— Нет, пусть они не надеются найти жирафов в этой части Лимпопо, — ответил Макара. Он слышал, что кто-то когда-то видел здесь жирафа или двух, но они, видно, заблудились, а вообще жирафы тут не водятся.

— Спроси его, не знает ли он, где они водятся, — попросил Виллем.

Казалось, он интересовался жирафами больше, чем все его спутники.

Макара не мог или не пожелал ответить на этот вопрос сразу. Он немного подумал и

начал издалека. Его родина, сказал он, родина его племени, далеко отсюда, на северо-западе, но великий тиран, король зулусов Мосиликатсе, изгнал их из родного края, захватил их земли и всех мелких вождей обложил данью.

Потом Макора рассказал, что каким-то таинственным образом он потерял расположение Секелету и других великих вождей своего народа, они отказали ему в покровительстве, и вместе со своим племенем он вынужден был бросить родной дом и переселиться в те места, куда он теперь поведет своих новых знакомых.

— Но я совсем не об этом спрашивал! — сказал Виллем.

Он и у себя на родине никогда не интересовался политикой, а уж до взаимоотношений африканских князьков ему и вовсе не было дела.

Когда Макору снова спросили о жирафах, он ответил, что нигде нет такого множества жирафов, как в его родных местах, откуда он изгнан по произволу великого вождя зулусов. Дома он охотился на жирафов с детства.

Тут беседу прервал Черныш.

— Мясо готово, — провозгласил он, — пора приниматься за еду.

И он разложил перед охотниками и гостем добрых десять фунтов телячьих отбивных.

Макора, который, судя по всему, очень терпеливо ждал, пока поджарятся отбивные, приступил к еде тоже довольно спокойно. Но скоро выдержка изменила ему. Он ел с жадностью и съел больше, чем все четыре охотника вместе. Но при этом он просил извинить его за прожорливость — ведь почти двое суток у него и маковой росинки во рту не было.

Наконец все поужинали, улеглись у костра и скоро уснули.

Ночь прошла спокойно. Поднялись они вскоре после восхода, но не все в одно время: один человек встал и ушел на час раньше остальных. То был Макора, их вчерашний гость.

— Эй, Черныш, Конго! — закричал Аренд, увидев, что вождя нет в лагере. — Поглядите, все ли лошади на месте! Похоже, что он вчера наврал нам с три короба и в придачу обокрал нас.

— Кто? — спросил Виллем.

— Твой друг, вождь. Он пропал, и хорошо, если у нас больше ничего не пропало.

— Не знаю, куда он девался, но даю голову на отсечение, что он честнейший человек и все, что он рассказал, чистая правда! — воскликнул Виллем с необычайной горячностью, которая всех удивила. — Он вождь, это у него на лице написано, а почему он исчез, просто понять не могу...

— Ну, разумеется, он вождь, — насмешливо сказал Гендрик. — Здесь каждый африканец, у которого есть семья, уже вождь. Правду он говорил или нет, а только это ни на что не похоже — удрать, не сказавшись.

Ганс промолчал, он не имел обыкновения говорить о том, чего не знал; а Черныш, убедившись, что лошади, ружья и все остальное имущество цело, объявил, что еще никогда в жизни он не был так озадачен.

В лагере ничего не пропало, и все-таки Черныш был совершенно уверен, что всякий, кто разговаривает на одном из тех африканских наречий, которые понимает Конго, не устоит, если ему представится случай что-нибудь украсть.

Лошадям дали попасть еще часок, а сами охотники сели завтракать телятиной; потом наши путешественники снялись со стоянки и снова двинулись вниз по течению Лимпопо.

Глава 11. КРААЛЬ МАКОРЫ

Часа через три охотники подъехали к месту, по виду которого можно было безошибочно заключить, что здесь не раз побывал человек.

Небольшие пальмы были срублены, стволы исчезли, а верхушки валялись на земле. Слоны, жирафы и другие животные, питающиеся листвой, обглодали бы верхушки и уж, во всяком случае, не рубили бы пальмы топором, а следы его ясно виднелись на пнях. Еще через полмили путники увидели возделанные поля. Очевидно, неподалеку жили люди,

достигшие известной степени умственного развития.

— Глядите! — воскликнул Аренд. — К нам идет какая-то толпа... Все взгляды обратились в ту сторону, куда смотрел Аренд.

По гребню горной гряды, тянувшейся к северу, приближалось человек пятьдесят.

— Может, они замышляют недоброе? — сказал Ганс. — Что будем делать?

— Поскачем им навстречу, — предложил Гендрик. — Если они нам враги, это не наша вина. Мы им ничего плохого не сделали.

Когда толпа приблизилась, охотники узнали своего недавнего гостя, ехавшего впереди верхом на быке. Он обратился с приветствием к Виллему, и Конго перевел его речь.

— Я приглашаю тебя в мой крааль, — сказал Макора, — и пусть твои друзья идут с тобой. Я ушел ранним утром, я спешил домой, чтобы достойно встретить того, кто стал другом Макары. Лучшие, храбрейшие сыны моего народа пришли приветствовать тебя.

После этого они все вместе двинулись к деревне, которая была неподалеку. На окраине сотни полторы женщин встретили их песней. Заунывный, негромкий напев походил на колыбельную песнь, которой мать убаюкивает дитя.

Дома в селении были построены, как строят частокол: высокие жерди, отвесно вбитые в землю, были переплетены камышом или длинной травой и затем обмазаны глиной. Охотников провели мимо домов на середину деревни, к длинному навесу; здесь расседлали лошадей и пустили их пастись.

Хотя у подданных Макары было всего три часа сроку, они успели к прибытию гостей подготовить настоящий пир.

Чем только не угощали молодых охотников! Тут были и жареная антилопа, и узкие полосы вяленого мяса, и тушеное мясо гиппопотама и буйвола, и сушеная рыба, и жареные зерна зеленого маиса с медом диких пчел, и тушеная тыква, и дыни, и вдоволь отличного молока.

Охотников и всех, кто был с ними, угощали от всей души. Даже собак накормили до отвала. А Конго и Черныша нигде и никогда еще не окружали таким почетом. После обеда Макора объявил гостям, что теперь собирается их развлечь; а чтобы они могли по-настоящему насладиться зрелищем, он вместо пролога рассказал, что им предстоит увидеть.

После того как гиппопотам опрокинул лодку, рассказывал Макора, его спутники вернулись домой и принесли вест о постигшем их несчастье. Племя отправилось на розыски, но, так как вождя не нашли, все решили, что либо он утонул, либо его убил гиппопотам. Итак, было признано, что Макора погиб; тогда Синдо, один из первых людей племени, провозгласил себя вождем.

Утром, когда Макора вернулся к своему племени, узурпатор Синдо еще не выходил из дома и не успел узнать о возвращении вождя. Дом его окружили и самого его взяли под стражу. Теперь, крепко связанный и зорко охраняемый, Синдо ждал казни. Вот это зрелище и предстояло увидеть охотникам. У охотников не было ни малейшего желания присутствовать при казни, но, уступая настояниям вождя, они вместе с ним направились к тому месту, где она должна была совершиться. Синдо был привязан к дереву на окраине деревни. Едва ли не все здешние жители пришли поглядеть, как расстреляют узурпатора, — ибо Синдо приговорили к расстрелу.

Синдо был довольно красив. Ему можно было дать лет тридцать пять. Лицо его не выражало никаких дурных наклонностей, и охотники невольно подумали, что он, наверно, виновен всего лишь в чрезмерном честолюбии.

— Не можем ли мы избавить его от такой страшной участи? — спросил Виллема Ганс. — По-моему, ты имеешь некоторое влияние на вождя.

— Попытка не пытка, — ответил Виллем. — Посмотрим, что я могу сделать.

Синдо должны были застрелить из его собственного мушкета. Был уже назначен палач и сделаны необходимые приготовления, но тут Виллем подошел к Макаре и стал просить его помиловать Синдо.

Он говорил, что Синдо не совершил большого преступления; вот если б он затеял

заговор, чтобы свергнуть Макору и самому занять его место, это было бы совсем другое дело. Тогда бы он заслуживал смерти.

Потом Виллем сказал, что, если бы он, Макора, в самом деле погиб, кто-то ведь должен был стать вождем; и нельзя упрекать Синдо за то, что он хотел править племенем, как правил Макора, чтобы все были довольны.

Виллем просил Макору сохранить Синдо жизнь. Свою просьбу он подкрепил обещанием: если Синдо останется жив, Макоре подарят ружье взамен потерянного в реке.

Макора долго молчал, но наконец ответил, что он никогда не будет чувствовать себя в безопасности, если узурпатор останется с племенем. Виллем сказал, что его можно изгнать из крааля и под страхом смерти запретить возвращаться сюда.

Макора еще поколебался, но потом вспомнил, что он обещал сделать все, чего ни пожелает тот, кто избавил его от заточения на дереве, и согласился. Синдо была дарована жизнь при условии, что он сразу же и навсегда покинет крааль Макоры.

Соглашаясь помиловать Синдо, вождь желал, чтобы все поняли, что он делает это из благодарности к своему другу, белому великану-охотнику. Он не желал, чтобы подумали, будто жизнь Синдо куплена ценой ружья.

Все подданные Макоры, в том числе и сам осужденный, были поражены его решением, ибо ни о чем подобном в этих краях и не слыхивали.

Милосердие Макоры и его отказ от ружья, которым хотели его подкупить, убедили молодых охотников, что он не чужд благородства.

Синдо и вся его семья немедленно покинули крааль. Они собирались искать пристанища у одного из родственных племен — там, конечно, Синдо будет осторожнее и не даст воли своему честолюбию.

В тот вечер Макора на все лады развлекал своих гостей. Был великолепный праздник — песни, танцы под звуки тамтама и однострунной африканской скрипки.

Затем условлено было, что на другой день охотников поведут туда, где водятся гиппопотамы, и все отправились спать.

Глава 12. ОХОТНИКИ ИССЛЕДУЮТ МЕСТНОСТЬ

Ранним утром, отблагодарив Макору за гостеприимство самым лучшим завтраком, какой только они могли приготовить, охотники отправились на поиски гиппопотамов. Макора и четверо его соплеменников служили проводниками, а еще полсотни туземцев должны были помогать во время охоты. Вьючных лошадей и все свое имущество охотники взяли с собой, так как они не собирались возвращаться в крааль, хотя вождь очень уговаривал их остаться. Пусть его крааль будет им домом на все время, пока они охотятся поблизости.

Больше мили они ехали мимо маленьких маисовых полей, принадлежащих племени Макоры. Их обрабатывали женщины и подростки.

На своем веку охотники повидали немало бушменских, бечуанских и кафрских деревень и были удивлены признаками цивилизации в краю, куда не достигало влияние капских колонистов. Спускаясь вниз по реке, они видели небольшие стада буйволов, винторогих антилоп куду и зебр. Наконец-то они добрались до мест, суливших им те самые приключения, которых они искали!

Примерно в пяти милях от деревни они вышли на поляну, густо заросшую травой. Макора предложил раскинуть здесь охотничий лагерь, так как густой лес, который виднелся ниже по реке, служил постоянным прибежищем для дичи всех видов, какие только водились в окрестностях.

Все согласились с Макорой, и туземцы быстро возвели на поляне ограду, чтобы внутри можно было безопасно расположиться лагерем. Молодые охотники тем временем тоже не сидели без дела.

На равнине, вдали, паслись антилопы. Гендрик и Аренд отправились пострелять их,

чтобы было чем накормить людей Макоры.

А Виллем решил побывать в лесу, где, как ему сказали, водится дичь покрупнее. Он уехал в сопровождении Макоры и четверых его адъютантов, предоставив Чернышу и Конго позаботиться о вьючных лошадях и имуществе экспедиции и приглядывать за сооружением ограды.

Неподалеку от берега реки Макора и Виллем въехали в болотистую низину, поросшую густым лесом. Не успели они сделать и нескольких шагов по лесу, как увидели болотных козлов. До них было не больше трехсот ярдов, и, судя по тому, как спокойно они продолжали пастись, Виллем понял, что, хоть деревня племени маколло совсем близко, с ружьем в этих местах еще никто не охотился. На этих кротких животных не стоило тратить пули из громобоя, и Виллем проехал мимо, не причинив им вреда.

Вскоре он напал на тропу, которую протоптали звери покрупнее, проходя по ночам на водопой, и среди множества следов с радостью увидел следы гиппопотама. Несколько гиппопотамов, очевидно, ушли с реки всего два или три часа назад и, должно быть, паслись где-то неподалеку. Люди так редко нарушали покой этих животных, что они, вопреки обыкновению, вышли пастись днем. Виллем, очень довольный тем, что наконец-то он добрался до места, где стоило остановиться на некоторое время, не стал забираться глубже в лес и решил для начала подстрелить одного из двух буйволов, которые лежали неподалеку в тени деревьев. Оставив на попечение Макоры и его спутников свою лошадь и трех собак, Виллем направился к буйволам с подветренной стороны — он хотел оказаться между ними и лесом, чтобы преградить им путь, если они попробуют скрыться в чаще.

Виллем был слишком хороший охотник, чтобы потихоньку подкрадываться к буйволам и стрелять их спящими, поэтому, дойдя до намеченного места, он свистнул собак, чтобы они подняли буйволов и он мог бы выстрелить в них на бегу. Едва он подал сигнал, как раздались громкие вопли туземцев и выстрел из мушкета Макоры.

Что-то случилось: его конь сорвался с привязи и скачет по лугу, а испуганные туземцы кинулись врассыпную.

Бык, на котором сидел Макора, скакал едва ли не быстрее, чем конь Виллема. Все три собаки, услышав призывный свист, неслись к хозяину. Кто-то гнался за ними — какой-то зверь преследовал их. Он продвигался вперед длинными скачками, низко припадая к земле, но при этом так долго собирался с силами для каждого нового прыжка, что расстояние между ним и собаками почти не уменьшалось.

Буйволы вскочили и галопом поскакали к лесу — они промчались в каких-нибудь пятидесяти шагах от Виллема. Но он не стал стрелять в них. Зверь, достойный большего внимания, быстро приближался к нему.

Глава 13. ВЕРНЫЙ СМОК

Собаки, видимо, все еще не подозревали, что за ними гонится враг. Они слышали свист хозяина и, едва их спустили со сворки, кинулись выполнять команду.

Они подняли буйволов и, должно быть, вообразили, будто их позвали затем, чтобы догнать и уничтожить эту дичь. Ничего больше не замечая, они по пятам преследовали огромных четвероногих и промчались мимо Виллема всего в нескольких шагах, но он тщетно пытался отозвать их. А через минуту ему было уже не до собак.

Животное, которое преследовало собак и от которого спасались бегством Макора и его спутники, оказалось огромным леопардом. То была самка, и охотник тотчас сообразил, что произошло.

Она оставила детенышей в своем логове в лесу, а сама пошла к реке — напиться и поесть. И теперь она не погналась ни за Макорой, ни за его спутниками — ведь собаки бежали сейчас как раз туда, где скрывались детеныши.

Увидев Виллема, леопард оставил погоню за собаками. Он припал к земле и стал подползать к человеку. Двигался он быстро, и лишь инстинктивная осторожность мешала

ему ползти еще быстрее. При этом он так плотно прижимался всем телом к земле, что охотнику видны были только голова зверя и его глаза.

Леопард приближался, вот между ними уже нет и десяти ярдов... Пора действовать. Виллем вскидывает ружье — рука его тверда, глаз зорек, а опасность лишь придает ему хладнокровия, — уверенно прицеливается прямо в морду зверя и стреляет.

Пуля попала в цель: леопард опрокинулся, вскочил, завертелся на одном месте — видимо, на время он перестал соображать, что происходит. Адская боль в раздробленной челюсти заставила его забыть и о детенышах и о враге. Но это длилось лишь несколько секунд. Зверь увидел охотника и тотчас понял все.

Выстрелив, Виллем кинулся в сторону, а отбежав с полсотни шагов, остановился и стал перезаряжать ружье. Но при этом он не спускал глаз с леопарда. А тот уже снова подбирался к нему, и на этот раз без всякой осторожности; видно было, что сейчас им владеет лишь одно чувство: жажда мести.

Виллем только успел загнать пулю в ствол ружья, а леопард был уж тут как тут. У охотника не оставалось времени хотя бы вытащить шомпол, тем более вставить пыж. Он схватил ружье за ствол и приготовился защищаться им, как дубинкой. Но в тот миг, когда разъяренный леопард уже готов был прыгнуть, подоспела помощь с той стороны, откуда охотник меньше всего ее ждал.

Одна из собак — огромный бульдог, по кличке Смок, — не побежала за буйволами в лес. Хозяин звал собак назад, и Смок подчинился команде. В то мгновение, когда леопард припал к земле, набираясь сил для последнего прыжка, Смок вцепился ему в заднюю лапу. Виллем не потерял ни секунды. То был последний шанс остаться в живых, и охотник поспешил воспользоваться им.

Курок был взведен и капсюль вложен на место в мгновение ока — из десятка хорошо обученных солдат, может быть, только один сумел бы проделать все это так быстро и ловко, — но, когда Виллем, окончательно зарядив громобой, поднял его и прицелился, несчастный пес уже бился в агонии.

А леопард приготовился к новой атаке на своего врага. Еще секунда — огромный зверь кинулся бы на человека и его острые когти вонзились бы в тело Виллема. Охотник нажал спуск и отскочил. Глаза его заволокло дымом, а когда дым рассеялся, он увидел, что леопард валяется на земле рядом со Смоком и так же, как пес, бьется в предсмертных судорогах.

Поискав глазами своих спутников, Виллем увидел их ярдах в пятистах, — значит, они были свидетелями его победы. Макора поспешно подошел к нему и сразу, показывая на своего быка, стоявшего в полумиле от них, попытался объяснить Виллему, что это бык с перепугу понес Макору прочь, когда он, Макора, хотел спешить на помощь другу.

Поняв, что опасность миновала, подошли и остальные, и славный охотник знаками дал им понять, что он хотел бы взять с собой шкуру леопарда.

Четверо туземцев принялись за дело, ловко орудуя своими ассегаи; видно было, что Виллему недолго придется ждать великолепной шкуры, которую он увезет с собою как трофей и как память о пережитой опасности.

Теперь он занялся раненым псом — Смок, распростертый на земле, все еще скулил и так смотрел на хозяина, словно хотел сказать: «Что же ты не подошел ко мне сразу и не помог мне?»

Несчастливая собака пожертвовала собой, чтобы спасти жизнь хозяину. У нее был перебит позвоночник и все тело изранено. Нет, тут уж ничем не помочь: Смок обречен. И великодушному Виллему стало не по себе.

Обернувшись к Макоре, он увидел, что тот вновь заряжает свой мушкет. Виллем показал на голову пса, потом на ружье.

Вождь понял его и прицелился.

Слезы выступили на глазах у Виллема, он отвернулся и пошел разыскивать своего коня.

Глава 14. ЗАЛИВ

Когда Виллем и его спутники вернулись в лагерь, они увидели, что Гендрик и Аренд поохотились на славу. Уже разведен был большой костер, и на нем поджаривалось мясо двух убитых антилоп.

На земле лежало много срубленных деревьев, и сооружение ограды шло полным ходом.

Макора не соглашался брать никакой платы за труд своих подданных — лишь немного кофе, табаку и бутылку джина. Убедившись, что его друзья расположились удобно, он в тот же вечер простился с ними.

Трех своих людей он оставил в лагере, наказав им помогать охотникам в чем только можно. Однако такое прибавление к отряду сильно раздосадовало Черныша: ведь разговаривать с ними можно было лишь с помощью его соперника Конго.

Теперь у Конго были подчиненные, которыми он распоряжался, а у Черныша подчиненных не было, и потому все стало не по Нем. — Надо бы как следует поохотиться сегодня, — сказал Аренд Гендрику за их первым завтраком в новом лагере.

— Да, — ответил Гендрик. — Виллем обогнал нас, у него уже позади день, полный приключений, но я надеюсь, что и нам скоро улыбнется счастье.

— Я думаю, оно всем нам улыбнется, — вмешался Виллем. — Лучшего места для охоты не найдешь. Дичи здесь хоть отбавляй, и теперь у нас есть помощники. Туземцы с удовольствием выполняют всю черную работу, а нам останется только стрелять.

— Да, верно, — сказал Гендрик. — Мы и мечтать не смели о таком удачном начале, а ведь всего два дня назад мы жаловались на судьбу... А ты что скажешь, Черныш? — обратился он к слуге. — Доволен?

— Сильно доволен, баас Гендрик, — отозвался Черныш, но лицо у него при этом было очень недовольное.

В этот день, оставив Черныша и Конго охранять лагерь, молодые охотники отправились к заливу — там они надеялись увидеть бегемотов. Они проехали мимо того места, где Виллем убил леопарда. Теперь здесь валялись вперемешку лишь кости хищника да кости верного Смока, обглоданные шакалами и гиенами.

Охотники проехали еще полмили, и перед ними открылся залив. Они двинулись по берегу, потом остановились и прислушались — какие-то незнакомые, непередаваемые звуки исходили от двух темных предметов, едва видневшихся над водой. То были головы бегемотов. Животные направлялись к ним, издавая громкие, странные крики, совершенно не похожие на голоса зверей, которые охотникам случалось слышать прежде. О том, чтобы убить бегемотов в воде, нечего было и думать. Стрелять в них сейчас — значило бы зря тратить пули: ведь над водой видны лишь их глаза и нос. Нет, так их ни за что не подстрелить.

Казалось, бегемоты собираются вылезть и напасть на охотников. Но нет, близ берега они, как видно, передумали, круто повернули, расплескивая воду, и поплыли прочь.

Проехав немного дальше, охотники увидели еще трех бегемотов, но уже не в воде, а на суше. Животные спокойно щипали траву, не подозревая о надвигающейся опасности.

— Надо отрезать их от реки, — предложил Виллем. — Тогда они в наших руках.

Охотники быстрым аллюром проехали к реке. Теперь бегемотам путь отрезан.

Инстинкт не спасает этих животных от опасности: откуда бы она ни надвигалась, они бегут в одном направлении — к воде, даже если дорогу им преграждает враг. Вот почему по первой тревоге все три бегемота, тяжело переваливаясь, двинулись к заливу, да с такой быстротой, какой никак нельзя было ожидать от этих неуклюжих созданий.

Они бежали прямо на охотников — и тем оставалось только посторониться и уступить дорогу, не то бы их попросту затоптали.

Ганс и Виллем стояли рядом, и, когда широкий бок бегемота оказался прямо перед ними, оба разом прицелились чуть ниже плеча и выстрелили. Гендрик и Аренд выстрелили в

другого бегемота.

Огромные черные туши продолжали катиться к реке, но тот, в которого стреляли Ганс и Виллем, заметно пошатывался и все замедлял шаг. Не добежав до берега, он тяжело качнулся, словно корабль, зачерпнувший воды, и опрокинулся на бок. Раза два он тщетно пытался снова подняться, потом все его огромное тело судорожно затряслось и застыло неподвижно — он был мертв. Два других зверя с разбегу бросились в воду, и Гендрику с Арендом осталось только огорчаться, что их первая попытка убить гиппопотама не удалась.

Ганс и Виллем не считали себя удачливыми вояками, притом Ганс вечно был поглощен своими ботаническими изысканиями, но вот они с Виллемом убили гиппопотама, а ведь случай благоприятствовал им ничуть не больше, чем Гендрику с Арендом, которые упустили свою добычу!

Глава 15. ГИППОПОТАМЫ

Еще Геродот, Аристотель, Диодор и Плиний более или менее верно описали бегемота, или гиппопотама, или, что то же самое, речную лошадь, или водяную корову, которая водится в голландской Южной Африке.

Европейцы с давних пор читали об этом звере, но лишь недавно его увидели; интерес к нему оказался так велик, что в 1851 году, когда была Всемирная выставка, Зоологическое общество выручило десять тысяч фунтов, показывая бегемота в лондонском Риджент-парке.

Бегемотов, привезенных из Северной Африки, нередко показывали в римском цирке. Но потом на несколько столетий в Европе забыли о них. И, по свидетельству заслуживающих доверия авторов, они совершенно исчезли из Нила.

Прошло несколько веков с тех пор, как бегемотов показывали в Риме и Константинополе, и все это время считалось, что доставить их живыми в чужую страну невозможно. Но наука шла вперед, и эта ошибочная гипотеза была опровергнута. С мая 1850 года глухой рев гиппопотама стал хорошо знаком постоянным посетителям Лондонского зоопарка.

Если верить Мишелю Войну, гиппопотамы были обнаружены в реках Китая. Мареден поселил их на Суматре; другие сообщали, что гиппопотамы водятся в Индии, но ни одно из этих утверждений не было подкреплено хорошо проверенными фактами, и родиной гиппопотама теперь считают одну лишь Африку.

За что гиппопотаму дали название «речная лошадь», трудно понять. Едва ли на свете найдется другое четвероногое, до такой степени не похожее на лошадь.

Обычно гиппопотам погружается в воду настолько, что лишь его глаза, уши и нос остаются на поверхности, и тогда он видит, слышит и дышит, а пулей его не достать. В воде гиппопотам движется свободно и легко и бывает очень свиреп, но на суше он неуклюж и, чувствуя это, держится робко и даже трусливо.

Очевидно, эти громадные животные делают весьма полезное дело: они ломают и вырывают с корнем большие подводные растения, которые, разросшись, могли бы преградить путь реке и она затопила бы все вокруг. В Африке шкуру гиппопотама используют для самых разных надобностей. Мягкая, когда ее только что сняли, она становится такой прочной и жесткой, когда высохнет, что местные жители выделывают из нее копы и щиты.

Для многих капских колонистов соленое гиппопотамье мясо — любимое блюдо.

Больше всего ценят зубы бегемота. Его огромные клыки — самая красивая кость из всех нам известных, и ею особенно дорожат дантисты: она прочнее и сохраняет свой цвет лучше всех других сортов, из которых изготавливают искусственные зубы.

Длина клыков бегемота иногда достигает шестнадцати дюймов, а вес — двенадцати фунтов. Иные путешественники даже уверяют, что видели клыки длиной в двадцать шесть дюймов; но в музеях Европы пока что нет ни одного клыка таких размеров. У взрослого бегемота шкура еще толще, чем у носорога. Она такая толстая, что ее не пробить ни

отравленной стрелой, ни дротиком. Если бы не это, гиппопотамы давно исчезли бы из рек Африки — в отличие от большинства животных, к ним можно без труда подойти на расстояние выстрела из лука.

Но чтобы убить бегемота, местным жителям приходится затратить немало усилий и изобретательности.

Обычно поступают так. Роют ямы-ловушки на дороге, по которой бегемот проходит от реки на ближнюю равнину, когда ему придет охота полакомиться травой. Ямы надо рыть в сезон дождей. В засушливые месяцы земля становится такой твердой, что совершенно не поддается убогим орудиям, которые заменяют местным жителям заступ. Ловушку тщательно маскируют, но иной раз проходят долгие месяцы, прежде чем гиппопотам в нее попадет.

Есть и другой способ охоты на гиппопотамов. Над тропой, которой они идут из реки на соседнее пастбище, подвешивают футов на тридцать — сорок от земли тяжелое бревно с заостренным концом, а поперек тропы протягивают канат, привязанный к защелке, которая это бревно удерживает. Когда гиппопотам с силой дергает канат, огромный кол высвобождается и падает, вонзаясь острым концом в спину животного.

Но теперь по всей Африке вошло в обиход огнестрельное оружие, а за клыки гиппопотама платят так щедро, что не жаль никаких усилий на то, чтобы добыть их, и потому неуклюжий зверь, которого сейчас постоянно встречаешь на берегах южноафриканских рек, вероятно, скоро станет великой редкостью.

Глава 16. ОХОТА НА ГИППОПОТАМОВ

Гиппопотам, убитый Виллемом и Гансом, был великолепен — взрослый самец с большими, без малейшего изъяна клыками.

Измерив его стволом своего громобоя, Виллем сказал, что длина зверя шестнадцать футов, а в объёме тела — пятнадцать.

Они оставили бегемота на том месте, где он свалился, и поехали дальше по берегу. Они уже видели великолепных гиппопотамов и предвкушали приятную и выгодную охоту, но действительность превзошла все их ожидания.

Не дальше чем в полумиле от места, где был убит первый гиппопотам, они увидели небольшую заводь фута в четыре глубиной. В ней барахтались семь гиппопотамов, а еще несколько паслись неподалеку в болотистой низине. Люди до сих пор так мало беспокоили их, что они не боялись выходить на берег и при свете дня. Те, что оставались в воде, оказались всецело во власти охотников: у них не хватало смелости выбраться на берег, а заводь была не настолько глубока, чтоб они могли укрыться в ней.

Около получаса четверо молодых охотников стояли у заводи, заряжали ружья и стреляли всякий раз, как предоставлялся удобный случай. А когда семь огромных гиппопотамов были убиты или лежали при последнем издыхании, охотники вернулись в свой лагерь.

Здесь их ждал Макора, приехавший с утренним визитом. В подарок охотникам он привез дойную корову, и они от души поблагодарили его.

Корову поручили Чернышу и строго наказали ему получше заботиться о ней.

— Корова нам дороже всякой лошади, — объяснил ему Гендрик. — Конго я бы ее ни за что не доверил, ну, а уж ты, конечно, приглядишь за ней как следует.

Черныш был просто счастлив. Когда охотники рассказали Макоре, что убили сегодня утром восемь гиппопотамов, он несказанно обрадовался. Он тотчас же послал двоих туземцев в деревню сообщить приятную весть всему племени: их ждет великое изобилие любимой еды.

Ну, на сегодня хватит. И охотники прилегли отдохнуть в тени палатки. Но часа за два до захода солнца им пришлось встать: к ним явились человек триста из племени Макары — мужчины, женщины, дети, — и все жаждали, чтобы их поскорее повели к убитым гиппопотамам.

Виллем боялся, как бы такое множество народу не распугало всю дичь в округе — тогда придется переносить лагерь в другое место. Но разве уговоришь несколько сот людей ради этого отказаться от обильной и лакомой пищи и бросить ее пропадать! И без дальнейших разговоров охотники согласились вести их к месту утренней охоты.

Виллем, Гендрик и с ними Конго вскоре были уже на конях, готовые к ночной охоте.

Они двинулись в путь, сопровождаемые Макорой со всеми его людьми, а Ганс и Аренд остались сторожить лагерь.

Подойдя к тому месту, где утром был убит первый гиппопотам, они спугнули целую стаю стервятников и свору шакалов, которые раздирали тушу; несколько человек остались охранять от хищников то, что могло пригодиться им самим.

По распоряжению Макоры, туземцы захватили с собой длинные и крепкие веревки, свитые из полос кожи носорога, и, когда они подошли к заводи, Макора приказал вытащить на берег туши семи убитых гиппопотамов. При обычных условиях выполнить его распоряжение было бы просто невозможно, но здесь берег был ровный, отлогий, за дело взялись добрых полторы сотни людей — и дружными усилиями, ловко и умело орудя канатами, они справились с этой почти неразрешимой задачей.

Потом мужчины принялись свежевать туши и разрубать их на части, а тем временем женщины и дети разводили костры и готовили все необходимое для грандиозного пира.

Люди работали до поздней ночи. Все мясо, которое не пошло для сегодняшнего пира, разрезали на длинные тонкие полосы, чтобы потом провялить их на солнце, а зубы гиппопотамов поступили в полную собственность молодых охотников. В ту ночь Виллему и Гендрику не пришлось пускаться в дальний путь, чтобы заняться своим любимым делом — охотой.

Львы, гиены и шакалы издали почуяли убитых гиппопотамов и, подкравшись к заводи, громко выражали свое недовольство тем, что их не пригласили на пиршество. Несмотря на то что здесь собралось столько людей, зловещий хохот гиен слышался совсем близко. Они, видно, собирались напасть.

В течение некоторого времени Виллем и Гендрик стреляли почти непрерывно, и наконец отвратительные хищники стали осторожнее и отступили на безопасное расстояние.

У охотников не было ни малейшего желания тратить время и пули, чтобы убивать зверей без разбору. Они хотели стрелять лишь такую дичь, которая могла бы вознаградить их за далекое путешествие; поэтому они скоро перестали палить по гиенам и шакалам. Они отъехали от заводи и направились по берегу туда, где накануне видели гиппопотамов. Гиппопотамы обычно выходят на сушу пощипать травку ночью, поэтому теперь охотники рассчитывали увеличить число своих побед — и их надежды сбылись.

В полумиле от того места, где они оставили Макору, пировавшего со своими соплеменниками, Виллем и Гендрик увидели равнину, залитую серебряным лунным светом. По равнине лениво бродило десятка полтора теней. Охотники пригляделись и, убедившись, что это гиппопотамы, осторожно двинулись к ним.

Не подозревая, чем им грозит приближение всадников, животные не обращали на них ни малейшего внимания и не пытались уйти, пока охотники не подъехали совсем близко.

— Вот тот — самый большой, — прошептал Виллем, показывая на громадного самца, который пасся не дальше чем в ста шагах от них. — Я им займусь. А ты, Гендрик, возьми на мушку другого, выстрелим одновременно.

С этими словами он поднял свой тяжелый смертоносный громобой, прицелился и выстрелил. Огромное животное зашаталось и попятилось: пуля пробила его голову.

То не было попыткой отступить к воде, бежать в страхе перед опасностью, — гиппопотам уже ничего не сознавал, он был при последнем издыхании.

Пятясь задом, гиппопотам протащился каких-нибудь десять ярдов от того места, где его подстрелили, потом тяжело рухнул на землю, опрокинулся на бок и остался недвижим.

Гендрик выстрелил почти одновременно с Виллемом; но в первую минуту гиппопотам, в которого он целился, повел себя так, словно это его нимало не касалось. Вместе с

остальными он затрусил напрямик к воде, пытаясь спастись бегством.

И Гендрик было огорчился: опять Виллему повезло, а ему нет! Но скоро он успокоился: они заметили, как один из бежавших к реке гиппопотамов споткнулся и упал.

Всадники перезарядили ружья, подъехали к упавшему животному и увидели, что оно бьется, пытаясь подняться.

Первым выстрелом Гендрик ранил гиппопотама в правое плечо и теперь вторым положил конец его тщетным усилиям и самому его существованию.

Но охотникам было мало этого. Они въехали под сень деревьев, спешили и залегли, ожидая, не покажутся ли гиппопотамы снова на равнине. И они опять не обманулись в своих надеждах. Время от времени до них доносилось глухое ворчание вынырнувшего из воды гиппопотама, а немного спустя они увидели, что три огромных зверя медленно движутся в их сторону. Оба охотника дождались, пока шедший впереди гиппопотам не оказался всего в нескольких ярдах от них, и выстрелили почти одновременно.

С воплем, напоминающим сразу и хрюканье кабана и ржание лошади, гиппопотам повернул к берегу, но не побежал, а начал медленно кружиться на одном месте, как собака, которая собирается лечь спать. Так и он — покружился и лег, чтобы никогда уже не подняться.

В ту ночь Виллем с Гендриком подстрелили еще трех гиппопотамов. Таким образом, они убили за одни только сутки четырнадцать штук. Макора сказал, что его племени за целых два года не удалось убить так много гиппопотамов.

Глава 17. В СТРАНУ ЖИРАФОВ

Уже больше месяца они охотились на гиппопотамов, и Виллему не терпелось заняться наконец делом, ради которого он затеял все это путешествие.

У них накопилось добрых семьсот фунтов превосходной кости, но, несмотря на такие успехи, им уже начала надоедать эта охота — из удовольствия она превратилась в деловое предприятие.

Несколько раз они беседовали с Макорой о жирафах и поняли, что поймать детенышей живьем совсем не просто: на это потребуется немало труда и изобретательности.

Выследить жирафов, догнать их и подстрелить ничего не стоит; иное дело — поймать их малышей невредимыми. На это, судя по рассказам Макоры, у охотников уйдет все время, оставшееся до возвращения домой, в Грааф-Рейнет.

Имя, слава, вознаграждение — все, чего так жаждал Виллем, зависело от того, сумеют ли они доставить голландскому консулу двух молодых жирафов. Гендрику и Аренду не терпелось вернуться к своим невестам, а Ганс мечтал о путешествии в Европу.

Поэтому все с радостью согласились, когда Виллем предложил двигаться дальше.

Они сказали о своем намерении Макоре и этим очень его встревожили.

— Я не могу отпустить вас одних, — сказал он. — На пути к моей родине вас ждут опасности, а может быть, и смерть. Вместо того чтобы поймать живьем жирафов, вы, пожалуй, еще сложите там свои головы. Вам нельзя идти одним. И раз уж мы сами не можем добыть для вас детенышей жирафов, я пойду с вами, и мои лучшие воины будут помогать вам. Быть может, тиран Мосиликатсе убьет нас всех, но все равно я иду с вами. Макора не отпустит друзей одних, он разделит с ними опасность. Завтра мои воины будут готовы.

Таков был, по словам Конго, смысл речи Макоры. Молодые охотники давно уважали вождя за все, что он сделал для них, и теперь были тронуты новым доказательством его дружбы.

Макора готов был покинуть свой дом и отправиться чуть ли не за двести миль, а ведь от этого путешествия он не получит никакой выгоды, а потерять может все. И он охотно шел на это из благодарности человеку, который по чистой случайности выручил его однажды из беды.

Предложение Макоры приняли и тотчас начали собираться в дорогу.

Кость, добытую во время охоты на гиппопотамов, решили спрятать пока в надежное место.

Вот, пожалуй, и все, чем должны были заняться перед отъездом молодые искатели приключений. Не так готовились воины Макоры. Они запаслись отравленными стрелами, чинили луки и щиты, оттачивали дротики.

Назавтра, после того как Макора решил сопровождать охотников, он ранним утром выступил из своей деревни во главе пятидесяти трех лучших воинов, и экспедиция двинулась на север.

С собой взяли нескольких быков и нагрузили их сушеным мясом, толченым маисом и другой провизией на дорогу. Гнали и нескольких коров, чтоб не испытывать недостатка в молоке.

Одну из своих вьючных лошадей охотники отдали вождю, и он все время держался подле Виллема.

Места, через которые лежал их путь, были дикие, да и бык — животное не из быстроходных, поэтому продвигались они медленно.

По дороге попадалось много дичи, но охотники не убили ни одного животного просто ради прихоти. Убивали лишь столько, сколько требовалось, чтоб накормить всех свежим мясом; подстрелить антилопу можно было, не тратя и минуты лишней, — их вокруг было множество и притом близко, они подходили на расстояние выстрела.

Дорогой случилось лишь одно происшествие, о котором стоит рассказать.

Было это на шестые сутки, когда путники остановились на ночлег. Один из макололо, сидевший у костра, поднялся, чтобы подбросить хворосту в огонь. Он протянул руку за палкой, валявшейся на земле, и вдруг отпрянул с криком ужаса.

Туземцы, что были поближе, повскакали на ноги, поднялся переполох, и наши охотники не сразу могли понять, что произошло. В конце концов оказалось, что всему виной огромная змея, чуть ли не в восемь футов длиной. Ее подтащили к костру и стали разглядывать. Она извивалась и корчилась, издыхая: кто-то из туземцев раздробил ей голову. Змея была почти черная, и макололо тотчас поняли, какой она породы.

— Пикахолу! Пикахолу! — послышались голоса, и все поспешно обернулись к тому, кто первым на нее наткнулся.

Он поднял правую руку — и все увидели на ладони две глубокие царапины.

У макололо вырвался единодушный вопль — широко раскрытыми глазами они смотрели на несчастного, и взгляды их говорили яснее слов: «Тебе суждено умереть».

Вскоре он весь почернел. Потом у него задергались губы и пальцы, остекленели глаза.

Прошло едва десять минут с тех пор, как его укусила змея, а он уже ничего не сознавал и не чувствовал, кроме смертной муки, и, если б стоявшие вокруг не удержали его, упал бы в костер.

Меньше чем через полчаса он был уже мертв, а змея с искалеченной головой все еще судорожно извивалась по земле.

Воина похоронили на восходе солнца, спустя три часа после того, как он умер; но яд был так силен, что тело начало разлагаться еще прежде, чем его опустили в могилу!

Глава 18. ОХОТА НА ЖИРАФОВ

На двенадцатый день после того, как охотники покинули берега Лимпопо, они под вечер добрались до небольшой речки. Макора называл ее Луизой. Он сказал охотникам, что отсюда всего день пути вниз по течению до развалин деревни, где он родился и прожил всю жизнь, кроме последних двух-трех лет, и что его желание увидеть родные места почти уже исполнилось.

Макоре было с чем поздравить себя. Выгнав его из родной страны, вождь Мосиликатсе мало что выиграл. Макололо угнали весь свой скот, унесли все добро — грабителю ничего не досталось. Ни один из его племени не остался дома, некому было платить дань

завоевателю; земля макололо опустела — на ней теперь хозяйничают одни только дикие звери.

Соплеменники Макоры не стали рабами, они ушли из родных мест, но теперь никто не помешает им навестить их старый дом.

Ловить молодых жирафов вождь макололо предложил так: устроить в каком-нибудь подходящем месте западню — хопо — и загнать туда стадо жирафов; старых убить, а детенышей захватить.

План Макоры был очень хорош, и все единодушно одобрили его.

Место для западни нужно выбрать с умом, так, чтобы на устройство ее потратить поменьше труда и сил. Конечно, вождь сделает это лучше всех, и охотники решили всецело положиться на него во всем, что касалось сооружения хопо.

Макора вспомнил, что видел когда-то подходящее место на несколько миль ниже по течению, и они отправились туда.

Миновали разрушенную, опустевшую деревню, и многие макололо узнали среди мусора и развалин места, где когда-то стояли их дома.

Еще пять миль вниз по течению — и вот они уже у места, где надо устроить западню. Это узкая долина, вернее — овраг, который ведет от большого леса к берегу реки.

И каких только следов здесь нет! Как видно, чуть ли не все зверье со всей округи проходит тут каждый день.

В лесу растет главным образом мимоза. Ее листву жирафы предпочитают всякой другой пище. Здесь много и других деревьев — они пригодятся для устройства загона.

Макора обещал, что его люди начнут сооружать западню на следующий день: выроят ямы и срубят деревья, чтобы поставить ограду.

Виллем спросил:

— Не лучше ли сперва проверить, есть ли в ближайших окрестностях жирафы, а потом уже приниматься за дело?

Макора ответил, что в этом нет надобности: к тому времени, как они построят западню, жирафы, уж конечно, найдутся. Кроме того, он предостерег охотников, чтобы они не стреляли в жирафов, если и увидят их, пока не будет готова западня, а на это, по его подсчетам, уйдет недели две.

Только теперь охотники начали понимать, какое трудное дело они затеяли, и возблагодарили счастливый случай, который привел им на помощь вождя племени макололо. Без Макоры и его людей нечего было бы и пробовать поймать жирафов живьем.

Охотники прекрасно ездили верхом, и им ничего не стоило нагнать жирафов и убивать их сколько душе угодно, но это было бы жалкое развлечение, и даже Виллему оно бы скоро наскучило. Не для этого они пустились в дальний путь.

На другое утро начали устраивать западню, и, чтобы вдохнуть в молодых охотников надежду, что труды их будут не напрасны, Макора показал им следы стада жирафов, которое ночью побывало у реки.

Вождь не позволил своим гостям принимать участие в тяжелой работе, и, чтобы не терять времени попусту, Виллем, Гендрик и Аренд решили проехать вниз по течению.

Ганс остался в лагере. Он был рад случаю пополнить свой гербарий, а заодно пострелять антилоп и другую дичь, чтобы было чем кормить людей Макоры.

С ним остался и Черныш.

Думая, что их поездка продлится всего два дня, Виллем и его друзья хотели отправиться налегке и потому взяли с собой лишь одну вьючную лошадь. Ее поручили заботам Конго, который, разумеется, не отставал от своего хозяина.

Трудно представить себе места прекраснее тех, где они охотились в первый день. Пальмовые и смешанные рощицы разбросаны там и сям по цветущей равнине, и на ней мирно пасутся антилопы гну и каамы. Стаи яркокрылых птиц гнездились, кажется, в ветвях каждого дерева. И куда бы ни глянули наши путники, все представлялось поистине каким-то охотничьим раем.

В тот день молодые искатели приключений впервые увидели гордого жирафа. Семь величественных жирафов не торопясь спускались с холмов, которые пересекали равнину.

— Не шевелитесь! — воскликнул Гендрик. — Может, они подойдут поближе и мы успеем выстрелить в них, прежде чем они нас заметят.

Грациозные животные двигались по освещенной солнцем равнине, словно ожившие башни, и от них ложились на траву длинные тени. Деревья издали казались ниже их высоко поднятых голов. Не дойдя ярдов двести до охотников, жирафы почуяли их, круто повернули и стремительно понеслись прочь.

— Догоним их! — воскликнул Виллем. — Наши кони не устали. Что бы там ни говорил Макора, а я должен убить жирафа!

Все трое вскочили в седла и, оставив выючную лошадь на попечение Конго, погнались за убегающим стадом.

Некоторое время всадники не могли нагнать жирафов, которые уносились от них широкими, неуклюжими шагами. Но расстояние, разделявшее их, не увеличивалось, и охотники, не теряя надежды, все подгоняли лошадей.

Так они проскакали мили четыре, и лошади стали уставать, но и жирафы сбавили шаг. Превьющая скорость стала им не по силам.

— Один мой! — крикнул Виллем и дал шпоры коню. Огромный жираф, видно уставший больше других, начал заметно отставать. Скоро охотники почти поравнялись с ним и, отрезав его от стада, дали залп. Казалось, жираф должен был упасть, но нет, он побежал быстрее прежнего, словно выстрелы прибавили ему сил.

Всадники остановились, наскоро перезарядили ружья и, пришпорив коней, опять догнали жирафа.

Снова дали залп. Виллем целился пониже плеча, остальные — вверх, в голову.

Жираф вдруг остановился и задрожал, словно подрубленное дерево. Голова его бессильно качнулась сперва направо, потом налево. Он пытался устоять на нетвердых ногах, но потерял равновесие и, не в силах больше бороться, рухнул наземь.

Охотники спешили и с гордостью смотрели на распростертое перед ними животное, которое совсем недавно было таким величественным. То был движущийся монумент — и вот он лежит на траве и судорожно бьет ногами в предсмертных муках.

Глава 19. ЖИРАФ

На свете нет, пожалуй, животного более стройного, с более красивой и гордой осанкой, чем жираф. От его переднего копыта до рогов восемнадцать футов — это, говорят, самое высокое четвероногое на земле. Есть несколько видов жирафов. Изящные и величественные, с красивой пестрой шкурой и кротким нравом, они при первом же своем появлении в Европе вызвали большой интерес.

Жираф был хорошо известен древнему Риму и в пышных зрелищах привыкшего к роскоши города играл не последнюю роль; но после падения Римской империи жирафы исчезли из Европы, и на несколько веков цивилизованный мир забыл о существовании этих животных.

О них упоминается вновь лишь в конце XV века. Известно, что во Флоренции среди диковинок Лоренцо Медичи был и жираф.

Египетский паша преподнес жирафа в подарок Георгу IV, и это был первый жираф, которого увидели в Англии. Его привезли в 1828 году, и он прожил около года.

Двадцать четвертого мая 1850 года в зоологическом саду в Риджент-парке появились четыре жирафа. Их привезли с юго-запада Кордофана, и доставка обошлась в две тысячи триста восемьдесят шесть фунтов стерлингов три шиллинга и один пенс.

При взгляде на жирафа кажется, что передние ноги у него почти вдвое длиннее задних, но это неверно; просто плечи у него гораздо массивнее бедер. Голова жирафа непропорционально мала и покоится на постепенно суживающейся кверху шее длиной около

шести футов. Если смотреть на него спереди, шея, туловище и передние ноги примерно одинаковой вышины. Задние же ноги, если считать от верха бедра до копыта, редко бывают длиннее шести с половиной — семи футов. Голова жирафа увенчана парой шишек, которые обычно называют рожками, хотя они совсем не похожи на рога любого другого животного. Они костяные, пористые и покрыты короткой щетиной.

Натуралисты до сих пор не определили, для чего предназначены эти костяные отростки. Они не нужны ни при нападении, ни при защите и не выдержат столкновения в драке.

Глаза жирафа необыкновенно хороши. Они большие и притом более нежные и кроткие, чем прославленные глаза газели; посажены они так, что жираф видит во все стороны, не поворачивая головы.

Жираф на редкость чуток и очень робок, мгновенно замечает опасность, и человек может нагнать его лишь на самом быстроногом коне.

Питается жираф преимущественно листьями и ветками акаций и других деревьев, особенно зонтиковидной акации, которую туземцы называют «мохала», а голландцы — жители Капской колонии — «жирафья акация».

Язык служит жирафу, как хобот слону, своеобразным щупальцем и хватательным органом, но жираф гораздо выше ростом и потому лакомится листьями, растущими так высоко, что слону их не достать.

Кожа у жирафа необыкновенно толстая — нередко до полутора дюймов, — и пробить ее так трудно, что иногда приходится потратить двадцать, даже тридцать пуль, чтобы убить животное. Боль от ран жираф переносит молча — он немой.

Жираф не похож на других зверей и тем, что его шкура с годами темнеет.

Самка жирафа светлее самца и много ниже его ростом. У жирафа есть только один способ самозащиты — он лягается, и удар его копыта гораздо сильнее и опаснее, чем любого другого животного, в том числе и лошади. Выпуклые глаза позволяют ему видеть и то, что происходит сзади, поэтому он бьет врага наверняка; ударом копыта он может раздробить человеку череп или переломать ребра. Но если жирафа не трогать, он — одно из самых безобидных животных.

Это удивительное создание, с таким необычным строением тела, такое быстроногое, сильное, пригодно, конечно, не только для того, чтобы щипать листья акации, но какое найти ему применение, человек пока не знает.

Глава 20. ОНИ СПАСАЮТСЯ БЕГСТВОМ

Оставив наконец тело жирафа там, где он был убит (Виллему непременно хотелось повезти его с собой), охотники отправились на поиски реки. Они обрадовались, увидав недалеко Луизу или другую точно такую же речку, и поехали берегом, отыскивая место, где можно было бы напоить лошадей; после долгой погони за жирафами их томила жажда.

Проехали уже с полмили, а берег был все так же крут и неприступен. Но неподалеку охотники увидели небольшое озерцо и сделали привал, чтобы дать лошадям немного отдохнуть, да и накормить их тоже было пора.

Вокруг озерца пышно разрослась трава, и лошади могли попастись час, другой. Их расседлали и пустили щипать траву.

— Я думаю, Конго догадается все упаковать и пойдет за нами, — сказал Гендрик.

— Да, наверно, — ответил Виллем. — По-моему, часа через два он будет здесь.

— А ты уверен, что он разыщет нас?

— Конечно, — ответил Виллем. — Он знает, что мы отправились вниз по течению, и река сама поведет его. А если и нет, ведь с ним Следопыт. Пойди мы сейчас вверх по реке, мы бы встретили его на полдороге.

— Но нам незачем идти вверх, — сказал Гендрик. — Нам надо идти вниз по течению.

— Тогда лучшеждемся его здесь.

Разговаривая так, они вдруг услышали глухой, но мощный звук, и им почудилось, что сама земля задрожала у них под ногами.

Деревья в ближайшей роще зашатались, некоторые пригнулись к самой земле, словно вдруг налетел бешеный ураган.

Лошади встревожились — вздернули головы, захрапели и стали кидаться из стороны в сторону, словно не зная, куда спастись.

Еще минута — и из-за шатающихся деревьев выступили слоны. Очутившись на равнине, почти все они громко затрубили.

Лошади поскакали прочь, и охотники погнались за ними — ведь от того, поймут ли они лошадей, зависела их жизнь.

Но почти тотчас погоню пришлось бросить. Слон, шедший впереди, кинулся на людей, и теперь впору было думать лишь о собственном спасении.

Остальные слоны двинулись за лошадьми; казалось, все они бешеные, кроме трех-четырех, которые остались у озера.

Самая жизнь охотников была в опасности. Остановить жоака и обратить слонов в бегство мог лишь меткий залп. Эта мысль пришла в голову всем троим. Они разом прицелились и выстрелили в бегущего на них слона. Но пули их пропали понапрасну.

От этой попытки задержать его слон только пришел в ярость и, затрубив еще громче, еще оглушительнее, прибавил шагу.

Перезаряжать ружья уже не было времени, и охотники снова побежали, с ужасом понимая, что вот-вот гигант нагонит их и не один, так другой падет жертвой преследователя.

Охотники со всех ног неслись к реке. Стоило им кинуться в любую другую сторону — и они напоролась бы на клыки остальных слонов. Слонов привлек рев раненого товарища, и они теперь яростно преследовали людей.

Охотникам удалось добежать до реки, и они уже хотели броситься вплавь, но тут Аренд подал новую мысль.

— За мной! — крикнул он и побежал по стволу поваленного тополя, лежащему поперек течения.

Разъяренный слон был уже так близко, что, когда Виллем, отступавший последним, стал взбираться на поваленное дерево, он почувствовал, как хобот слона коснулся его ноги.

Макушка дерева опустилась в воду на несколько футов ниже берега, за который оно еще цеплялось корнями, и им пришлось, как выразился Гендрик, взбираться по стволу вниз.

Ветвями упавший тополь опирался на камни посреди реки, и поэтому его не снесло течением, хотя здесь оно было очень быстрое.

На некоторое время охотники очутились в безопасности, и, хотя при обычных обстоятельствах их положение никто бы не назвал приятным, они были несказанно счастливы: так всегда чувствуешь себя, когда только что избежал гибели.

Слон неистово рвал вывороченные корни тополя, тщетно пытаясь добраться до охотников. Они оказались в осаде, но в ближайшее время им не грозила опасность столкнуться лицом к лицу с врагом.

Охотники внимательно осмотрели свое убежище и убедились, что основание скалы, на которую опиралась верхушка дерева, составляет не более тридцати футов в окружности, а вершина вдвое меньше — диаметр ее всего около десяти футов. Этого было достаточно, чтобы все трое могли стоять на скале, но и только; зато ветви тополя оказались такими крепкими и длинными, что можно было сколько угодно лазить по ним, как лазили бы обезьяны, окажись они на месте наших охотников. Что касается врага, он, видно, сразу понял, что люди оказались в безопасности, и минуту, другую словно обдумывал, не снять ли осаду.

Между тем охотники немного отдышались после отчаянного бега и стали перезаряжать ружья — нужно было быть наготове.

И, словно разгадав их намерения, слон спокойно двинулся от реки.

— Ушел! — сказал Виллем. — Но нам лучше не спешить. Я не прочь бы еще немного

отдохнуть.

— Надеюсь, мы останемся здесь не дольше, чем сами захотим, — заметил Гендрик. — Только не надо двигаться с места, пока все стадо не уйдет отсюда. Эти слоны какие-то бешеные, мы таких еще никогда не встречали: они совсем не боятся людей!

Скала, на которой стояли охотники, была на несколько футов ниже берега реки, поэтому они не видели, что происходит на равнине.

Аренд предложил вернуться назад по стволу тополя и, если слон еще в пределах досягаемости, выстрелить по нему на прощанье. Виллем и Гендрик запротестовали. Они предпочитали оставить слона в покое — пусть уж уйдет, если сам собрался уходить.

Через несколько минут Аренд снова предложил подняться и поглядеть, тут ли слон. Но его товарищи опять воспротивились.

— Нет, еще рано, — сказал Виллем. — Нам нельзя показываться. Может, он все еще стережет нас — и, если увидит тебя, пожалуй, вообразит, что нам не терпится удрать. Это лишь подстрекнет его задержаться здесь. Надо быть поосторожнее — такой враг не глупей человека.

Прошло еще полчаса, и Виллем поднялся по стволу, так что его голова оказалась на уровне берега. Одного взгляда оказалось достаточно. Когда он обернулся к своим товарищам, лицо его было мрачно.

— Так я и думал, — сказал он, — слон все еще здесь. Он сторожит нас. Он хочет отомстить, и, думается мне, он свое возьмет. Пока можно будет выбраться отсюда, мы тут с голоду помрем.

— Где он? — спросил Гендрик.

— Да тут, у озера, принимает душ. Но я видел, он все время поглядывает в нашу сторону.

— Он один? — спросил Аренд.

— Да, похоже, что остальные ушли. У озера он один. Он ранен, но двигается довольно быстро, и, пока мы не убьем его, нам не выйти на равнину.

Никто не ответил. Виллем снова перешел на скалу, и все трое взяли за ружья, готовясь стрелять по врагу.

Глава 21. ДИЧЬ, КОТОРУЮ НЕЛЕГКО УБИТЬ

Снова Виллем вскарабкался по стволу. На этот раз он прихватил свой громобой, и двое друзей не отставали от него. Слон все еще был у озера; чтобы заставить его подойти ближе, Виллем показался над берегом. Однако хитрость не удалась. Слон видел его, но инстинкт или, быть может, почти человеческий разум подсказал ему, что не стоит нападать на людей, пока они не покинули свое убежище.

— Отсюда стрелять нет смысла, — сказал Виллем. — Надо подобраться к нему поближе. Не стойте на дороге: очень возможно, что мне опять придется от него удирать.

От упавшего тополя до озера было ярдов сто. Пройдя около трети этого расстояния, Виллем остановился.

С философским спокойствием слон ждал его приближения — видно, он решил подпустить охотника так близко, как тому будет угодно.

Стоял он так, что Виллем не мог прицелиться в бок, как целился всегда; но слон не менял позы, и пришлось стрелять в голову.

Едва раздался выстрел, слон взревел и ринулся на охотника.

Виллем помчался к поваленному дереву и перебежал в безопасное место, когда слон уже достигал его.

И тотчас в громадное тело слона впились еще две пули; это выстрелили Гендрик и Аренд, но слон, казалось, ничего и не заметил.

Пока они перезаряжали ружья, слон опять отошел к озеру. Там его настигли еще семь пуль, но он ни разу больше не попытался хотя бы подойти к убежищу, где скрывались его

мучители.

До захода солнца оставалось только два часа, с юго-запада шли тяжелые, темные тучи. Тринадцать выстрелов дали охотники по слону, но, казалось, он все еще был невредим. Им грозило так и остаться под стражей. В своем ненадежном убежище — в ветвях упавшего дерева на середине реки — они застрянут на всю ночь, а ведь надвигается жестокая буря. Они выстрелили еще трижды, но все напрасно. А вот и дождь — он полил как из ведра.

Они не раз попадали под сильный ливень, но такого никто не мог припомнить.

Теперь им было не до того, чтобы пытаться прорвать осаду. Они думали только о том, как бы сохранить сухими порох и ружейные замки.

В угасающем свете дня Виллем еще раз вышел на разведку и убедился, что слон по-прежнему терпеливо караулит их.

Над рекой опустилась ночь, и в густой тьме они едва различали друг друга, а яростный ливень все не унимался. Вот когда можно бы незаметно ускользнуть от тюремщика, но теперь они уже не хотели этого. Как-никак, слону пришлось нелегко, в нем засело столько пуль, что вряд ли он дотянет до утра. Они подождут, пока он не испустит дух, и завладеют его великолепными бивнями.

Прошел час, другой, третий, а дождь все еще лил, хотя уже с меньшей силой.

— Не нравится мне все это, — сказал Гендрик. — Право же, Чернышу и Конго, когда они сидели в яме, было немногим хуже. Хотел бы я знать: неужели слон все еще стережет нас? Не улизнуть ли нам, как по-вашему?

— Об этом и думать нечего, — ответил Аренд. — Даже если слон и ушел, нам в такой тьме не найти лошадей. А если он все еще поджидает нас, мы и в пяти шагах его не разглядим, а уж он-то нас увидит. Лучше останемся тут до утра.

— Правильно, Аренд, — поддержал Виллем. — Из наших ружей сейчас не очень-то постреляешь, и, если на нас нападут, мы окажемся беззащитными.

Мнение Аренда взяло верх: решили остаться на скале до утра.

Дождь лил всю ночь, охотникам негде было от него укрыться, и они промокли до нитки. Томительно тянулось время. Они уже начали всерьез сомневаться, придет ли когда-нибудь утро, но оно все-таки настало.

Первые слабые проблески зари окрасили небо на востоке, и тут охотники со страхом услышали громкий треск ветвей: еще мгновение — и мост, по которому они добрались до скалы, стало сносить течением!

— Берегитесь! — закричал Аренд. — Дерево поплыло. Держитесь подальше от ветвей, а то нас тоже снесет!

Все вместе они кинулись на самую вершину скалы и добрались до нее как раз вовремя, чтобы избежать опасности, о которой предупреждал Аренд, а еще через минуту они оказались отрезанными от берега.

Рассвет застал их на крошечном каменном островке — троим едва было где стать. Река вздулась, поднялась, вода уже касалась их ног и грозила подняться еще выше. Положение не из приятных! Вот-вот и их унесет потоком вслед за предательским мостом.

Теперь они уже не вспоминали про слона. Да они и не могли бы до него добраться: словно Прометей, они были прикованы к скале.

Даже если бы хватило сил справиться с бурным течением, берега так высоки, что на них не взберешься. Все трое умеют плавать, и можно бы поплыть вниз по течению в надежде добраться до отлогого берега. Это, конечно, выход из трудного положения, но одно плохо: придется оставить здесь ружья, и тогда их уже не вернешь. Разве что удастся издали поглядеть, как они лежат там, на скале. Нет, с оружием они ни за что не расстанутся. Это ведь значило бы, что с охотой покончено!

Кроме того, течение реки здесь быстрое, бурное, очень сильное. Оно понесет их со страшной скоростью. А впереди пороги, острые, зубчатые, — если налетишь на них, изранишься, а то и совсем разобьешься, и вряд ли всем троим удастся добраться до берега невредимыми.

— Нет, не хочется мне пускаться в это плавание, — сказал Гендрик. — И вот еще почему. Вчера, когда мы бежали сюда, я видел двух огромных крокодилов. Тут их, наверно, десятки.

— Останемся пока здесь, — сказал Аренд. — Крокодилы всегда голодны, а мне вовсе не хочется попасть им на обед.

— Согласен, — поддержал его Виллем. — Я еще не настолько голоден, чтобы расстаться с моим громобоем.

Предложение было принято единогласно, и они остались на месте. Но терпение начало изменять им. Солнце уже поднялось высоко. Оно палило нещадно, словно все его лучи, как в фокусе, сошлись в той каменной точке, на которой стояли наши три охотника. Казалось, никогда еще им не было так жарко и никогда их так не мучил голод. Гендрик и Аренд просто с ума сходили от жары и голода, один лишь Виллем сохранял остатки хладнокровия.

— Неужели слон все еще стережет нас? — заметил он. — Тогда он просто старый дурень, как Черныш называет Конго. Очень сожалею, что мы не можем отдать ему визит и поблагодарить за столь затянувшееся бдение.

Виллем пытался острить, он хотел развеселить своих павших духом товарищей. Но все было напрасно. Никто даже не улыбнулся в ответ.

Глава 22. ВРОЗЬ

Весь этот долгий день оставались охотники на каменном островке. Они больше не боялись, что их смоем потоком. Вода уже не поднималась, но и спадать еще не начала.

Солнце уже стояло в зените и жгло сильнее прежнего. Охотники буквально поджаривались на своей каменной сковородке. Это становилось невыносимо.

— Неужели мы проторчим здесь еще одну ночь? — нетерпеливо спросил Гендрик.

— Похоже на то, — мрачно ответил Виллем.

— А завтра что будем делать? — спросил Аренд. — Вряд ли завтра нам будет легче выбраться отсюда, чем сегодня.

— Да, верно, — сказал Виллем. — Надо что-то придумать. Не век же сидеть здесь, как в тюрьме! Что можно сделать, как по-вашему?

— Вот что, — предложил Гендрик. — Пусть кто-нибудь один поплывет вниз по течению и поищет место, где можно вылезти на землю. Если он выплывет благополучно, он сушей опять поднимется сюда, выберет лиану подлиннее — они тут с каждого дерева свисают, — раскачает и забросит на камень, а другие двое постараются ухватить конец. Таким способом мы все и выберемся.

— Неплохо придумано, — отозвался Аренд. — Но только кто из нас поплывет? Я, например, готов рискнуть.

— Конечно, риск большой, — сказал Гендрик. — Но ведь и оставаться здесь опасно — нам грозит голодная смерть.

— Совершенно верно, — поддержал Аренд. — Не знаю, как на ваш вкус, а по-моему, пускай уж лучше меня слопает крокодил, чем я сам помру с голоду. Так что я с удовольствием отправлюсь. Если часа через три-четыре вы не увидите меня на берегу, значит, либо мною пообедал крокодил, либо я разбился о камни.

Гендрик и Виллем и слушать не хотели о таком самопожертвовании; некоторое время они спорили, кому плыть, и каждый утверждал, что плавать куда лучше других — уж конечно, при иных обстоятельствах никто из них не стал бы так говорить.

Каждый настаивал на своем праве рискнуть жизнью, и ни один не хотел уступить, пока наконец не решили кинуть жребий.

Так и сделали, и Гендрику, которому впервые пришел в голову этот план, выпало на долю осуществить его.

— Вот и хорошо! — обрадовался Гендрик, когда все было решено. — Ведь я сам все это придумал, я и сделаю. Ну, за дело!

Он быстро разделся, пожал руки Аренду и Виллему, прыгнул в поток — и стрелой унесся прочь, подхваченный стремительным, бурным потоком.

С тревогой глядели ему вслед друзья, но не прошло и трех минут, а он уже исчез из глаз.

Два часа Аренд и Виллем провели в тревожной неизвестности. Потом прошло еще два часа, и их объял ужас.

— Уже смеркается, — сказал Аренд. — Если до ночи Гендрик не вернется, я поплыву за ним.

— Что ж, можно и поплыть, пока у нас есть силы, — отозвался Виллем. — Если ты поплывешь, я с тобой. Двинемся вместе. Как по-твоему, сколько еще надо ждать?

— По-моему, немного. Уж конечно, на протяжении мили он мог найти место, где можно выбраться на берег. А много ли надо времени, чтобы проплыть одну милю по течению реки! Видел, с какой скоростью его понесло? Гендрик вернется очень скоро... или совсем не вернется.

Прошел еще час, а Гендрика все не было.

— Останься здесь, Виллем, — предложил Аренд. — Я поплыву один.

— Нет, — ответил знаменитый охотник. — Поплывем вместе. Когда-то я думал, что, пока жив, ни за что не расстанусь со своим ружьем, да, видно, придется. Больше ждать нельзя. Слабеешь, с каждым часом сил становится меньше.

Они разулись и уже хотели прыгнуть в воду, как вдруг до них донесся хорошо знакомый голос.

На берегу, как раз напротив их каменного островка, появился Конго верхом на лошади.

— Не бойтесь, баас Виллем! — крикнул он. — Я скоро вернусь! — И ускакал.

И тотчас, как будто объясняя его исчезновение, громко затрубил слон.

— О Господи! — воскликнул Аренд. — Сколько еще нам тут сидеть?

— Наверно, до завтра, — ответил Виллем. — Быстрее Конго не обернется: ему надо проскакать до лагеря и обратно.

— Неужели он ускачет, даже не попытавшись нас выручить?

— Конечно. Что он тут сделает один? Ничего. Он это понял, вот и поскакал за подмогой. Слона ему в одиночку не убить. Да и не будь тут слона, Конго не мог бы снять нас со скалы.

— До берега ярдов двадцать. Добраться-то можно, только для этого нужен канат. И лианы годятся, но Конго их не заметил. Он, видно, с первого взгляда понял, что одному здесь не справиться, и поскакал в лагерь за подмогой.

— Надеюсь, — сказал Аренд. — Если так, нам нечего бояться за себя. Просто нужно набраться терпения и ждать. Одно меня тревожит — Гендрик.

Виллем не ответил, и Аренд понял, что он уже почти потерял надежду снова увидеть Гендрика.

Медленно зашло солнце, и над бурной рекой снова опустилась ночь.

Даже если бы охотников не мучил голод, тревога все равно не дала бы им уснуть. Воды у них было вдоволь, даже слишком много, хотя доставали ее не без труда: черпать приходилось пороховницей, из которой для этого высыпали порох.

Снова настало утро, и солнце взошло такое же яркое и жгучее, как накануне, и чем выше поднималось оно в безоблачном небе, тем беспощадней жгли его лучи.

Еще несколько часов — и вернется Конго... А вдруг он вовсе не вернется? Они уже знали, что в Африке всякая поездка — дело опасное, недаром они снова попали в беду. Вдруг ему что-нибудь помешает добраться до лагеря?

Теперь они уже не сомневались, что с Гендриком стряслась беда, быть может, он даже погиб.

И, словно для того, чтобы окончательно уверить их в этом, около скалы, на которой они стояли, появились три крокодила. Они не спешили плыть дальше — должно быть, надеялись в скором времени полакомиться человеческим мясом.

При виде этих тварей Виллем вышел из себя. Вот какая судьба, быть может, постигла Гендрика, вот что, возможно, ждет их обоих!.. Он схватил громобой, высыпал отсыревший порох и зарядил ружье снова. Потом прицелился в глаз одного из мерзких гадов и спустил курок.

Прогремел выстрел. Крокодил тяжело нырнул в воду и так заметался, что стало ясно: охотник не промахнулся!

Крокодил вынырнул, перевернулся в воздухе, потом снова ушел в воду и стал с такой быстротой кружить на одном месте, что Виллема и Аренда, смотревших на его агонию, обдавало брызгами с головы до ног. Два других крокодила поплыли вниз по течению, и, провожая их взглядом, братья думали об одном и том же.

Мысли обоих были о Гендрике. Спустимся же и мы вниз по течению и посмотрим, что с ним случилось.

Глава 23. ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Когда Гендрик расстался с друзьями и очутился в воде, ему не пришлось тратить много сил на то, чтобы плыть. Легких движений рук и ног было довольно, чтоб держаться на поверхности, а течение несло его с такой скоростью, что он надеялся быстро доплыть до цели.

Наверно, скоро он доберется до какого-нибудь места, где берег не так уж неодолимо крут и высок, а течение все-таки не настолько сильное, чтобы он не смог приблизиться к берегу.

Гендрик проплыл мимо нескольких скал, и ему стоило большого труда не разбиться об одну из них — так стремительно несла его река.

Уже около мили отделяло Гендрика от оставшихся позади друзей. Как он и ожидал, берега становились все более отлогими, и он решил, что пора выбираться на сушу.

Но река по-прежнему быстро мчала свои воды, и, пока Гендрик успевал на фут приблизиться к берегу, его сносило еще на несколько ярдов вниз по течению.

В сознании Гендрика наконец пробудилось смутное предчувствие опасности, о которой он и не подумал, пускаясь в путь. Он предвидел что угодно, но не это! До сих пор все шло хорошо: он не разбился о скалы, не попался крокодилам. Но он уже знал, что ему грозит новая и, быть может, еще более серьезная опасность. Его сносило так быстро, что он понял: воды катятся по наклонной, и вот впереди уже слышится шум водопада! Сперва это была лишь догадка, но вскоре не осталось никаких сомнений. Гендрик стрелой несся к краю водопада. Собрав все свои силы, он попытался выплыть к берегу в том месте, где было не слишком круто.

Это ему почти удалось. Еще десять футов — и он бы ухватился за нависшие над водой кусты. Но как ни мало было это расстояние, Гендрик не смог его одолеть, и жадная пучина снова потянула его.

На самом краю обрыва, откуда река низвергалась вниз, он заметил острый камень, выступающий из воды фута на три... Не столько все старания пловца, сколько счастливый случай помог ему — течение проносило его совсем близко. Дотянувшись до скалы, он ухватился за нее обеими руками и лишь так смог удержаться. Вода протащила его вокруг скалы, пока все тело его не вытянулось по течению и ноги не повисли над водопадом. Хотя скала разбивала течение и ослабляла его напор, Гендрику пришлось напрячь все силы, чтоб его не смыла вода. Немного погодя ему удалось найти место для ног. На скале оказался небольшой выступ: Гендрик поставил одну ногу, а другой оперся о вершину. Попытка добраться до берега неминуемо стоила бы ему жизни. Земля была совсем близко, на расстоянии прыжка, но, чтобы прыгнуть, надо сначала твердо стать на ноги, а для этого не хватало места.

Шли часы, и стоять в такой утомительной и неудобной позе становилось все труднее. Передохнуть он мог лишь одним способом: снова спуститься в воду, обхватив скалу обеими

руками. Но больше двух-трех минут так не отдохнешь — если это вообще можно назвать отдыхом, — и Гендрику приходилось снова взбираться на скалу.

«Здесь, по крайней мере, нечего бояться крокодилов, — подумал он в одну из таких „передышек“. — Может быть, какого-нибудь и занесет сюда, но он все равно не успеет схватить меня, даже если будет умирать с голоду». Так он промучился всю ночь.

Рассвело, и снова он терзался, глядя на берег, до которого рукой подать, но который так недостижим, словно Гендрика отделяет от него поток в несколько миль шириной.

Нет, видно, судьба не пощадит его.

Раз невозможно добраться до берега, попробуем поглядеть вниз. Вытянув шею как только мог, Гендрик посмотрел, куда низвергаются воды реки. Глубина была футов тридцать. Внизу все пенилось, но уже чуть дальше река несла свои воды плавно, спокойно, словно отдыхала после бешеного прыжка.

«Не отдаться ли на волю течения?» — подумал Гендрик. Будь он уверен, что внизу глубоко, он бы мгновенно решился. Ну, а если там острые камни? Ведь тогда разобьешься насмерть. Да и берега внизу крутые. Пожалуй, еще не скоро выберешься на сушу, придется долго плыть. А после того как водопад сбросит его с тридцатифутовой высоты, нелегко ему будет держаться на поверхности. И, уж во всяком случае, долго плыть он не сможет.

Гендрик взвешивал, сомневался и наконец решил отказаться от этой опасной попытки.

Как ни тяжело ему приходилось, он не забывал о друзьях, оставшихся на скале.

Скорей всего, Виллем и Аренд поплывут вслед за ним. Пожалуй, кто-нибудь из них уже и поплыл, а может, и оба. И ночью их могло унести в водопад, а он в темноте ничего не заметил... Время шло, и Гендрик так истерзался, что стал терять надежду на спасение. Он едва устоял перед искушением положить всему конец, отдав свое тело во власть потока. Но образ Вильгельмины, мелькнувший перед его мысленным взором, отогнал демона-искусителя.

Как добрый ангел, явилась она ему и повелела надеяться и ждать. И он подчинился.

Глава 24. СНОВА ВМЕСТЕ

Время шло. Виллем и Аренд на своем каменном острове терпеливо ждали возвращения Конго. Они не сомневались, что он поможет им и не заставит их ждать ни одной лишней минуты; но он уехал на ночь глядя, а это опасное время для путешествий. Он мог бы уже побывать в лагере и вернуться: времени прошло немало. Сестрица Анна и та, стоя на сторожевой башне замка Синей Бороды, не глядела на дорогу так пристально, как они; не отрывая глаз, следили они за берегом: не появится ли Конго. И они дождались! Около полудня они услышали крики, и вскоре на берегу показались Ганс, Конго и Макора. С Макорой пришли человек десять туземцев. Они тащили длинные канаты, которые Конго велел захватить с собой.

— Где Гендрик? — прежде всего спросил Ганс с дрожью в голосе.

— Не знаем, — был ответ. — Он поплыл вниз по течению, он надеялся выбраться на берег. Мы очень боимся, что с ним что-то случилось.

Пока три друга тревожно совещались, Макора с несколькими своими людьми прошел берегом вверх по течению.

У самого берега росло когда-то высокое, футов в пятьдесят, дерево. Много лет назад оно упало, и теперь ствол лежал мертвый, высохший. Накрепко обвязав один конец ствола канатами, его столкнули в реку с таким расчетом, чтобы его снесло к скале, где стояли Виллем и Аренд. Другой конец каната крепко держали несколько туземцев. Течение подхватило бревно и мгновенно прибило его к скале; люди изо всех сил натянули канат и придержали бревно, чтобы его не понесло дальше.

С кошачьей ловкостью Виллем и Аренд прыгнули на бревно, уселись верхом; их подтянули к берегу и в целости и сохранности втащили наверх.

Первое, что они увидели, была туша слона, в которого они всадили столько пуль.

Он все-таки сдался. Даже гнев и жажда мщения не спасли его от смерти.

Теперь Виллем и Аренд уже не беспокоились о себе, но они все, больше тревожились об исчезнувшем друге. Их мучил голод, усталость, но они не хотели и думать о еде, пока не разыщут Гендрика.

Ничто другое, кроме разве уважения к себе, не живет в душе человеческой так долго и упорно, как надежда, даже если надеяться больше не на что.

С тех пор как Гендрик расстался с ними, прошло уже больше суток. Увидят ли они его когда-нибудь снова живого или мертвого? Сто против одного, что нет. Но они все еще не теряли надежды.

Захватив еды, чтобы поесть дорогой, они отправились вниз по течению. Многим туземцам явно не хотелось идти. Они только что прошли около тридцати миль за несколько часов и, разумеется, устали. Но не только поэтому они отправлялись в путь с такой неохотой. Им уже сказали, что Гендрик поплыл вниз по течению, и, так как ими руководил здравый смысл, а не дружеские чувства, они не надеялись найти его. Ведь они хорошо знали эти места и этот водопад и были уверены, что пловцу не миновать пропасти и что река уже уносит его безжизненное тело к океану.

Проехав немногим больше мили вниз по течению, Виллем выстрелил. Эхо раскатилось далеко вдоль берегов. Все замерли, прислушиваясь, не откликнется ли Гендрик.

И он откликнулся.

Издали донесся слабый человеческий голос. С радостным криком все три охотника бросились вперед, и немного погодя Ганс позвал:

— Гендрик!

И в ответ с реки послышалось:

— Я здесь! Сюда!

Еще через минуту они уже стояли в нескольких футах от того, кого разыскивали, и с одного взгляда поняли, почему он не вернулся к ним на выручку... Подошли макололо с запасами еды, голодные охотники наелись досыта, и потом все вернулись к убитому слону.

Раскинули лагерь, разложили костры и стали располагаться на ночь; а туземцы наслаждались своим любимым блюдом — запеченной слоновьей ногой.

Теперь пришла очередь Конго рассказать о своих приключениях.

Когда охотники ускакали от него, погнавшись за жирафами, он часа два или три дожидался их. Потом пошел по следу, но, так как приходилось вести на поводу вьючную лошадь, он двигался медленно.

Ночь застала его возле убитого жирафа. В темноте следов не видно, и он до утра оставался на месте.

А утром начался ливень и почти смыл следы, так что даже пес Следопыт с трудом их отыскивал. Немного погодя Конго увидел, что следы лошадей разделились и ведут в разные стороны. Он шел по одному следу, пока не наткнулся на лошадь, но на ней не оказалось ни седла, ни поводьев, ни всадника.

Это была лошадь Виллема, которая ускакала, напуганная появлением слонов. Значит, не здесь надо искать хозяина. И Конго вернулся туда, где следы лошадей разошлись. Так он добрался до места, где слон впервые кинулся на охотников. Потом Конго вышел к реке и сразу увидел охотников на их каменном островке. Раненый слон, все еще не снявший осады, кинулся на Конго, и ему пришлось спасаться бегством, но и того, что он успел увидеть, было довольно: он понял, что надо спешить в лагерь за подмогой, и вот привел ее... Ночь у озера прошла спокойно.

Счастливые тем, что они опять вместе, друзья, наверно, не сомкнули бы глаз, если бы не безмерная усталость.

Видя, как они измучены, Ганс и Макора не стали требовать подробного рассказа о всех опасностях, которые они пережили, и было еще совсем рано, когда лагерь погрузился в сон.

Итак, у них пропали две лошади. Это была для охотников большая потеря. Зато сами они спаслись, спаслись просто чудом, и никто из них не был в обиде на судьбу.

На другое утро они поехали обратно, туда, где сооружалась западня для жирафов. Черныш ждал их с величайшим нетерпением. Он бурно обрадовался, увидев их снова живыми и здоровыми, и объявил, что они еще дешево отделались. Могло быть и хуже, раз их проводником был Конго!

Глава 25. НОЧЬ ОШИБОК

На сооружение западни нужно было около двух недель, и Виллем решил пока снова отправиться на охоту. Вокруг было очень много дичи, но вождь настаивал, чтобы они не охотились поблизости, так как выстрелы выдадут их.

В рощах акации они видели жирафов, их следы были и на берегу реки.

Макора говорил, что, если жирафов спугнуть, они уйдут из этих мест раньше, чем будет готов загон.

Виллем был охотник, и приехал он не для чего-нибудь, а охотиться. Сидеть сложа руки целых две недели он просто не мог и, взяв с собой Гендрика и Конго, отправился к реке, которая, по словам вождя, протекала милях в тридцати к северо-западу от лагеря. Они надеялись добраться туда за один день. Так бы оно и было, не повстречайся им большое стадо антилоп. Охотники погнались за антилопами и задержались.

На ночь они остановились, как им казалось, милях в пяти от реки и на другое утро продолжали путь. Но проехали десять миль, проехали пятнадцать, а реки все нет.

После полудня охотники увидели ручеек, протекавший недалеко от озера. Они подумали, что он, наверно, впадает в реку, которую они ищут, и, значит, доведет их до цели. Однако они не спешили уйти от озера — здесь, судя по всему, можно было отлично поохотиться. Какой только дичи здесь не было! Каких только следов не увидишь на берегу! И Виллем предложил остаться на ночь в засаде у озера.

Гендрик согласился. Лошадей привязали и предоставили им щипать траву. В двадцати шагах от озера они нашли подходящее для засады место и за какой-нибудь час выкопали две ямы, в которых можно было спрятаться.

Едва стемнело, они оставили Конго под защитой большого костра, а сами отправились к ямам и стали в молчании подстергать дичь.

Первыми появились небольшие антилопы, но охотникам не нужно было пополнять свои запасы провизии, и они не стали трогать антилоп: пусть напьются воды и уйдут без помехи.

Но вдруг животные заволновались и кинулись прочь. На одну из антилоп бросился леопард, остальные скрылись, а хищник, подхватив свою жертву, хотел утащить ее. Но как только он повернулся к охотникам боком, Виллем выстрелил из своего громобоя, и пуля крупного калибра раздробила ребра зверя.

Взревев, леопард встал на дыбы, сделал несколько шагов на задних лапах и свалился наземь. Виллем стрелял почти наугад, в полутьме, но выстрел был так хорош, словно охотник старательно целился при ярком свете дня.

Потом у озера побывали гиены, шакалы и всякое другое зверье, не стоящее того, чтобы тратить на него порох.

Время шло, а подходящей дичи все не было и не было. Охотникам оставалось только слушать, как рычат, хохочут и лают пожиратели падали — гиены и шакалы, собравшиеся у озера,

— Не очень-то весело так лежать! — проворчал Гендрик. — Я, того и гляди, усну.

Прошел еще час, а дичь, достойная внимания, все не появлялась, и Виллему тоже начало надоедать бездействие.

Они уже подумывали, не вылезти ли из ям и не присоединиться ли к Конго, сидящему у костра, но вдруг услышали, что к ним приближается кто-то покрупнее гиены.

Спрятавшись в ямы чуть ли не по самые брови, охотники нетерпеливо уставились в ту сторону, откуда слышались шаги двух больших животных, которые, очевидно, шли к пруду.

Напрягая зрение, Виллем старался разглядеть, кто это, и наконец прошептал:

— Квагги!

— Верно, — ответил Гендрик. — Убьем их! Проку от них мало, но хоть веселее будет — не заснем. Виллем уже не надеялся подстрелить этой ночью что-нибудь стоящее, поэтому он не возражал и выстрелил первый.

Животное, в которое он целился, качнулось вперед и с тяжелым всплеском упало в воду.

Вторая квагга повернулась и готова была бежать, но тут выстрелил Гендрик. Выстрел не остановил кваггу, и Гендрик решил, что промахнулся. Но тотчас он услышал глухой звук падения и понял, что ошибся; в то же время до него донесся какой-то очень знакомый стон. Нет, это не крик квагги!

Не говоря ни слова, охотники выскочили из ям и поспешили к подстреленной дичи. Оба ясно чувствовали — случилось что-то неладное.

Сперва они наткнулись на животное, которое уложил Гендрик.

Это была не квагга, а лошадь!

— Лошадь! — крикнул Виллем. — Но, слава Богу, не моя и не твоя.

— Ты эгоист, Виллем, — сказал Гендрик. — Все равно она чья-нибудь. Видишь, на спине след от седла.

— Может быть, — проворчал Виллем. — И все равно я рад, что это не моя лошадь.

Он ценил своего коня почти так же, как свой громобой.

Потом они пошли к озеру — там, в мелководье, все еще барахталась вторая лошадь. Было ясно, что ей уже не встать на ноги, рана ее смертельна, и, чтобы животное зря не мучилось, его пристрелили.

Теряясь в догадках, чьи это лошади, Виллем и Гендрик вернулись к костру; довольно уже на сегодня перебито зверья.

На следующий день они спозаранку двинулись от озера вниз по течению ручья и через два часа достигли реки, которую так долго искали.

Здесь решено было остаться до завтра. Они снова привязали лошадей и предоставили им пастись, а сами прилегли в тени мохалы, так как порядком устали. Но немного погода их всполошил громкий лай Следопыта и крики Конго.

Вскочив на ноги, охотники увидели, что их окружили человек сорок африканцев, вооруженных кто копьями, кто луком и стрелами.

Вид у туземцев был воинственный, и охотники поняли, что ждать от них добра не приходится. Они схватились за ружья и решили защищаться до последнего.

Глава 26. В ПЛЕНУ

Конго бросился к Виллему и стал умолять его не сопротивляться. Он непременно хотел, чтобы они сдались, сдались без единой попытки отстоять свою свободу. Он даже схватился за ружье Гендрика, когда тот хотел стрелять.

— Отрава! Стрелы и копыя отравлены! — закричал Конго вне себя от ужаса.

Виллем и Гендрик немало слышали и читали об африканских племенах, отравляющих стрелы и копыя, а кое-что и сами видели, поэтому тревога Конго передалась и им.

Они были не робкого десятка, но прямо перед ними стояли люди с оружием, куда более смертоносным на близком расстоянии, чем их ружья. Пустычной царпины, нанесенной таким копьем, довольно, чтобы человек умер в страшных мучениях.

Нечего было и думать о том, чтобы победить тридцать или сорок человек, не получив при этом ни единой царпины. И, понимая это, охотники послушались Конго и сдались.

Когда Конго увидел, что они сдались в плен без боя, к нему вернулось самообладание, и он потребовал, чтобы туземцы объяснили, почему они напали на охотников. Вперед выступил один из воинов, должно быть пользующийся наибольшим уважением.

Выслушав его, Конго понял, что произошло, и встревожился не на шутку.

Воин говорил на языке, понятном одному лишь Конго. Он объяснил, что у него пропали две лошади, обеих убили у пруда, когда они шли на водопой. Он очень огорчен потерей лошадей — то были дареные кони, — но рад, что нашел тех, кто злонамеренно убил их.

Охотники велели Конго сказать воину, что они убили лошадей по ошибке, очень сожалеют об этом и с радостью щедро возместят владельцу убытки.

Черный вождь ответил, что больше ему ничего не надо, и пригласил охотников в свою деревню, чтоб обо всем договориться.

Все направились вверх по реке. Но туземцы по-прежнему окружали охотников и держались с ними, как с пленниками.

— Нам очень не повезло, — сказал Гендрик. — Придется отдать что-нибудь такое, без чего трудно обойтись. Пустяками здесь не отделаешься: они могут потребовать наших лошадей взамен убитых.

— Лошадей они не получают! — отрезал Виллем, забыв на минуту, что он пленник и что их лошади уже в руках туземцев. Примерно в миле от того места, где их захватили, они увидели несколько хижин, из которых высыпали женщины и дети. Видно, это и была деревня.

Не теряя времени, вождь перешел к делу. Ему не терпелось получить свое.

Виллем и Гендрик тоже не желали откладывать дело надолго. И Конго — вновь приступил к обязанностям толмача.

Черный вождь велел ему передать своим хозяевам, что убитым коням просто цены не было. Их подарил ему его высокочтимый друг, португальский работорговец, таких коней не сыщешь во всем мире. Никакие другие лошади их не заменят.

— Отлично, — сказал Виллем, выслушав все это. — Спроси его, что он хочет получить.

— Я понимаю, к чему он клонит, — заметил Гендрик, пока Конго снова объяснялся с вождем. — Нам не вырваться из его лап, пока он не вытянет все, что у нас есть.

— Лучше ему не жадничать, — ответил Виллем, — а то он и вовсе ничего не получит. Мы, конечно, сделали глупость и поэтому готовы заплатить ровно столько, сколько нужно, но не больше.

— Смело сказано, — ответил Гендрик. — Но сила-то на их стороне. Не мы хозяева положения, так что спорить не приходится.

Прежде чем предложить свои условия, вождь пожелал, чтобы охотники знали, что он не будет с ними суров. Он не станет наказывать их за ошибку, он просто хочет, чтобы они возместили ему убытки; но в то же время он дал понять, что потеря эта невозместима.

По виду убитых лошадей охотники поняли, что работорговец просто сжалился над ними и потому оставил их здесь. Судя по всему, они прошли долгий и тяжелый путь, совсем обессилели, и их прежний владелец, наверно, был благодарен вождю за то, что тот позволил им помереть естественной смертью в его владениях.

Истец, он же и судья, объявил наконец, что он требует в возмещение причиненного ему ущерба.

— Скажи им, — обратился он к Конго, — что взамен я прошу только их лошадей, ружья и патроны.

— Что! — воскликнул Виллем в ярости. — Отдать ему моего коня и громобой? Да все лошади Африки того не стоят!

Таким вымогательством Гендрик был удивлен и возмущен не меньше друга; и, видя, что продолжать переговоры бессмысленно, охотники, не говоря ни слова, направились к своим лошадям, готовые вскочить в седла и ускакать.

Но вождь и его соплеменники преградили им путь. Завязалась драка, в которой Виллем померился силами с добрым десятком туземцев. Всех, кто пытался вырвать у него ружье, он пошвырял наземь, в том числе и самого вождя. Стрелять Виллем не хотел — пуля убьет только одного врага, а их легион.

Удалось бы туземцам взять Виллема живым или нет, трудно сказать, но тут одному из них, самому хитрому, пришел в голову остроумный способ положить конец стычке. Схватив конусообразную корзину, которой ловили рыбу, он подбежал к Виллему сзади и, словно гася колпачком газовый рожок, нахлобучил корзину ему на голову. Еще двое или трое тут же ухватились за корзину, повалили великана-охотника и держали до тех пор, пока не удалось его связать ремнями из кожи зебры.

Тем временем один из туземцев так ударил Гендрика, что тот, оглушенный, уже не мог сопротивляться, и его тоже накрепко связали.

Конго не пробовал вступиться за своих хозяев; наоборот, он, казалось, был доволен тем, как развиваются события. Это, впрочем, не помешало туземцам связать и его.

Вскоре Гендрик очнулся и, увидев, что он крепко связан, пришел в неопишемую ярость. Что может быть мучительнее для храброго и самолюбивого человека, чем невозможность отомстить за глубокое унижение!

Виллем был не менее храбр, но не так горяч и потому спокойнее перенес оскорбление. Он возмутился, когда у него попытались отнять самую дорогую для него вещь — ружье. Но удержать ружье ему не удалось, и, потеряв его, а вместе с ним и свободу, Виллем решил сохранять философское спокойствие и терпеливо ждал, что будет дальше.

Конго, который с безразличным видом смотрел, как связывают его хозяев, и как будто даже радовался этому, теперь, когда его самого постигла та же участь, загрустил. Товарищи по несчастью не сочувствовали ему: у них были основания подозревать его в неблагодарности.

Глава 27. В ПУТАХ

Пленникам оставалось только смотреть, как туземцы делят между собой их вещи. Большую часть трофеев забрал себе вождь взамен потерянных лошадей и в вознаграждение за то, что его собственная особа пострадала во время стычки: ведь Виллем, прежде чем его схватили, свалил вождя наземь ударом приклада.

Смотреть на дележ своего имущества было для охотников новым унижением, и они чувствовали, что просто обязаны отплатить за него.

— Ничего не выйдет, баас Виллем, — сказал Конго, который ухитрился подползти поближе к нему. — Начнем сопротивляться — нас убьют.

Потом Конго сказал, что, если бы они с самого начала не спорили с вождем, быть может, им и удалось бы вернуться к Макоре, а теперь им ни за что не вырваться отсюда, даже и ему не вырваться, хоть он и притворился предателем, думая, что так ему легче будет выручить своих молодых хозяев. — Ты думаешь, они в самом деле хотят нас убить? — спросил Виллем.

— Да, баас Виллем. Конечно, хотят, — ответил Конго. — Теперь они боятся отпустить нас.

— Но если они хотят нас убить, почему же сразу не убили? — спросил Гендрик.

Конго объяснил, что туземцы, взявшие их в плен, принадлежат к кочевому племени зулусских кафров, народу воинственному и совсем не уважающему белых. Это племя однажды потребовало дань с португальских поселенцев на севере Африки и получило ее, и они никогда не простят охотникам оскорбления, которое те нанесли вождю, свалив его ударом на землю да еще в присутствии его подданных. Одного этого довольно, чтоб их убить.

Объясняя охотникам, почему их не убили сразу, Конго показал себя таким знатоком нравов и обычаев племени, в руках которого они находились, что у Виллема и Гендрика не осталось никаких сомнений: он говорит правду.

— Белого человека, — сказал Конго, — никогда не убьют на глазах всего племени, чтобы женщины и дети потом не проболтались об этом другим белым, которых занесет в эти края. Все, конечно, поймут, какая судьба постигла белых пленников, но свидетелями казни

будут лишь немногие. Как-нибудь ночью их отведут мили за две от деревни и там убьют. А палачи, вернувшись в деревню, расскажут, что отпустили их домой.

Конго считал, что вождю еще не до расправы: он очень доволен своими только что захваченными трофеями и ни о чем другом пока не думает.

Но что ни говорил Конго, а Виллем и Гендрик не теряли надежды на спасение. Наверно, им все же представится какой-нибудь случай унести ноги, но и только — ни лошадей, ни ружей им больше не видать.

К вечеру охотникам показалось, что их стерегут уже не так, как днем. Но напрасно они пытались разорвать ремни или как-то из них выпутаться. Их связали надежно. Скорее всего, тут постарался человек, который приобрел немалый опыт, отправляя в рабство своих же несчастных соплеменников. Вечером к ним подошел один из туземцев. Он остановился возле Виллема и стал внимательно разглядывать его.

Лицо его показалось Виллему знакомым, и, приглядевшись, он понял, что это не кто иной, как Синдо, изгнанник, которого он спас от гнева Макоры. Отчаяние Виллема сразу сменилось надеждой. Конечно же, этот «вождь на час» не будет неблагодарным! Он, наверно, вступится за них. Это просто его долг!

Виллем постарался показать Синдо, что узнал его, надеясь, что тогда Синдо скорее поможет им. Но он обманулся в своих ожиданиях. Скорчив презрительную гримасу, туземец удалился.

— Это Синдо, — тихонько сказал Виллем товарищам по несчастью. — Он, видно, пристал к этому племени. Неужели он не поможет нам?

— Верно, Синдо, — подтвердил Конго. — Только он не станет помогать.

— Почему?

— Не такой он дурак.

Это было похоже на правду.

Однажды его уже обвиняли в измене, и он едва не погиб. Было бы глупо идти на такой риск снова здесь, где он обрел новый дом.

Так понял Виллем поведение туземца.

Синдо отплатил им неблагодарностью. Он не проявил ни капли сочувствия к тем, кто помог ему в беде. Наоборот, он всем своим видом показывал, что и знать их не знает.

Всю ночь они лежали связанные. Настало утро, а их все еще не освободили.

— Что все это значит? — спросил Гендрик. — Что они собираются с нами делать?

— Я начинаю побаиваться, что Конго прав, — ответил Виллем. — Они в самом деле задумали недоброе. Они ограбили нас, продержали всю ночь связанными. Это подозрительно.

— Но неужели они посмеют убить нас? — воскликнул Гендрик. — Мы белые, у нас все стоят друг за друга, и, если пострадает один, за него отомстят другие. Неужели они пойдут на все и не побоятся возмездия?

— Сперва я тоже так думал, — ответил Виллем, — но, судя по тому, как они обращаются с нами, они ничего не боятся.

— Нет, баас Виллем, — вмешался Конго, — вождь очень даже боится.

— Вот как? Что-то непохоже.

— Я говорю, он боится нас отпустить. Они убьют нас, баас Виллем.

Конго сказал это с таким покорным и безнадежным видом, что ясно было: он глубоко в этом убежден.

— Неужели правда, Гендрик? — спросил Виллем друга. — Нет, невозможно! Может, мне все это снится?

— Что касается меня, то я, уж конечно, не сплю, — ответил Гендрик. — Мне так туго связали руки, что ремни прямо впились в тело. Еще немного — и я просто помру, если меня не развяжут. Но неужели они посмеют нас убить?

Некоторое время пленники молчали. Они вспоминали рассказы о многочисленных случаях, когда зулусские кафры жестоко расправлялись с белыми жителями Капской

колонии, о случаях ничем не вызванного насилия, — и все это совершалось гораздо ближе к поселениям белых, там, где кафры могли бы больше опасаться возмездия. Племя, в руки которого попали наши охотники, могло не бояться кары — с юга их защищали огромные пространства, а трусливых португальцев, жителей севера, они и в грош не ставили.

Но и это не все.

Охотники нанесли им ущерб и отказались возместить его. Во время стычки они оскорбили вождя, ударив его. Сверх того, туземцам пришлось по вкусу имущество пленников, а как всего вернее сохранить его? Конечно же, надо сделать так, чтобы пленники никогда уже не могли вновь отнять свою собственность или потребовать возмещения убытков. Будущее казалось беспросветным. И наши искатели приключений уже верили, что Конго не ошибается, предсказывая им близкую смерть.

Глава 28. ИХ ВЕДУТ НА СМЕРТЬ

Прошел еще день, а с пленниками обращались по-прежнему. Никто, кроме женщин и детей, почти не замечал их. Вождь и несколько его соплеменников весь день развлекались стрельбой в цель из отобранных у охотников ружей и учились, как пользоваться их имуществом.

— Чего они медлят? — с раздражением воскликнул Гендрик. — Если уж хотят убить нас, пускай убивают! Это лучше, чем вот так мучиться.

— Да, конечно, такая жизнь не многого стоит, — сказал Виллем. — Но знаешь, Гендрик, где есть неопределенность, там есть и надежда. Мы сегодня совсем не видели Синдо. Неблагодарный негодяй! Он боится показаться нам на глаза!

— Если б мы не нуждались в помощи, он наверняка признал бы нас, — сказал Гендрик. — Ну, ничего. Больше нам уже не придется сталкиваться с людской неблагодарностью: вряд ли мы еще сумеем выручить кого-то из беды.

Настала ночь, но пленники видели, что в деревне царит необычное оживление. Несколько туземцев с факелами в руках бегали взад и вперед — видно, готовились к какому-то большому событию. И лошадей зачем-то оседлали.

— Говорил я, — сказал Конго, — они поведут нас убивать.

Виллем и Гендрик молча наблюдали за всем происходящим.

Потом к ним подошли туземцы и всех трех пленников отвязали от деревьев. Очевидно, должно было произойти нечто серьезное; но охотникам после всех мучений и утомительно долгого плена всякая перемена казалась облегчением.

Вождь племени верхом на лошади Виллема возглавлял процессию из десятка туземцев. Он направлялся к пруду, где были убиты его лошади. Следом вели пленников. Следопыт и другие собаки бежали за ними, даже не подозревая о страхе, который терзал их хозяев. Шествие выступило из деревни, а старики, женщины и дети, выстроившись по обе стороны дороги, провожали их взглядами. Многие смотрели на них с жалостливым любопытством, иные, видно, были очень довольны происходящим. Пленники это заметили. Почему туземцы с таким интересом смотрят, как они уходят? Ведь когда они пришли в селение, их едва заметили и, когда они лежали связанные под деревьями, на них не обращали внимания.

Что же сейчас привлекает зрителей? Ответ мог быть только один: туземцы смотрели на них с тем невеселым любопытством, какое всегда вызывает человек, обреченный на насильственную смерть.

Вождь держал ружье Виллема и, судя по всему, собирался пустить его в ход. Время от времени он поднимал его и прицеливался.

— Спроси их, Конго, куда нас ведут, — сказал Гендрик.

Конго заговорил с одним из туземцев, который шел рядом с ним, но тот лишь что-то невнятно проворчал в ответ.

— Он не знает, — перевел Конго это сердитое ворчанье. — Зато я знаю.

— Куда?

— Нас ведут убивать.

— Конго! — воскликнул Виллем. — Спроси, где Синдо. А вдруг он нам все-таки поможет? Попытка не пытка. Если нет, мы хоть этим рассчитаемся за его неблагодарность. Я бы не прочь как-нибудь отплатить ему... Конго послушался и спросил о Синдо. Вождь услышал это, велел немедленно остановиться и стал о чем-то спрашивать своих спутников. — Вождь тоже хочет знать, где Синдо, баас Виллем, — объяснил Конго.

Процессия остановилась, а разговор все продолжался. Потом вождь и еще один туземец поскакали назад к деревне — до нее теперь было около полумили. Пленники и их стражи остались на месте. Примерно через час вернулся вождь, сильно чем-то разгневанный.

Все поняли это по его сердитому лицу и громкому голосу. Конго внимательно прислушивался к каждому его слову.

— Он говорит про Синдо, — сказал Конго. — Он клянется, что завтра же его убьет.

— Надеюсь, он сдержит клятву, — сказал Виллем. — Думаю, что мы возбудили в нем подозрения насчет этого негодяя, которому он дал убежище. Теперь Синдо поплатится за свою неблагодарность. Он должен был попробовать спасти нас, даже рискуя тем, что ему пришлось бы уйти и из этого племени.

Двинулись дальше. Вождь ехал впереди, а по бокам два туземца несли факелы.

Проехали еще немного, и охотники узнали место, где их взяли в плен. Вождь обратился к своим спутникам с речью, а Конго перевел ее Виллему и Гендрику. Смысл речи был таков: белые чужестранцы умышленно и злонамеренно убили двух коней вождя — самых прекрасных скакунов на свете. Чужестранцы не захотели возместить убытки, хотя могли бы это сделать, а когда он попытался вознаградить себя за потерю лошадей, ему оказали сопротивление, сбили с ног и жестоко оскорбили в присутствии его подданных. По единодушному мнению старейших и мудрейших людей племени, за эти преступления пленников следует наказывать, и наказанием для них будет смерть. Он привел их туда, где они совершили первое преступление, — здесь самое подходящее место для исполнения этого справедливого приговора.

Когда Конго перевел охотникам эту речь, они велели ему передать вождю, что, если он отпустит их, они охотно оставят ему лошадей, винтовки и прочее свое имущество и обещают никогда не возвращаться в его владения и ничем не тревожить его. Больше того: они пришлют ему подарок, выкуп, за то, что он оставил их в живых и вернул им свободу.

В ответ им было сказано, что они белые, а потому им нельзя верить. Они не пошлют вождю подарки, но скорее всего попытаются отомстить; и, чтобы этого не случилось, они должны умереть — так решил вождь.

После такого решения им уже не к кому было взывать. С этой минуты на них снова перестали обращать внимание. Едва Конго пытался вымолвить хоть слово, стражи начинали кричать; а тем временем остальные по указаниям вождя готовили все для того, чтобы привести в исполнение страшный смертный приговор.

Глава 29. КАК РАЗ ВОВРЕМЯ

Скоро пленники поняли, какая смерть их ждет. По всему было видно, что вождь намерен испытать свое новое оружие — громобой Виллема.

Наверно, пленники потому так долго и оставались в живых, что вождь учился пользоваться этим оружием, чтобы не промахнуться, стреляя по такой цели, как двое белых людей.

Ремни стягивали запястья Гендрика куда туже, чем было необходимо. Сырая кожа высохла и съежилась — ведь охотники пробыли весь день на жгучем солнце,

— поэтому ремни глубоко врезались в тело, кисти рук распухли, и Гендрик мучился больше других.

Но не только это терзало его. Теперь уже не оставалось сомнений, что их ждет та страшная участь, о которой Конго догадался с самого начала. Смерть казалась неизбежной, и

Гендрик с его живым умом и способностью остро чувствовать всем своим существом болезненно ощущал близость смерти. Он боялся ее. В этом страхе не было ничего недостойного. То была просто любовь к жизни, страстное желание жить.

Кто не любит жизни, тот недостоин ее; кто не дорожит ее радостями и легко расстается с ними, тот либо не сумел оценить их, либо душа его так черна, что он способен видеть в жизни только дурное.

Гендрик страстно хотел жить и радоваться жизни и, глядя, как готовятся отнять у него жизнь, испытывал невыразимые муки.

Прощаясь с этим миром, он горевал о многом, но прежде всего его мысли были о Вильгельмине ван Вейк. Никогда больше он ее не увидит! А ее он любил больше жизни.

— Виллем! — воскликнул он. — Что же это? Неужели мы сейчас умрем? Я не хочу... не могу!

Он говорил — и все силы его души и тела напряглись в одном порыве: вернуть себе свободу!

Отчаянным усилием он попытался разорвать путы, но он ничего не добился, только из-под ногтей у него брызнула кровь.

В этот тяжкий час Виллем тоже не оставался бесстрастным. И он не хотел умирать, и ему было о чем сожалеть. Ведь это значит, что никогда больше он не увидит своих близких. Никогда не завершит дела, ради которого пустился в этот дальний путь.

Верному Конго было тоже горько знать, что смерть надвигается, что она уже рядом.

— Баас Виллем, — сказал он, с жалостью глядя на молодого охотника, — сейчас вы умрете. Я благословляю Бога, про которого мне рассказывали ваши родители! Никогда я не вернусь в Граф-Рейнет, не увижу, как они оплакивают вас!

Приготовления к казни уже закончились, но жестокому вождю не удалось показать свое искусство, не удалось исполнить задуманное.

Только было он хотел поднять ружье и прицелиться в одного из обреченных, как, откуда ни возьмись, появился большой отряд темнокожих воинов. На какое-то мгновение все растерялись. Те, что готовились совершить казнь, не сразу поняли, друзья это пришли или враги. Но вот раздался незнакомый им боевой клич, и их окружили рослые воины, вооруженные луками, копьями и ружьями. Да, тут оказались еще двое белых с ружьями, и их с радостью узнали пленники. То были Ганс и Аренд, а с ними Макора и его люди!

Приговор немедленно отменили, и пленников тут же освободили.

Не было никакой необходимости проливать кровь, так как никто из предполагавшихся палачей и не пробовал сопротивляться. Они тотчас вернули пленников, их ружья, лошадей и прочее имущество — большую часть его отдали еще прежде, чем было сказано хоть слово на этот счет.

И снова сердце Виллема не выдержало, и он стал просить Макару пощадить зулусов. Не вступись Виллем, Макора перебил бы на месте всех зулусов, а потом отправился бы в их деревню чинить суд и расправу.

Объединенными усилиями охотники сдержали его ярость, и сбитым с толку убийцам разрешили уйти, не причинив им ни малейшего вреда.

— Как хорошо, что вы подспели! — сказал Гендрик Гансу и Аренду. — Как раз вовремя. Только я не могу понять, откуда вы узнали, что мы попали в беду?

— Все очень просто, — ответил Ганс. — Сегодня утром нам сказали, что вас схватили и собираются убить. Мы, конечно, тут же пустились в путь и весь день спешили как только могли к вам на выручку.

— Но откуда же вы узнали, что с нами стряслось?

— От Синдо, того самого, которого Макора чуть не убил за чрезмерное честолюбие.

Значит, напрасно они подозревали Синдо в неблагодарности. Он шел, вернее

— бежал всю ночь, чтобы дать знать об опасности, грозившей людям, которые спасли ему жизнь. Для зулусов его слова ничего не значили, и он понял, что спасет пленников, только если предупредит тех, кто в силах помочь им. Так он сумел отблагодарить их.

«Цыплят по осени считают», — говорит пословица. Никогда не следует спешить с выводами. Если бы пленники, когда их вели к месту казни, не упомянули имя Синдо и вождь зулусов не заподозрил измены, помощь пришла бы слишком поздно. С казнью замешкались потому, что вождь поскакал в селение разыскивать Синдо и в результате растерял «уже сосчитанных цыплят».

Освобожденные пленники стали спрашивать, где Синдо: они хотели обнять его.

Но Синдо здесь не было. Он так измучился, пока бежал, что уже не в силах был вернуться вместе с избавителями и остался в лагере, где сооружали западню.

Ни одной лишней минуты не задержались охотники на месте, с которым были связаны такие неприятные воспоминания. И когда забрезжил рассвет, они вместе со своими друзьями макололо были уже на пути к лагерю.

Там они застали Черныша в полном смятении. Он радовался их возвращению и злился на Конго, допустившего, чтобы их молодые хозяева попали в такую беду.

Услуга, которую Синдо оказал белым друзьям, вновь завоевала ему расположение Макоры, и тот предложил изгнаннику вернуться домой, к своему племени, на что Синдо с радостью согласился.

Глава 30. ХОПО

На время Виллем как будто излечился от своей страсти к приключениям. Ведь он приехал сюда для того, чтобы поймать двух молодых жирафов и в целости и сохранности доставить их голландскому консулу. Опыт последних дней показал ему, что он не доведет дело до конца, если будет подвергать себя опасности умереть какой-нибудь страшной смертью. Это знание дорого досталось ему, и он больше не искал новых приключений, а принялся вместе с макололо строить западню. Ему помогали все три охотника. И все они думали уже не столько о жирафах или о новых приключениях, сколько о возвращении домой.

Западня должна была состоять из двух высоких изгородей, сходящихся под острым углом. Каждая изгородь была в полторы мили длиной, а там, где они сходились, оставался просвет такой ширины, чтобы мог пройти самый крупный зверь. Сразу за этим проходом вырыли яму сорок футов в длину, пятнадцать в ширину и восемь в глубину, а по краям ее положили, слегка сдвинув их внутрь, тяжелые стволы деревьев. Западню строили с таким расчетом, чтоб каждое животное, попавшее в загон, пробежав его, непременно свалилось в яму и не могло из нее выбраться. Чем ближе к яме, тем выше и крепче становилась изгородь, чтобы нельзя было ни повалить ее, ни перепрыгнуть через нее.

Яму прикрыли сверху камышом и тростником. Ни одна мелочь, от которой мог бы зависеть успех дела, не была упущена.

И охотники и макололо работали с жаром, и вскоре западня была закончена; оставалось только загнать в нее дичь. Это решили сделать на следующий день. Прямо перед западней был акациевый лесок — потому-то здесь и соорудили западню. Соплеменники Макоры должны были устроить в этом лесу облаву и всех четвероногих обитателей его загнать в ловушку.

Рано поутру все макололо вместе с охотниками и их собаками приготовились к грандиозной облаве. Разделились на два отряда. Виллем, Гендрик и Макора пошли влево, Ганс, Аренд и лучший воин и охотник племени макололо пошли со своим отрядом направо, так, чтобы охватить лесок с двух сторон. Им предстояло окружить пространство мили в четыре длиной и три шириной.

Достигнув северной опушки, большинство загонщиков и собак вступили в лес. Белые охотники верхом на своих лошадях и кое-кто из макололо верхом на быках остались на опушке, чтобы помешать испуганной дичи прорвать цепь загонщиков. Некоторое время загонщики и собаки словно состязались, кто поднимет больше шума; и всадники, стоявшие на опушке, скоро убедились, что это труд не напрасный.

Они не проехали еще и полмили от того места, где разделились на отряды, а уже стало ясно, что загонщики и собаки потревожили самую разную дичь. Громко затрубили слоны, затрещали ветки, уступая им дорогу; зарычали львы; пронзительно завизжали бабуины; послышался дикий, отвратительный хохот гиен.

Тем, кто ехал по опушке, Макора посоветовал держаться немного позади загонщиков. Виллем и Гендрик скоро оценили этот мудрый совет.

Стадо слонов прорвалось сквозь кусты всего в нескольких ярдах перед ними; их пропустили на равнину. Все были рады, что они не попали в западню.

Вскоре на равнину вырвалось несколько зебр, и им тоже дали уйти целыми и невредимыми.

Незадолго до конца облавы с той стороны, где стояли на страже Виллем и Гендрик, из лесу выбежало большое стадо буйволов. К счастью, в это время охотники немного отъехали от опушки, иначе они оказались бы прямо на пути мчавшегося стада и были бы затоптаны насмерть.

Несколько буйволов выбежали из лесу почти напротив Виллема с Гендриком и, догоняя стадо, едва не налетели на них, так что всадникам пришлось скакать во весь опор, чтобы не напороться на их рога.

Едва охотники увернулись от буйволов, Виллем с радостью увидел то, что ему больше всего хотелось видеть: семь или восемь жирафов, спасаясь от загонщиков, с шумом пронеслись среди деревьев и выскочили на опушку. Они оказались совсем близко к воронкообразному входу в ловушку. Если они проскочат мимо, их уже не поймать и весь тяжкий двухнедельный труд пропадет напрасну. Вонзив шпоры в бока лошади, Виллем, а за ним и Гендрик галопом поскакали вперед, чтобы отрезать жирафам отступление. Никогда еще за всю свою жизнь Виллем не переживал минуты столь волнующей.

В стаде охотники заметили двух детенышей. Неужели они промчатся мимо загона? Успех дела решали секунды. Жирафы и охотники мчались наперерез друг другу и вскоре должны были столкнуться. Робкие животные быстро поняли это и, не подозревая о грозившей им опасности, повернули и кинулись в широко разверстую пасть западни.

Стоило им пробежать в прежнем направлении еще хоть несколько шагов, и они бы спаслись от ожидавшей их участи; но, как нередко бывает и с людьми, в поисках спасения они избрали самый опасный путь.

Загонщики уже вышли на опушку леса, и оба отряда встретились на середине поляны. Впереди, в загоне, они увидели живую, движущуюся массу: тут было множество самого разнообразного зверья, и в том числе, к большому огорчению охотников, два слона и носорог. Над всеми остальными возвышались головы жирафов, которые, видимо, старались вырваться вперед и должны были первыми свалиться в яму.

По мере того как стены ловушки сближались, оставляя животным все меньше места, разношерстное стадо становилось все гуще.

За четверть мили до ямы мудрые слоны повернули и, увидев направляющихся к ним людей и собак, проломили ограду и очутились на свободе. К немалому удовольствию охотников, в пролом выбежали и несколько зебр. Жирафы вырвались уже слишком далеко вперед, чтобы спастись таким образом. Им не суждено было избежать плена.

Все макололо были охвачены неистовым азартом погони. С пронзительными воплями они неслись вперед. Им не терпелось увидеть, как многочисленные жертвы провалятся в яму, к которой они несутся, обуреваемые страхом и не замечая ничего вокруг. Все демонические страсти, какие скрыты в человеке, словно пробудились в душах преследователей. Бегство слонов привело их в ярость, хотя слоны, без сомнения, погубили бы всю затею, все плоды долгих трудов. Казалось, макололо хотят лишь одного: убивать животных, проливать их кровь, видеть их гибель.

Глава 31. РАЗОЧАРОВАНИЕ

Несколько антилоп и других животных погибли, не добежав до ямы, — их убили или изуродовали в давке и гонке.

Иные еще дышали, но охотники, лишь мимоходом взглянув на них или пнув ногой, спешили дальше, к зрелищу еще более ужасному — к чудовищной бойне, которую мог задумать и осуществить только человек и которую не описать словами.

Зрелище было так ново, так захватывало, возбуждение туземцев оказалось так заразительно, что жажда крови обуяла и Виллема и его друзей. Словно опьянев, они неслись вперед с таким же неистовым ожесточением, с каким бежали и одержимые маколло.

Животные, которых они гнали перед собой, сбились в трепещущую, борющуюся, рычащую массу. Жертвы погони падали друг на друга, рычали, ревели, мычали, выли; вскоре яма наполнилась, и те, что бежали позади — а их были сотни, — спаслись, проскочив по телам упавших.

Когда все, кому уже не хватило места в яме, схлынули и охотники подошли посмотреть на добычу, глазам их представилось зрелище, которое, однажды увидев, нельзя забыть. Снизу неслось рыкание льва, он задыхался под тяжестью свалившихся на него антилоп. Впервые подле него оказалось чересчур много его любимой дичи. Лишь одного зверя не мог задавить никто — это был мучочо, белый носорог, которого охотники заметили еще раньше, во время облавы. Стоило ему шевельнуться — и он кого-то подминал под себя, кому-то ломал кости, и еще несколько голосов угасало в этом хоре воплей ярости и боли, раздававшихся над кровавой свалкой, — все вместе это походило на репетицию страшного суда в животном царстве.

Очевидно, только задние ноги носорога стояли на дне ямы, и чуть ли не всем телом он опирался на животных, которые мучились и гибли под непомерной тяжестью.

В этой барахтающейся массе были и жирафы; боясь, что и они станут жертвой огромного носорога. Виллем приставил дуло ружья к самому его глазу и выстрелил.

В диком шуме выстрел был едва слышен, но он сделал свое дело: носорог испустил дух.

И вот все принялись за работу — нужно расчистить яму и спасти молодых жирафов, если они еще живы. Ремни с петлями на концах накидывали на головы антилоп и другой мелкой дичи и вытаскивали ее вон.

Через некоторое время в яме стало свободнее. И тогда осторожно подняли вверх одного из молодых жирафов. Его нетерпеливо и со страхом осмотрели. Он был еще теплый, но уже не дышал. Оказалось, что у него переломлена шея.

Теперь заметней всех в яме был один из взрослых жирафов — огромный самец, который все время отчаянно бился, и, сказав, что в нем «слишком много жизни», Гендрик пристрелил его.

Еще один молодой жираф был почти погребен под телами более крупных животных. Охотникам видны были лишь его голова и шея. Судя по всему, он был невинен. С величайшими предосторожностями, стараясь не причинить ему вреда, его вытащили из ямы и накинули ему на шею два ремня, чтобы он не убежал. Детенышу было месяца два — как раз такого и искали охотники; но вскоре они убедились, что с ним что-то неладно. Пытаясь вырваться, он все время держался на трех ногах. Четвертая неестественно болталась в воздухе. Она была сломана.

Детеныш был молодой, красивый, но брать его с собой не имело смысла. Его не довезти до Европы. Этой страдающей, дрожащей, испуганной жертве честолюбия Виллема можно было оказать лишь одну милость: пристрелить и тем избавить от боли; и охотник горевал, глядя на эту смерть, и жалел маленького жирафа не меньше, чем беднягу Смока.

Наконец яма опустела, и охотники стали разглядывать добычу.

Погибли семь жирафов, почти у всех оказались сломаны шеи. Шея длиною в шесть или семь футов слишком хрупка, чтобы выдержать натиск огромного стада, пробежавшего по спинам упавших в яму.

Правда, охотникам не удалось получить то, что им было всего нужнее, и все же

западню построили не напрасно, она еще пригодится — так сказал Макора. Он объяснил, что через два-три дня в акациевую рощу, вероятно, придут другие жирафы и тогда можно будет снова устроить облаву. Это немного утешило разочарованных охотников. Но как обидно, что погибли два детеныша, да как раз такие, о каких все они мечтали! Быть может, охотникам встретится еще не одно стадо жирафов, но попадутся ли там такие же детеныши, как эти два? Быть может, они поймают и убьют других молодых жирафов, но еще много неудач постигнет Виллема, прежде чем он завладеет добычей, ради которой заехал в такую даль.

Для макололо время не пропало даром: им досталось много мяса. Правда, чтобы заготовить его впрок, нужно немало времени, но зато этих запасов хватит надолго.

На другой день между вертикально поставленными столбами растянули ремни и развесили на них узкие полосы мяса, чтобы оно сушилось на солнце. Мясными гирляндами увешали все кусты и небольшие деревья, росшие поблизости. Для приготовления вяленого мяса вырезали лишь самые лучшие куски из каждой туши, а остальное бросили подальше от лагеря, и там пировали стервятники, гиены и прочие четвероногие и крылатые пожиратели падали.

Спустя три дня после побоища от жертв только и осталось, что вяленое мясо да обглоданные дочиста кости.

Глава 32. ОТСТУПЛЕНИЕ

Прошло четыре дня после неудачной попытки поймать в западню молодых жирафов, и вот на берегу реки появились наконец свежие следы.

Новое стадо жирафов поселилось в акациевой роще. В стаде были и детеныши — об этом рассказали следы.

Надежды Виллема снова окрепли, он опять верил, что преуспеет в том, чего так горячо желал. Друзья его тоже воспрянули духом.

Если на сей раз им повезет, то через какой-нибудь месяц Гендрик и Аренд будут уже с теми, с кем они в мыслях не расстаются ни на час, а Ганс начнет готовиться к давно задуманному путешествию в Европу.

После первой неудачной попытки Макора ничем не показал, что собирается покинуть их. Он обещал помогать им до тех пор, пока они не добьются своего, и, хотя домашние дела и дела племени призывали его назад, он решил остаться с ними.

Он дал обещание Виллему и готов был всем пожертвовать, но не изменить своему слову.

Охотники ценили его преданную дружбу. Они уже успели убедиться, что без помощи Макоры они ничего не достигнут.

Вечером, накануне того дня, когда решено было снова устроить облаву, настроение у всех было приподнятое, и в знак уважения к человеку, для которого желания друзей стали превыше собственных, охотники распили с ним последнюю бутылку джина.

Они с удовольствием предвкушали завтрашний день, как вдруг появился Синдо и своими новостями разрушил все их планы.

Он только что вернулся с севера, где нашел было новый дом, когда его изгнал Макора. Он еще раз побывал в племени, у вождя которого охотники застрелили лошадей.

Синдо пришел туда украдкой, чтобы забрать жену и детей. Это ему удалось, а кроме того, ему удалось еще и кое-что разведать: он принес весть, что вождь зулусов, которого оскорбили охотники, все еще жаждет отомстить им за свои убытки и обиды.

Вождь посетил тирана Мосиликатсе, владыку всей этой части Африки, и поведал ему, что вождь племени макололо Макора, давнишний его враг, возвратился в свои прежние владения и похитил у него, вождя зулусов, друга благородного Мосиликатсе, его достояние: лошадей, ружья и рабов. Мосиликатсе тут же снарядил большой отряд и отдал приказ схватить Макору и его людей или же, по выражению Синдо, «прогнать его с этого света».

С часу на час враг будет здесь!

Предупреждение Синдо всех встревожило. Сейчас же во все стороны разослали разведчиков, чтобы не быть застигнутыми врасплох.

Вот она, опасность, которую с самого начала предвидел Макора!

Назавтра ранним утром разведчики сообщили, что воины Мосиликатсе и в самом деле приближаются. На ночь они остановились милях в пяти от лагеря охотников и не позже чем через час будут здесь.

Аренд и Гендрик поспешно вскочили на коней и галопом помчались навстречу врагу, чтобы взглянуть на него своими глазами. А тем временем остальные принялись укладывать свое добро, готовясь либо к бою, либо к бегству.

Молодые офицеры вернулись через полчаса и объявили, что сюда идут три сотни воинов. — Они идут на нас войной, в этом нет ни малейшего сомнения, — сказал Гендрик. — Мы подъехали к ним ярдов на сто. Завидев нас, они подняли крик и кинулись к нам, а когда мы поскакали назад, нам вдогонку полетели стрелы.

— Ну, чем скорее мы уедем отсюда, тем лучше, — сказал Ганс. — Их слишком много, нам их не одолеть.

— Похоже, что Макора иного мнения, — заметил Виллем.

Все повернулись к Макоре.

Вместе со своими людьми он готовился к решительному сражению.

— Спроси его, Конго, — сказал Виллем. — Он думает, мы их одолеем?

Конго перевел вождю вопрос Виллема и услышал в ответ, что победить воинов Мосиликатсе можно лишь превосходящими силами, а уж малым числом их никогда не одолеть.

— Так что же задумал Макора? Остаться здесь, чтобы нас всех перебили?

На это вождь ответил, что и он и его люди поступят так, как пожелает его друг Виллем.

— Тогда всем надо уходить, да поскорее, — сказал Виллем. — Я не желаю, чтобы хоть один человек погиб из-за меня.

Не теряя ни минуты, макололо снялись с места. Все произошло так внезапно, что им пришлось бросить вяленое мясо, на изготовление которого они положили столько трудов. Они отошли как раз вовремя. Виллем и Гендрик, отстав немного, увидели, что враг уже подходит к покинутому лагерю, готовый вступить в бой с макололо.

Теперь было ясно: они жаждали отомстить. Они так злобно кричали и размахивали руками, что у охотников не осталось на этот счет никаких сомнений: Виллем и Гендрик видели и слышали вполне достаточно. Дав шпоры коням, они нагнали воинов Макоры.

Глава 33. ОНИ УХОДЯТ ОТ ПОГОНИ

Макора и его спутники надеялись, что враг не станет далеко преследовать их, — он удовлетворится тем, что прогнал их, разрушит лагерь и вернется восвояси.

Но они ошиблись. Их преследовал отряд, посланный Мосиликатсе, для того чтобы расширить его владения, и нечего было надеяться, что тиран откажется от задуманного, не добившись успеха. Макора быстро понял это и теперь, не теряя ни минуты, спешил домой, чтобы вражеское нашествие не застало племя врасплох.

Макололо принадлежали к одному из самых развитых южноафриканских племен, поэтому охотников очень удивило, когда они увидели, как переполошила воинов Макоры весть о приближении отрядов Мосиликатсе. Макололо не готовились отразить врага, большинство из них помышляли лишь о бегстве.

Несколько слов Макоры объяснили охотникам эту загадку. Он рассказал своим белым гостям, что во всей Южной Африке нет воинов более грозных, чем матабили. Их вождь Мосиликатсе может собрать пять тысяч воинов, и нередко он приказывает своим военачальникам не давать врагу никакой пощады. Макора сказал, что и его воины не трусы, но воевать с Мосиликатсе ему, Макоре, не под силу. Если б он остался и принял бой, он потерял бы по меньшей мере половину своего племени. Кроме того, их обобрали бы дочиста

и всех оставшихся в живых угнали бы в рабство и заставили пасти скот. Есть лишь один способ не поддаться тирану: увезти подальше все сколько-нибудь ценное. Только благодаря этому Макора и его народ уже несколько лет сохраняют свою независимость. Так придется поступить и сейчас.

На том и порешили, и, добравшись до своего селения, Макора, не мешкая, взялся за дело.

Торопливо собрали весь скот и погнали его прочь, а за ним двинулись мужчины, женщины и дети; каждый тащил свой скарб — слоновые бивни и все, что удалось захватить в такой спешке.

Впереди шли женщины и дети, а Макора со своими воинами двигался в арьергарде, готовый защитить их от любой неожиданности.

Чтобы переправиться через Лимпопо, требовалось время, а так как до ближайшего брода было около пяти миль, враг мог настичь их еще до того, как все окажутся на другом берегу. Так и случилось. Брод был довольно глубокий, и скот не хотел идти в воду; многим животным приходилось помогать добираться до противоположного берега. На все это нужно было время, и, прежде чем они успели переправиться, поднялась тревога: с тыла приближался враг. Воины Мосиликатсе так привыкли к победам, что начали наступление прямо с ходу, хотя первыми подошли к реке всего человек двести.

Вооруженные дротиками и прикрываясь щитами, испуская пронзительные вопли, они с дикой свирепостью ринулись на Макору. Такую кровожадность порождает только многолетняя привычка к войне и насилию.

Но хотя макалоло покинули свои дома, даже не попытавшись защитить их, теперь они показали себя истинными воинами.

Они ринулись навстречу матабили, и закипел рукопашный бой — и те и другие дрались, как черти. Можно было подумать, что главная забота Макоры — защищать своих белых друзей. Ясно было, что воинам приказано держаться между охотниками и врагом. Но Гендрик и Арэнд, как и подобало молодым офицерам, не упустили случая показать свою силу и умение. Они открыли огонь по матабили. Их примеру тут же последовали Виллем и Ганс; впервые в жизни они брали на мушку не зверя, а человека.

Раздалось четыре выстрела, и четверо воинов Мосиликатсе упали на землю, еще двоих почти тотчас застрелили Макора, Синдо и еще один макалоло, вооруженные мушкетами.

Укрывшись за своими лошадьми, охотники перезарядили ружья, и враг потерял еще четверых бойцов. Если бы нападающие могли подойти к охотникам, те скоро пали бы под тучей дротиков, но макалоло не подпускали к ним врага.

Прикрываясь щитами, которыми они действовали с величайшей ловкостью, два воина-туземца могут бороться друг с другом очень долго, прежде чем один из них окажется побежденным.

Сейчас, однако, дело обстояло совсем иначе: четверо охотников брали врагов на мушку, и после каждого выстрела еще один матабили падал наземь. Вскоре ряды противника поредели. И матабили поняли, что огнестрельное оружие, к которому они издавна относились с презрением, в умелых руках — страшная сила.

Им уже было ясно, что зря они понадеялись на себя и вступили в бой, не дождавшись, пока подойдет все войско. Вот теперь и приходится отступать, оставляя на поле боя больше тридцати убитых.

В этой схватке Макора потерял всего шесть человек и был так рад этому, что едва не пустился преследовать врага в надежде завершить и упрочить победу. Но он знал, что любая его победа будет недолгой, что очень скоро перед ним окажутся тысячи врагов и что в конце концов ему придется отступать, поэтому он отказался от погони за растерявшимся противником и продолжал переправу.

Когда солнце село, племя со всем своим имуществом было уже в безопасности на противоположном берегу; воины заняли здесь надежные позиции, чтобы пресечь любую попытку матабили переправиться через реку, и племя двинулось дальше.

Теперь у Макары не было ни клочка земли. Помогая своим белым друзьям, он лишился дома. Отныне он изгнанник, по пятам гонится мстительный враг, и нигде не ждут друзья. Племя его слишком немногочисленно, чтобы те, кто может повстречаться на пути, отнеслись к нему с уважением. Скоро все узнают, что злосчастных макололо преследует могучий Мосиликатсе, и тогда они будут изгнаны отовсюду, нигде не найдут покоя и пристанища, у них отнимут скот — их единственное богатство, а быть может, и жизнь.

Виллем и его спутники горько сожалели, что навлекли на своего защитника такую беду, а сам он, казалось, больше всего огорчился тем, что не сумел помочь друзьям.

Последними через реку перенесли тела павших в схватке воинов макололо; ночью их похоронили.

А убитые матабили остались там, где их застигла смерть, во власти хищных зверей.

Чтобы дать охотникам некоторое представление о нравах и обычаях врагов, Макара рассказал им, что матабили никогда не хоронят своих мертвецов, даже родных не хоронят. Сыновья оттаскивают тела родителей подальше от деревни и предоставляют их заботам гиен и стервятников. Всю ночь из-за реки доносились рычание, вой, шум драки; и воины макололо, охранявшие брод, не сомневались, что к утру на поле боя останутся одни лишь кости убитых врагов. Шум этот для ушей макололо звучал, как музыка, а сознание, что они победили прославленных воинов Мосиликатсе, едва не вознаградило их за потерю дома.

Глава 34. ТИРАНИЯ И ВЕРНОСТЬ

На следующее утро еще до того, как макололо двинулись в путь, на другом берегу показался большой отряд воинов Мосиликатсе. Как уже говорилось, женщин, детей и скот отправили еще раньше, и они должны были уходить как можно скорее, а большинство мужчин остались, надеясь задержать врага, чтобы племя выиграло еще один день пути. Черныша отправили сопровождать быков, нагруженных костью. Ему оказали величайшее доверие, и это отчасти утешило его: ведь ему опять пришлось оставить своих молодых хозяев на попечение Конго, который, по мнению Черныша, всегда был виновником всех бед.

Отправляясь в путешествие, охотники взяли с собой на всякий случай несколько запасных ружей; теперь их достали и держали наготове. Едва рассвело, матабили начали переправляться через Лимпопо. Опасаясь, что тиран разгневется, если узнает об их малодушии, они без оглядки кидались в реку.

Первые пятеро или шестеро были убиты, но это не охладило пыла остальных. Они как безумные прыгали с берега в поток и шли наперерез течению, хотя вода поднималась выше пояса.

Взобраться на противоположный берег можно было лишь небольшим ущельем или оврагом футов в десять шириной. Подняться по нему было бы нелегко, даже если бы наверху не ждал вооруженный противник, но, когда вас встречают градом стрел, уцелеть почти невозможно.

И все-таки матабили решились пойти навстречу грозной опасности и не стали с этим медлить.

Они шли и шли как одержимые, и скоро у входа в овраг собралась большая толпа. Но в узкое горло оврага не могло протиснуться много воинов сразу. Макара с первого взгляда оценил преимущества своей позиции и велел своим воинам удерживать ее. С десятков матабили начали было подниматься по оврагу, но ни одному не удалось взобраться по его скользким откосам. Не имея твердой опоры, они почти не могли пользоваться дротиками и щитами, и скоро их мертвые тела понесло вниз по течению.

Те, кому удалось немного подняться по оврагу, натолкнулись на макололо, засевших по обеим сторонам его, и пали под ударами копий. А охотники то и дело перезаряжали ружья и стреляли по тем, кого не достигали копья. Не прошло и десяти минут, как матабили уже поняли, что и на сей раз поступили опрометчиво и не сумеют перебраться через реку, пока макололо остаются на другом берегу. Поняв это, они отступили на свой берег, и шум битвы

вновь утих, слышались лишь злобные угрозы.

В этой второй схватке были ранены всего пятеро макололо — их ранило дротиками. Не имея возможности сойтись с противником врукопашную, матабили метали дротики издали. Макора, понимая, что, как только он оставит столь выгодную позицию, враг тотчас начнет его преследовать, решил обороняться здесь до последней возможности, чтобы женщины и дети могли уйти подальше от опасных мест.

Два часа кряду враждующие отряды оставались каждый на своем берегу и не начинали битвы. Шел лишь словесный бой. Они обменивались угрозами, насмешками, приглашениями перейти реку, но ни те, ни другие приглашений не принимали.

Наконец Макора и его воины решили, что пора сниматься с места и догонять отступающее племя. При этом нужно было как-то перехитрить матабили, чтобы те тотчас не переправились через реку и; не погнались за ними по пятам. Но Гендрик уже все обдумал и изложил свой план вождю.

— Пусть ваши воины отойдут, — сказал он Макоре. — Деревья скроют их от глаз врага, а у нас есть лошади, и мы сможем ускакать в любую минуту. Поэтому мы останемся и будем маячить на виду у врага, пока он не разгадает обман.

План был превосходен и легко осуществим. Макора сразу согласился.

— Только не торопитесь, — сказал Виллем. — Не отходите, пока я не начну стрелять. Я думаю, моя пушка бьет достаточно далеко. Нет-нет, да и свистнет у них над ухом пуля, и они будут знать, что мы еще здесь, и не заподозрят, что остальные ушли.

Виллем отполз в сторону, где берег немного выдавался вперед, прицелился в рослого матабили, стоявшего за рекой на самом виду, и выстрелил. С громким криком тот покачнулся и упал, а остальные поспешили спрятаться за кусты. А макололо, воспользовавшись смятением, без шума отошли; только вождь, Синдо и еще двое, у которых были лошади, остались вместе с охотниками охранять переправу.

Около часа оставались они у брода, а матабили ни разу не попытались выйти к реке. Их больше не было видно, и Макора, опасаясь, как бы они не снялись с места и не нашли где-нибудь другой брод, предложил не сторожить здесь больше и поскорее догнать племя. Это было вполне разумно: ведь если матабили в самом деле найдут другой брод, племя окажется в опасности. Поэтому решили уходить, но так, чтобы враг об этом не узнал.

На кустах развесили кое-какую одежду, постаравшись, чтобы с того берега казалось, будто здесь притаились люди, потом Виллем в последний раз выстрелил, и один за другим они, крадучись, отошли, сели на коней и скрылись за деревьями.

Примерно через час они нагнали пеших воинов, а еще немного погодя все племя снова было вместе. Вечерело. Поблизости оказалась вода, и они решили остановиться на ночлег. Макоре посчастливилось: он вовремя подоспел к своему племени. Опоздай он на каких-нибудь десять минут — и не миновать бы несчастья еще большего, чем все, что постигло их до сих пор: едва Макора приказал остановиться, как неподалеку от предполагаемого лагеря замечен был отряд матабили. Врагов было около сотни, и, не подоспей Макора со своими воинами, они немедленно напали бы на женщин и детей. Судя по тому, с какой стороны появился вражеский отряд, он, видно, перешел реку выше по течению. Матабили думали, что воины Макоры охраняют брод, и решили пока напасть на женщин и детей. Но, встретив здесь мужчин, они не решились вступить в бой, так как силы их были невелики, и держались на почтительном расстоянии. Скоро охотники еще увеличили это расстояние; верхом на конях, вооруженные ружьями, они стоили доброй сотни воинов. Они подскакали к матабили, дали по ним несколько выстрелов, и те поспешили убраться подальше. Отогнав врага, охотники вернулись в лагерь и застали Макору в большой тревоге. Он ни на что больше не надеялся, уверенный, что и сам он и его племя обречены на гибель. Виллем осведомился, почему дурные предчувствия больше прежнего одолевают вождя — ведь до сих пор в схватках с врагом успех был на его стороне. Макора ответил, что, уж наверно, Мосиликатсе послал против него не один отряд и, когда преследователи соединятся, не будет пощады ни ему самому, ни его племени, ни его друзьям. Потери врага в двух стычках слишком велики,

чтобы можно было ждать от него хоть капли милосердия.

Макора объяснил еще, что ни один из воинов Мосиликатсе не отважится вернуться к своему повелителю, потерпев поражение: Молисикатсе предаст смерти и воинов и военачальников; они знают об этом и будут драться, презирая опасность, лишь бы победить.

— Есть только один выход, — продолжал Макора, — только одно может спасти мой несчастный народ: я должен пожертвовать собой. Если они поспешат на запад, то, пожалуй, еще успеют уйти от преследователей. Пусть попросят покровительства у великого вождя Себитуане, он сумеет защитить их. А я... — вздохнул Макора, — я не могу пойти с ними.

Охотники попросили объяснений и получили их. Давным-давно из-за какого-то недоразумения Макора навлек на себя гнев Себитуане, а Себитуане никогда не забывает и не прощает оскорблений, и если Макора пойдет к нему, тот, конечно, прикажет убить его.

Макора советовал охотникам уходить подальше от опасности: у них есть лошади и они смогут добраться домой. Виллем тотчас отверг этот великодушный совет, не принял его и остальные, и каждый при этом старался как-то ободрить другого. На редкость верными оказались и соплеменники Макоры. Когда Макора посоветовал им уходить и предоставить своего вождя его судьбе, все как один воспротивились: воины громко закричали, что лучше они умрут вместе с ним, но не оставят Макору.

Впервые за всю свою жизнь наши охотники увидели вождя, которого огорчала чрезмерная любовь народа! Он предлагал им спасти свою жизнь ценой его собственной жизни — отдать его в руки Себитуане. Но все племя как один человек оказалось верным своему вождю, и все в один голос отвергли его великодушное предложение.

Глава 35. ДОБРЫЕ ВЕСТИ

Охотников очень тяготила мысль, что они навлекли на Макору и его племя такое несчастье, и они старались найти какой-то выход, спасительный для всех.

Они посоветовали Макоре и племени искать убежища у баквейнов, живущих немного западнее, — это была ветвь того же могучего народа бечуанов, к которому принадлежали и макололо, — но Макора ответил, что там никто не даст им убежища. Баквейны побоятся прогневать тирана и, чтобы сохранить с ним добрые отношения, пожалуй, еще помогут его воинам уничтожить макололо. Охотники попробовали просить Макору уехать с ними на юг, тогда племя сможет отправиться в страну Себитуане, но Макора и слушать не стал. Нет, на это он не пойдет. Лучше смерть! Никогда он не бросит тех, кто так верен ему.

А кроме того, еще неизвестно, доберутся ли они до Себитуане. На рассвете может нагрянуть враг, а ведь с ними женщины, дети, скот — им не уйти от погони.

Своими соображениями Макора поделился кое с кем из племени, добавив, что у них есть еще бык, который ни за что не должен достаться врагу. Это самый жирный бык во всем стаде. Люди поняли его с полуслова, и не прошло двух часов, а бык уже был убит, зажарен и съеден.

Под вечер в полумиле от себя беглецы заметили костер и услышали громкие голоса. Они решили, что это расположились лагерем их враги и не нападают только потому, что не подошли еще основные силы.

Но опасения не оправдались. На рассвете беглецы с облегчением увидели на равнине две большие крытые повозки. Здесь же паслось несколько быков и лошадей. Повозки стояли неподалеку от лагеря Макоры и, как видно, приехали уже затемно. Несомненно, это остановились на ночлег белые охотники или торговцы.

Виллем и его друзья разом сели на коней и поскакали к повозкам и через несколько минут уже здоровались с вновь прибывшими. Как они и предполагали, это были торговцы — жители Порт-Наталя. Они ездили на север, а теперь возвращались домой. Им прислуживали кафры, которые сопровождали их из Наталя, и, кроме того, нескольких туземцев они прихватили с севера.

Наши охотники хотели разжиться у новых знакомых патронами и еще кое-чем

необходимым, но тут их внимание привлек Макора — он словно вдруг сошел с ума. Хотя их отделяло от лагеря не меньше полумили, он что-то закричал своим воинам и стал отчаянно размахивать руками: то ли сообщал им что-то, то ли приказывал.

Встревоженные охотники огляделись по сторонам. Быть может, матабили снова пошли в наступление? Нет, ни одного врага не видно.

Наконец вождя услышали в лагере, и все племя пришло в величайшее волнение. Тогда только и охотники поняли, что произошло. Оказалось, что кое-кто из туземцев, прибывших вместе с торговцами, был из страны Себитуане. Они всего несколько дней, как из дому. И от них Макора узнал, что Себитуане больше нет на свете. Он умер совсем недавно, и ныне всем народом маколото полновластно правит его дочь Ма-Мочисане.

Теперь Макора может безбоязненно возвратиться к своему народу. Одно только пугало его: что подойдет многочисленное войско врага, с которым ему не совладать, и он больше не увидит родины.

Наконец-то его племя обретет спокойствие, надежную крышу над головой! Ободренные доброй вестью, все маколото от мала до велика с новыми силами принялись за дело: им не терпелось поскорей уйти из опасных мест.

Белых торговцев было трое, с ними девять туземцев, и все были прекрасно вооружены. Их помощь, особенно тех, у кого были ружья, очень выручила бы наших охотников в этот трудный час.

Виллем, который и не подозревал, что есть на свете люди, думающие лишь о себе и неспособные помочь другому, тотчас рассказал новым знакомым, какая опасность грозит ему и его друзьям, и сказал, что с минуты на минуту на них могут напасть их враги матабили. Он благодарил счастливый случай, пославший им помощь так кстати. Он воображал, что стоит торговцам услышать это, и их поддержка обеспечена: они тотчас возьмут отступающее племя под защиту.

Как же изумлены и возмущены были Виллем и его друзья, убедившись, что торговцы приняли его рассказ совсем не так, как он ждал! Не говоря ни слова, они кинулись запрягать быков. Не прошло и десяти минут, как они уже спешили на юго-восток, к Порт-Наталю.

Они были не из тех, кто станет рисковать собой и своим имуществом, кто лишнюю минуту пробудет с людьми, попавшими в беду.

Если бы в душе наших охотников и шевельнулось желание покинуть Макору в трудный час, поступок торговцев убил бы его в зародыше. Трусливое бегство этих людей только прибавило оставшимся решимости. Они сделают все возможное, чтобы враг не настиг их. И они без промедления двинулись в путь.

Мужчины, женщины и дети напрягали все силы, стараясь поскорей уйти от преследования. Они знали, что впереди у них долгий путь, а позади — сильный и беспощадный враг. Даже собаки и те, казалось, понимали, какая опасность нависла над их хозяевами, и старательно подгоняли стадо.

Племя шло допоздна и проделало за день немалый путь, а матабили все, не появлялись, и охотники начали думать, что они отказались от погони.

Хотя Виллем и его друзья были на лошадях, они устали куда больше, чем пешие маколото, которые давно привыкли к еще более тяжелым и долгим переходам.

Охотники с радостью остановились бы, им казалось, что дальнейшее бегство уже не имеет смысла. «Лишь дурак и безумец бегут, когда за ними никто не гонится», — думали они.

Но Макора думал иначе. Он не пренебрег ни одной мерой предосторожности: выставил вокруг лагеря часовых, выдвинул вперед заставы, чтобы никакая случайность не застала племя врасплох. Кажется, никогда еще с тех пор, как они начали отступать, он так не боялся вражеского нападения.

Охотники не могли понять, чем вызваны все эти предосторожности, и через Конго спросили об этом вождя.

И Макора снисходительно объяснил, что воины Мосиликатсе не успокоятся, пока не

добьются своего. Уж конечно, они не откажутся от преследования, если не нанести им действительно серьезное поражение. Они только ждут подхода новых отрядов, чтобы общими силами покончить с Макорой и его племенем. Через два дня макололо достигнут родных мест и тогда будут в безопасности — вот почему Макора всячески старается оберечь свое племя и своих гостей. Долг перед людьми для него превышает собственной жизни.

Назавтра они двинулись в путь еще до рассвета и торопились как только могли.

Гендрик, Аренд и Ганс сопровождали Макору без особой охоты: им казалось, что в таком поспешном бегстве уже нет надобности.

— Ну, ничего, — подбадривал их Виллем. — Еще только два дня — и мы увидим новые края.

Незадолго до полудня они убедились, что Макора был прав: впереди неожиданно показался отряд матабили.

Он был слишком мал, чтобы помешать отступавшим идти своей дорогой, и, завидев их, тотчас скрылся.

Позднее разведчики, оставленные позади, принесли весть, что с тыла подходят крупные силы врага. Отряды Мосиликатсе соединились, и теперь охотники вместе с Макорой знали, что дальнейшее бегство бесполезно. Не пройдет и суток, как им придется принять бой.

Ничего нет хуже, как подвергнуться нападению в пути. Надо остановиться там, где удобно будет защищаться. Поблизости не было подходящего места, но Макора надеялся, что на берегу можно найти удобную для обороны позицию, и, все ускоряя шаг, они направились к реке.

Глава 36. В ОСАДЕ

До захода солнца оставалось не больше часа, когда макололо вышли к реке. Враг, несомненно, был уже недалеко, и все тотчас стали готовиться к бою.

Гендрик и Аренд, полагавшие, что они здесь люди наиболее сведущие в военном деле, проехали немного вперед, чтобы выбрать поле для сражения.

Счастливый случай привел их туда, где было удобнее всего осуществить их план.

Чуть выше того места, где они вышли к реке, она изгибалась подковой, омывая полуостров, который в сезон дождей, когда река разливалась, превращался в остров. Сейчас туда можно было попасть через узкий перешеек — полоску суши шириною ярдов в пятьдесят. По нему-то на полуостров погнали стадо. Не теряя ни минуты, макололо вместе со всем своим имуществом перебрались на полуостров, чтоб их невозможно было окружить.

Лишь с одной стороны враг мог легко добраться до них — через неширокий перешеек. У края его на берегу реки стояло гигантское дерево: природа растила его сотни лет нарочно для того, как сказал Гендрик, чтобы спасти им жизнь.

Нвана — одно из замечательнейших деревьев Африки. Это настоящие гиганты, а иные стволы достигают необычайной толщины — девяноста футов в окружности. При этом древесина его не тверже капустной кочерыжки и считается совершенно бесполезной. Вот с этим охотники не могли согласиться.

Среди инструментов, которые они захватили с собой из дому, из Грэф-Рейнета, были два добрых топора: по опыту прежних поездок, охотники знали, что без этого орудия в путешествии не обойтись.

Решили срубить дерево так, чтобы оно преградило доступ к полуострову с единственной незащищенной стороны. Получится укрытие, из которого можно будет успешно отражать атаки врага. Черныш достал топоры, и охотники принялись рубить дерево. Работали по двое и по очереди сменяли друг друга. С каждым ударом топоры все глубже погружались в мягкую, пористую древесину. Нвана поддавалась так легко, словно это было не дерево, а огромный пирог. Им посчастливилось: ведь их спасение зависело от того, удастся ли им повалить этого царя африканских лесов до прихода матабили. Они, без

сомнения, были уже недалеко, и люди на полуострове спешили укрепиться, чтобы достойно встретить их. Было еще неясно, в какую сторону упадет дерево. Если оно повалится в воду, все труды их пропадут даром — путь будет открыт и ничто не задержит врага. Если же оно закроет проход на полуостров, оно окажется для нападающих непреодолимым барьером. Молча, с нетерпеливым интересом смотрели макололо на огромное дерево. Наконец дерево покачнулось и стало падать — сперва медленно, точно нехотя, но, глядя на его трепещущую вершину, все поняли, что оно ляжет туда, куда надо. Оно падало чем ниже, тем быстрее, и ветви его со свистом рассекали воздух. Но вот гигант с треском рухнул наземь, и огромный ствол, точно валом, отрезал полуостров от суши; только с боков остались незащищенными по нескольку футов. Если отважно защищать эту баррикаду, наступающим нелегко будет одолеть ее. Теперь на полуострове готовы были встретить врага.

И враг не заставил себя ждать. Когда стемнело, в отдалении загорелись большие костры. Это подошли матабили. Они, видно, решили ничего не предпринимать до утра — тогда можно будет разведать позиции макололо и потом уж напасть на них. Еще перед тем как укрепиться на мысу, Макора спросил, кто из воинов тайно проберется к какому-нибудь нейтральному племени, которое могло бы подоспеть ему на выручку, и четверо воинов вызвались пойти. Стоило теперь осажденным макололо двинуться с места, и их бы наверняка разбили и уничтожили. Здесь они могли бы продержаться несколько дней, и, зная, что враг не снимет осады, пока не уничтожит их, Макора надеялся лишь на помощь какого-нибудь соседнего вождя, которому придется не по нраву вторжение матабили.

Первым вызвался идти в эту опасную разведку Синдо — он горячо желал вернуть себе расположение Макоры. Нашлось и еще трое добровольцев. Их разбили по двое: сперва отправилась одна пара, через час — другая.

Так было больше надежды на успех: не повезет одной паре, ее захватят — проберется другая.

Ранним утром враги показались неподалеку от укрепленного лагеря. Укрывшись за кроной поверженного дерева, охотники видели большую толпу матабили — их было не меньше шестисот. А Макора мог выставить против них всего-навсего двести пятьдесят воинов. Как уже говорилось, по обе стороны громадного дерева, у подрубленного конца и у макушки, оставались проходы, их надо было охранять особенно тщательно. Тут Макора поставил своих храбрейших воинов, остальные залегли за стволом, чтобы поражать копьем каждого, кто попытается перелезть через эту зеленую баррикаду.

Матабили уже разглядели расположение противника и, видимо, были уверены в успехе. Наконец-то они загнали дичь! Теперь ей некуда податься, и они могут отдохнуть после долгой погони, чтобы со свежими силами взять крепость.

Солнце уже светило вовсю, когда они пошли на приступ. Разделившись на два отряда, они ринулись к проходам по краям баррикады. Ожесточенный бой длился каких-нибудь десять минут, и враг вынужден был отступить, оставив на месте несколько человек убитыми.

Но эта кратковременная победа стоила жертв и Макоре. Восемь макололо были убиты и еще несколько серьезно ранены.

На лице Макоры все отчетливее проступала тревога. Он знал, что враги много сильнее его, что путь к отступлению отрезан и что попытка врагов прорваться чуть было не увенчалась успехом.

Мрачные предчувствия одолевали вождя. Судьба племени пугала его.

Он слишком хорошо знал нрав противника, чтобы надеяться на то, что матабили легко откажутся от своего намерения.

Они уже понесли немалые потери и, конечно, опасаются гнева Мосиликатсе, притом они рассчитывают поживиться добром макололо, и, несомненно, они будут драться до тех пор, пока у них остается хоть малейшая надежда победить.

Помощи от других племен не приходится ждать раньше чем через три дня. Продержатся ли они так долго?

Вождь смотрел на убитых и раненых, лежавших вокруг на земле, и понимал: нет, не

продержаться. Врагов слишком много, они будут нападать снова и снова и в конце концов добьются своего.

Так думал вождь макололо, и, как ни доверял он мудрости и воинскому искусству белых охотников, тревога ни на минуту не оставляла его.

После атаки прошло уже два часа, а осажденные не видели ни одного матабили, если не считать тех, кто остался лежать у поваленной иваны. И все же они хорошо знали, что враг где-то близко.

Спустилась ночь. Во тьме запылали лагерные костры врага, но это еще ничего не значило.

Настало утро, а осажденных все еще никто не потревожил. Судя по всему, войны Мосиликатсе отчаялись и вернулись к своему вождю, решив, что им ничего не остается, как понести неизбежную кару за то, что они не сумели избежать поражения.

Так думали охотники и стали всячески уговаривать Макору, не мешкая больше, двинуться в страну своих сородичей. Но вождь наотрез отказался последовать совету своих белых союзников. Он признает их превосходство в охотничьем и даже воинском искусстве, но что такое Мосиликатсе и его воины, он знает лучше. Здесь, на полуострове, он со своим племенем может долго продержаться, а стоит уйти отсюда — и они попадут в засаду, которую, конечно, устроил враг. Если бы еще не было надежды на помощь, тогда другое дело, но, уж наверно, ему сразу вышлют подкрепление, а потому лучше остаться здесь.

Подумав, что Макора, быть может, прав, Виллем и его друзья согласились остаться, но при одном условии: они ждут еще тридцать шесть часов, и, если за это время ни друзья, ни враги не появятся, Макора обещает продолжать путь в страну макололо.

Глава 37. НЕ СЛИШКОМ ПОЗДНО

Условленное время прошло, а матабили все не показывались; и от Синдо и его спутников тоже не было вестей.

Теперь охотники уже не сомневались, что враг отказался от мысли взять верх над племенем, на стороне которого — разум и оружие белых людей, и отправился восвояси. Макора был не вполне согласен с этим, но тем не менее, как и было условлено, он начал готовиться в путь.

Стадо вывели на дорогу, и все стали погонщиками, да такими усердными, словно не сомневались, что по пятам гонится враг. Виллем и его друзья никак не могли понять поведения туземцев. Ведь в бою люди Макоры показали себя отважными воинами, а теперь, когда враг словно сквозь землю провалился, они явно трусят!

Виллем велел Конго спросить вождя, в чем тут дело.

Да, согласился Макора, слова охотника справедливы, но белые друзья не удивлялись бы, будь им больше знакома тактика Мосиликатсе и его воинов. Осторожный Макора не забыл оставить в тылу разведчиков, и через несколько часов после того, как племя покинуло свою крепость, один из них, догнав Макору, сообщил, что матабили движутся следом.

Как и предполагал Макора, враги только и ждали, чтобы он ушел с такой удобной для обороны позиции.

Теперь белые охотники по опыту знали, что следует где-то укрепиться, чтобы легче было отразить врага, и поэтому Гендрик и Аренд, пришпорив коней, поскакали вперед, намереваясь выбрать новое поле битвы.

Но на этот раз счастье им изменило. Племя шло теперь по открытой равнине, тут негде было укрыться, и ни одному из противников местность не давала никаких преимуществ. — Мы уже далеко отъехали, — сказал Гендрик, когда они проскакали около мили. — Наши не успеют добраться сюда, матабили их нагонят. Надо возвращаться.

— Надо, конечно, — машинально отозвался Аренд, пристально глядя куда-то вдаль.

Гендрик проследил за его взглядом и с удивлением увидел, что к ним быстро приближаются человек тридцать туземцев. — Нас окружают! — воскликнул Гендрик и

повернул коня, готовый скакать прочь.

Без дальних слов оба галопом помчались обратно к каравану Макоры.

— Макора был прав, — сказал Гендрик, подъехав к Виллему и Гансу. — Не надо было уходить оттуда. Там мы могли устоять против этих матабили. Зря мы ушли.

Пока они рассказывали Макоре, что впереди появились вооруженные люди, прибежали разведчики и донесли, что с тыла быстро подходит большой отряд матабили.

На минуту в душе Ганса, Гендрика и Аренда шевельнулась мысль: быть может, не стоит так уж строго судить вчерашних торговцев за то, что они поспешили убраться подальше от опасности. Жизнь, как видно, была им слишком дорога, чтобы отказываться от нее по доброй воле.

Все заветные мечты и давно лелеянные надежды вспомнились нашим искателям приключений. Невольно они подумали, что не худо бы и им спастись. Но в них было слишком сильно чувство чести, они и помыслить не могли о том, чтобы бросить на произвол судьбы отважное племя макололо, — ведь охотники, сами того не желая, оказались виновниками их несчастья.

Все они посмотрели на Виллема. Уж он-то ни в коем случае не покинет доблестного вождя, которому они столь многим обязаны, не покинет даже для спасения собственной жизни! И они больше не колебались. Судьба Макоры будет их судьбой.

Они попросили вождя отдать племени приказ остановиться, и он издал клич, который, наверно, был слышен на милю окрест. Ему откликнулись идущие впереди, те, кто погонял стадо; и среди множества голосов прозвучал один, который все узнали с безмерной радостью.

Этот голос донесся издалека, невнятно, но, услышав его, макололо стали в восторге прыгать и скакать как сумасшедшие, и многие закричали:

— Синдо! Синдо!

Люди Макоры устремились вперед, все ускоряя шаг, и через несколько минут повстречались с большим отрядом воинов макололо, которые порадовали их вестью, что следом подходят новые подкрепления.

Синдо и его товарищи успешно выполнили свою миссию.

Случилось так, что в эти критические для Макоры дни Ма-Мочисане как раз посетила свои южные владения, и с нею было множество воинов из разных подвластных ей племен.

Она не забыла Макору, он был другом ее детства. Желание помочь Макоре подкреплялось еще и давней ненавистью к племени матабили, и, не теряя ни минуты, Ма-Мочисане послала Макоре на выручку отряд лучших своих воинов. Они подросли как раз вовремя. Приди они двумя часами позже, и им пришлось бы вступить в бой с врагом, не успев выбрать удобную для обороны позицию.

И вот, вместо того чтобы встретиться с горсточкой усталых изгнанников, люди Мосиликатсе увидели перед собой большой отряд, полный сил, готовый к любой схватке, — увидели победоносных воинов благородного Себитуане.

Воины Мосиликатсе поняли, что лишь одно может спасти их от позора: надо немедленно переменить тактику. Они решили сейчас же сразиться с противником.

И они ринулись на макололо, но были отброшены.

После короткой стычки они были разбиты наголову и отступили так поспешно и беспорядочно, что ясно стало: они уже не вернуться.

С той поры охотники никогда больше не слышали про матабили.

А через три дня Макора представил своих друзей ко двору Ма-Мочисане и сам присягнул в верности своей новой повелительнице.

Соплеменники с радостью приняли вождя, который вернулся на родину после долгого изгнания, да притом ускользнул от своих преследователей — матабили.

Глава 38. РАЗГОВОР О РОДНОМ ДОМЕ

— У меня к вам покорнейшая просьба, — сказал Гендрик своим друзьям на другой день после того, как охотники были представлены ко двору Ма-Мочисане.

— Я хотел бы кое-что узнать, да только может ли кто-либо из вас мне ответить?

— Превосходно! — отозвался Виллем. — Что до меня, я охотно сделаю все, что в моих силах, чтобы просветить тебя. Что ты хочешь знать?

— Если мы собираемся еще остаться в этой части света, я хотел бы, чтобы кто-нибудь растолковал мне, чего ради мы это делаем, — сказал Гендрик. — Я вполне могу вернуться домой.

— Я тоже, — поддержал Аренд.

— И я, — прибавил Ганс. — Хватит с меня охоты за жирафами и за кем угодно. В последний месяц мне все порядком надоело. За нами тоже достаточно поохотились.

— Мне грустно это слышать, — сказал Виллем. — Я-то пока не могу вернуться домой. Разве мы уже добились того, ради чего сюда приехали?

— Нет, — заметил Гендрик. — И, конечно, никогда не добьемся.

— Почему ты так думаешь? — удивился Виллем.

— А почему бы мне думать иначе? Начать с того, что, как правило, людям удается осуществить далеко не все свои желания. Нам очень повезло в двух наших прежних путешествиях, и грех жаловаться, если на сей раз не повезет. Нельзя же всегда рассчитывать на победу. Счастье капризно, и сейчас я больше всего на свете хочу благополучно добраться до дому.

— Нет, мне еще рано ехать домой, — возразил Виллем таким тоном, что друзья поняли, насколько твердо его решение. — Мы провели здесь всего несколько недель, но за это короткое время добыли много клыков бегемота, а жирафов мы пытались поймать только один раз. Но не для того я проехал больше тысячи миль, чтобы бросить все дело после первой же неудачи. Зачем мы сюда приехали? От Грааф-Реннета до Лимпопо не такой близкий путь, чтобы проделать его понапрасну. Надо привезти добычу и показать, что не зря мы потратили время и лишились лошадей. Вот если нам еще раз пять не повезет, тогда можно будет говорить о возвращении, а раньше я и слушать не стану.

Гендрик и Аренд подумали о том, сколько раз за последние недели жизнь их висела на волоске, но, пожалуй, еще больше они думали о своих невестах. Ганс не мог забыть о желанной поездке в Европу. Но все эти доводы не подействовали бы на Виллема, будь они даже высказаны вслух. Он поехал на север за двумя молодыми жирафами. На эту поездку были потрачены время и деньги, и спутники Виллема не могли сколько-нибудь убедительно объяснить, почему надо отказаться от дальнейших попыток довести дело до конца.

Виллем всегда охотно уступал желаниям друзей. В мелочах он никогда им не противоречил. Но теперь они не могли с ним сладить. Ни Ганс, ни Гендрик, ни Аренд не могли вернуться домой, бросив Виллема, а он, по выражению Гендрика, уперся, как осел, и волей-неволей им тоже пришлось остаться.

От макололо они узнали, что к западу отсюда, на расстоянии дня пути, есть большой акациевый лес, где не раз видели жирафов, и решили побывать там.

Макора вошел в милость при дворе Ма-Мочисане и не мог сопровождать охотников, так как он был очень занят устройством своего племени на новом месте. Но он уверял, что им нечего опасаться — они несомненно найдут в том лесу и жирафов, и подходящее место для новой западни. В помощниках у них тоже недостатка не будет.

Чтобы они всегда могли без труда передать ему любое известие, Макора послал с ними четверых лучших своих гонцов — двоих из них охотники пришлют к нему, если захотят сообщить что-либо важное.

С истинным удовольствием Виллем и его товарищи снова пустились в путь — ведь теперь они не бежали от злобного врага, а только расставались с друзьями, с которыми, наверно, еще встретятся.

Во время путешествия Гендрик и Аренд, увлеченные охотой, порой забывали о том, что манило их домой, но им столько раз приходилось удирать от погони, нередко рискуя при

этом жизнью, что неудивительно, если мысли их то и дело обращались к мирным картинам цивилизованной жизни.

Черныш был в восторге оттого, что они расстаются с макололо. В последние дни он очень горевал, что ему приходится быть в столь дурном обществе, — во всяком случае, уверял, что горюет. Что он думал на самом деле, неизвестно, да и не так уж важно; но он не упускал случая повторить, что все несчастья постигли его хозяев лишь потому, что вел их Конго и окружало их племя, чей язык Конго понимал, а он, Черныш, не понимал. Уж конечно, этого довольно, чтобы с ними случилась любая беда. А теперь они расстались с этим племенем, и Черныш — один из десяти путников, но не один среди сотен. У него есть свои обязанности, и они дают ему определенное положение в этом маленьком отряде. Теперь к его сетованиям или советам прислушиваются, и он стал вслух выражать надежду, что с его помощью охотники еще добьются успеха.

По дороге к акациевому лесу не случилось ничего интересного даже с Гансом, который все время отставал от других, разглядывая каждый кустик и каждую травку. Лишь одно маленькое происшествие, видимо, очень заинтересовало собак.

Проходя мимо холма или даже скорей невысокой горы, охотники увидели стадо капских собакоголовых обезьян — бабуинов, спускавшихся с вершины, вероятно, на водопой. Охотники не раз слышали, что собаки ненавидят бабуинов, как никакого другого зверя на свете, и теперь воочию убедились, что это истинная правда. Из всех собак лишь одна встречала прежде бабуинов; и, однако, заметив их, все собаки тотчас пришли в самую неистовую ярость, на какую только были способны. Со злобным лаем они разом кинулись на бабуинов. Как видно, в собаках жила инстинктивная ненависть к животным, которые с виду немного походили на них самих.

— Скачите скорей, — крикнул спутникам Виллем, — не то собаки погибли!

До этой минуты бабуины не собирались отступать. Как видно, они думали, что проще подраться с собаками, чем снова взбираться на гору; но стоило Виллему выстрелить, и они разбежались с такой быстротой, что собакам нечего было даже и пытаться догнать их.

Остался только один бабуин — тот, которого подстрелил Виллем. На раненого тотчас накинулись собаки — их не удалось отогнать, пока они не разорвали уродливую обезьяну в клочки.

Глава 39. СРЕДИ АКАЦИЙ

Теперь охотники были поглощены одной мыслью — поймать жирафов. Даже рыкание льва возле самого лагеря не отвлекло бы их от этой мысли. И появившись тут слон с тяжелыми бивнями, они не соблазнились бы драгоценной костью и не погнались бы за ним. Все прониклись важностью задачи: домой они вернутся не раньше, чем выполнят ее, и ничто не заставит их отказаться от этого намерения.

Подле акациевой рощи, где им предстояло охотиться, протекал небольшой ручей. На его берегах они обнаружили вскоре следы жирафов, а среди них и маленькие — по-видимому, отпечатки копыт детенышей. Виллем был в приподнятом настроении. Ему представлялась новая возможность удовлетворить свое охотничье честолюбие. Остальные, хотя и не столь уверенные в успехе, не менее страстно желали достичь цели.

На следующий же день, когда они прибыли к роще, среди деревьев показалось стадо жирафов и направилось к ручью.

Пугливые животные не подозревали о близости человека и заметили, охотников только тогда, когда очутились ярдах в ста пятидесяти от них. Тотчас повернув назад, жирафы неуклюжими, но быстрыми скачками понеслись по равнине на запад, прочь от рощи. Гендрика и Аренда, готовых ринуться за ними, с трудом удержали на месте.

Это была бы удивительно волнующая охота; не так легко им было совладать с собою и спокойно смотреть, как жирафы исчезают, несясь по равнине.

Сдержал друзей Виллем.

— Разве вы не видите, что в стаде три детеныша? — сказал он. — Их жилье, вероятнее всего, тут, в роще. Разве можно спугивать их отсюда!

— За ними уже охотились, — заметил Гендрик. — В боку у одного из них торчит стрела. Наверно, какой-нибудь туземец стрелял в него просто для забавы — ведь жирафа стрелой все равно не убить.

— Вот жалость, что они нас заметили! — сказал Виллем. — Но, может быть, они все-таки вернуться в рощу. Надо проверить, действительно ли здесь их излюбленное убежище, а тогда мы пошлем к Макоре за людьми, и они соорудят новую западню. Пожалуй, это единственный способ заполучить жирафов. Прошел еще день. Охотники развлекались, убивая куда больше антилоп и другой дичи, чем им нужно было на обед и на ужин. Жирафы больше не показывались, а наутро охотники пошли по следам тех, которых видели накануне.

Милях в пятнадцати дальше на запад они обнаружили еще один акациевый лесок; объехав его вокруг, друзья наткнулись на небольшое озерце. Берега его истоптали жирафы, и среди отпечатков их копыт были заметны совсем маленькие. Следы, конечно, свежие, и их несомненно оставили те самые жирафы, которых наши путешественники видели три дня назад. Из этого они заключили, что стадо появляется в обеих рощах.

— Теперь мы знаем все, что нужно, — сказал Виллем. — Надо сейчас же послать к Макоре за помощью и сделать новую западню.

Все с ним согласились. Но тут возник вопрос: где устраивать ловушку?

— По-моему, можно у той рощи, где мы видели жирафов первый раз, — предложил Гендрик, — мы их легко туда загоним.

Против этого трудно было возразить, и план Гендрика был принят.

Утром охотники послали двоих макололо к Макоре за обещанной помощью, а сами вместе с остальными спутниками вернулись в рощу, где останавливались вначале, и разбили там лагерь.

В тот день, когда ждали людей Макоры, Гендрик и Аренд отправились берегом вверх по реке искать какой-нибудь дичи. Ими двигало непостижимое, чисто охотничье желание убивать — им не спалось бы ночью, если бы днем они не уложили какого-нибудь зверя.

Они добрались до опушки густого леса. Тут росли акация и вечнозеленый кустарник — стрелиция, замия и масляное дерево. Вдруг послышался треск ломающихся сучьев — сквозь чащу продирался какой-то крупный зверь.

— Приготовься, Аренд! Может, что-нибудь подстрелим! — крикнул Гендрик.

Оба остановили лошадей, дожидаясь, что будет дальше. Не прошло и нескольких секунд, как из лесу выскочили два жирафа. На спине у одного из них сидел леопард. Грудь жирафа была вся в крови, и он бежал, спотыкаясь на каждом шагу.

Молодые охотники знали, что леопард труслив и в тех местах, где дичь водится в изобилии, легко находит добычу, не подвергая себя риску. Значит, он напал на жирафа вовсе не потому, что хотел есть. Может быть, жирафы потревожили его детенышей в логове или чем-либо другим рассердили его. Второй жираф, очутившись на открытом месте, мгновенно покинул раненого, а тот явно уже терял силы. Кровь ручьем лилась из разорванной шеи, и громадное животное изнемогало от ран, нанесенных ему свирепым, увертливым врагом. Охотники наблюдали единственную в своем роде сцену: леопард убивал жирафа. Обстоятельства сложились благоприятно для хищника, и, хоть он был вдесятеро слабее и меньше огромного жирафа, случайно вызвавшего его гнев, того ждала гибель.

Сопровождавшие охотников две собаки, не обращая внимания на окрики хозяев, тоже набросились на несчастное животное. С громким лаем помчались они за жирафом, стараясь вцепиться ему в ноги. Пошатываясь, жираф лягнул одну из собак — лягнул без промаха и с такой силой, что пес отлетел на несколько футов и остался лежать, корчась в агонии. После такого усилия раненый жираф потерял равновесие; голова его свесилась набок, и он рухнул на землю, придавив своей тяжестью леопарда. Так, подобно Самсону, леопард оказался виновником собственной гибели!

Гендрик передал поводья Аренду, подошел поближе к леопарду и выстрелом в голову

положил конец его пронзительному вою.

Вскоре вместе с кровью, выпущенной из его вен хищным зверем, жизнь покинула и жирафа. Стоя возле обоих трупов, охотники пытались найти объяснение удивительному зрелищу, свидетелями которого они оказались. Они как-то слышали про жирафа, который пробежал несколько миль, неся на спине льва, но считали эту историю вымыслом. И вот они увидели собственными глазами, как леопард тоже проскакал немалое расстояние верхом на жирафе. Почему бы такое не могло случиться и со львом? Хотя кожа на шее у жирафа очень толстая, она была растерзана в клочья и свисала у него по плечам. Конечно, леопард не раз вонзал в тело жирафа свои длинные клыки и когти; он разорвал его артерии и вены еще до того, как жираф окончательно изнемог и жизнь его покинула.

Для того чтобы так его изранить, нужно было по крайней мере несколько минут, и, возможно, безжалостный враг даже не сознавал, что его уносят все дальше от места, где он напал на жирафа. В пылу своей лютой ярости он и не заметил, как жираф увлек его далеко от детенышей, которых он с таким упорством защищал, и смерть помешала ему обнаружить это.

Глава 40. ЕЩЕ ОДНО РАЗОЧАРОВАНИЕ

Макора выполнил обещание и снова помог охотникам. Через три дня после того, как отбыли посланные к нему маколло, пришли тридцать его людей. Место для западни выбрали в полумиле от опушки леса и тут же принялись ее сооружать.

Охотникам не терпелось узнать, чем кончится вторая попытка поймать жирафов, и они трудились без устали. Двое из них, не выпуская из рук топора, валили небольшие деревья; туземцы тут же уносили их на место, где строился загон, а остальные два охотника руководили устройством изгородей. На этот раз соорудить западню было легче, так как для нее выбрали более удобное место. Изгороди предполагалось поставить чуть позади, по обе стороны акациевой рощи, которая имела не больше полумили в ширину; да и яму рыли не такую большую, как раньше. Работая без передышки от восхода до захода солнца, они сделали западню дней за семь.

Пока охотники трудились, они видели неподалеку от рощи несколько жирафов и снова воспрянули духом. Теперь они надеялись дня через два или три тронуться в обратный путь. Чтобы обеспечить верный успех, охотники вместе с большой группой маколло отправились во вторую акациевую рощу. Они хотели перегнать жирафов из этого леса в тот, где сооружалась западня. Во время этой вылазки охотникам не встретилось ни одного жирафа, но их это не смутило: жирафы окажутся там, где их ждут. И в надежде на такой исход они поспешно возвратились в лагерь.

Загоняли жирафов в западню тем же способом, что и в прошлый раз. Это была обычная облава, в которой все приняли участие. Маколло, стараясь поднять как можно больше шума, шли с собаками через заросли; тем временем Виллем и Гендрик ехали по одну сторону леса, а Ганс и Аренд — по другую.

Загонщики были уже совсем близко от западни, когда Виллем начал подозревать неладное. Не видать было ни единого стада крупных зверей, убегающих из рощи. До ушей не доносилось треска ломающихся сучьев. Казалось, лес покинули все, кроме маколло, которые шумно прокладывали себе путь под его сенью. Наконец облава кончилась. В загоне оказалось лишь несколько мелких обыкновенных антилоп, два-три пятнистых гну да несколько диких свиней.

Охотники были жестоко разочарованы. Жирафы ушли, и никто не знал, куда. Возможно, они и вернуться, но можно ли быть в этом уверенным! Те из маколло, кто считал себя знатоками жирафов и их повадок, заверяли, что жирафы перекочевали далеко на юг, в большие леса, и в этих местах их теперь полгода не увидишь. Маколло жаждали скорее вернуться домой, и, может, это оказало на них влияние. Им надо было заботиться о семьях, строить хижины и обрабатывать землю, но, подчиняясь приказу своего вождя, они бросили

все. Охотники не имели больше оснований задерживать их, и, хотя им этого не хотелось, все же пришлось отпустить макололо.

В последующие три дня охотники объездили окрестности миль на двадцать вокруг. Они натолкнулись на несколько небольших акациевых рощиц, но жирафов там не было. Очевидно, они и в самом деле ушли из этого края и не вернутся в течение многих недель и даже месяцев. Макололо, по-видимому, сказали правду.

— Может, мы поступали не так глупо, — сказал Аренд, — но, уж конечно, глупо и дальше тратить зря время на этих жирафов — ясно, что нам не судьба их поймать.

— Вот это умно! — воскликнул Гендрик. — Продолжай в том же духе.

— Пока что я все сказал, — ответил Аренд, многозначительно покачав головой в знак того, что все уже ясно и говорить больше не о чем.

— Что же нам делать, Ганс? — спросил Виллем.

— Отправиться домой, — тотчас последовал ответ. — Теперь я согласен с Гендриком. Не можем мы всегда и во всем рассчитывать на успех, а сейчас мы тратим время зря — ведь видно, что эта затея обречена на неудачу.

— Что ж, — сказал Виллем, — только сначала вернемся в те места, где живут макололо. Ведь это нам по пути.

Заметив, что Черныш жаждет высказать свое мнение по этому важному вопросу, Гендрик любезно предоставил ему эту возможность. Бушмен обладал довольно распространенным даром: разразившись потоком слов, сказать очень мало. На этот раз ему удалось удовлетворить свое тщеславие — охотники ужинали, и у них было вдоволь времени слушать его разглагольствования.

По мнению Черныша, неудача постигла их исключительно по вине Конго. Он-то, Черныш, с самого начала знал, что нельзя рассчитывать на успех, пока их ведет Конго или кто другой из любого негритянского племени, чей язык понятен кафру.

Дальше Черныш сообщил, что в детстве ему каждый день приходилось видеть жирафов, и окажись сейчас охотники среди его соотечественников, бушменов, — а это, по его мнению, самые честные и умные из африканцев, — они давно уже поймали бы жирафов. Слова Черныша вызвали лишь улыбку у охотников — они знали, что бушмены, пожалуй, наиболее отсталое из всех африканских племен, — однако сам он счел это за признание его красноречия и был, видимо, вполне доволен.

Охотники отправились в новое селение Макоры. Вождь очень сожалел, что экспедицию постигла неудача, но он не мог обнадежить Виллема: нет, в ближайшее время им вряд ли представится случай найти жирафов. Они, говорил Макора, часто кочуют с места на место, идут не останавливаясь по несколько дней подряд, делая по тридцать — сорок миль за день. Стадо, где есть детеныши, иной раз месяцами не встретишь во всей округе. И, однако, Макора обещал, что он со своим племенем станет и дальше помогать им чем только сможет.

Виллем не прочь был остаться, чтобы соорудить новую западную, но его спутники в один голос потребовали, чтобы отправиться домой не откладывая. Они так горячились, что великану-охотнику пришлось подчиниться. В конце концов решили все же двинуться в Грааф-Рейнет не прямым путем, а через страну бечуанов — пересечь край, где живут бушмены. А там можно, свернув на восток, направиться домой.

Виллем дал слово, что не станет без необходимости задерживаться в пути, а его спутники обещали, не жалея усилий, помогать ему осуществить заветную мечту.

В племени Макоры было четверо юношей, которым очень хотелось побывать в селениях белых и узнать о том, как живут цивилизованные люди, больше, чем они знали из случайных встреч с охотниками или торговцами. Соплеменники снабдили юношей упряжкой быков, дали леопардовые шкуры, страусовые перья и слоновую кость — все, что можно продать белым. Макора велел им во всем помогать его другу Виллему и остальным охотникам.

Вождь и другие знатные люди племени провожали охотников несколько миль от деревни. Расставаясь с ними, путешественники почувствовали, что покидают искренних

друзей.

И Макара и Синдо очень горевали, прощаясь с Виллемом. Оба заявили, что обязаны ему жизнью. Оба дали обещание когда-нибудь его навестить в его далеком доме. Охотники отправились дальше, глубоко убежденные, что среди макололо есть люди, обладающие едва ли не всеми благородными чертами, свойственными человеческой природе.

Глава 41. СТАДО БУЙВОЛОВ

На обратном пути к Грааф-Рейнету Ганс, Гендрик и Аренд были очень довольны и собой и всеми окружающими. Совсем не так чувствовал себя Виллем. Он ехал с остальными лишь потому, что все еще надеялся натолкнуться на жирафов; но все время его тревожила мысль: неужели они приедут домой, не приведя двух детенышей?

Он не был склонен спешить и не упускал случая замешкаться, охотясь за дичью ради забавы или для еды.

Утром третьего дня после разлуки с Макорой наши путешественники увидели большое стадо буйволов. Буйволы паслись у подножия холма, возвышавшегося на полмили в стороне от пути, которого держались охотники. В одно мгновение Виллем был уже в седле и скакал к буйволам. Спутникам не очень-то хотелось следовать за ним.

— Опять на целый день задержимся! — воскликнул Аренд. — Виллем убьет буйвола и не успокоится, пока мы не сделаем привал, чтобы съесть этого буйвола.

— Ну конечно, — заметил Гендрик. — Но почему он один должен получить удовольствие от охоты?

Гендрик и Аренд, вскочив на коней, поскакали за Виллемом, а следом за ними верхом на быках — двое из макололо. Терпеливый, рассудительный Ганс остался ждать их возвращения.

Не желая испугать буйволов внезапным нападением, Виллем поехал в обход, чтобы оказаться впереди стада, и Аренд с Гендриком вскоре догнали его.

Буйволы — их было не меньше двухсот — двигались в одном направлении и очень медленно, так как на ходу щипали траву.

Когда охотники приблизились к ним ярдов на триста, буйволы на минуту подняли головы, поглядели на странные существа, помешавшие их трапезе, и опять склонили головы, продолжая пастись.

Вожак стада пока не подавал сигнала к бегству.

— Поедем дальше влево и обойдем их, — предложил Виллем. — Если какой-нибудь старик нападет на нас, ускачем на холм.

Когда охотники подъехали к подножию холма и были шагах в ста от стада, несколько буйволов повернулись к ним и встали, преградив дорогу врагу, словно приготовившись прикрыть отступление самок и детенышей.

Сидя на коне, редко удается сделать удачный выстрел. Охотники знали это и спешили; каждый избрал себе жертву и, тщательно прицелившись, выстрелил. Три выстрела грянули почти одновременно, после чего охотники бросились к своим лошадям. Раненые буйволы вырвались из стада и свирепо ринулись на своих противников. Увидев, что на них мчатся буйволы, испуганные лошади принялись метаться, вставать на дыбы, и сесть на них оказалось совсем не просто. Гендрик и Аренд все же вскочили в седла, но Виллему это не удалось.

Лошадь, на которой он не раз приближался чуть ли не вплотную к разъяренному слону, совсем обезумела от страха, услышав рев раненых буйволов. И когда они неожиданно ринулись вперед, лошадь стала вырываться из рук хозяина. Казалось, чем крепче Виллем ее держал, тем отчаяннее она сопротивлялась; невзирая на огромную физическую силу охотника, она тащила его на поводьях, пока один конец не лопнул. Второй конец лошадь так стремительно выдернула из руки Виллема, что он рассек ему пальцы чуть ли не до кости. А в это время один из буйволов оказался уже совсем близко. Хоть и настоящий великан, Виллем

вовсе не был медлителен и неуклюж; наоборот, он отличался большим проворством. Но где ему было убежать от африканского буйвола!

Разъяренное животное напало так стремительно, что бык, на котором ехал один из макололо, не успел посторониться, и седок поспешно соскочил с него. Это было счастьем для Виллема — злополучный бык спас ему жизнь. Кинувшись к быку, буйвол вонзил ему между ребрами длинный рог, скинул с его спины седло и свалил его на землю; тот остался недвижим, словно сраженный топором мясника.

А тут внимание буйвола было снова отвлечено от Виллема — на него набросились собаки.

Три или четыре пса упрямо нападали на него, ловко увертываясь от рогов и копыт, пока наконец буйвол не сшиб одну из собак, пытавшуюся вцепиться ему в морду, и не наступил на нее копытом.

Те, кто видел эту сцену, воочию убедились в мстительности африканского буйвола. Не довольствуясь тем, что он убил собаку, он встал на ее труп и яростно придавил его, словно решил переломать жертве все кости. Казалось его злит, что он не может сокрушить собаку сразу и копытами и рогами.

А тем временем Виллем успел перезарядить свой громобой. Буйвол повернулся, чтобы погнаться за охотником, но пуля свалила его. Взревев так, что воздух задрожал на милю вокруг, буйвол поднялся, шагнул, шатаясь, раз, другой и упал на землю, чтобы больше уже не встать. Он был тяжело ранен первым же выстрелом, и трава кругом на большом расстоянии была забрызгана его кровью.

Нападению подвергся не только Виллем. Аренд и Гендрик были также вынуждены отступить — за каждым из них гнались по два буйвола. Но, к счастью, холм был совсем рядом, всадники пустили в ход шпоры и хлыст, и лошади во весь опор поскакали вверх.

Тяжелый буйвол не в состоянии быстро бежать в гору, хотя, спускаясь вниз, он может обогнать коня. Буйволы, которые, преследовали охотников, вскоре убедились в безнадежности погони и, оставив добычу победителям, пустились догонять стадо, уходившее по раскинувшейся внизу равнине. Так, во всяком случае, подумали охотники. Скоро они увидели, что ошиблись: четыре буйвола неожиданно свернули в сторону и бросились к пятому, который был ранен и плелся далеко позади. То, что произошло дальше, чрезвычайно удивило охотников. Вместо того чтобы попытаться защитить своего товарища, эти четыре буйвола кинулись на него, сбили с ног и стали бодать его рогами. Жестокая расправа прекратилась лишь тогда, когда несчастное животное испустило дух.

Казалось, буйволы действовали так не в пылу ярости, а в силу какого-то непонятного инстинкта. Это нападение на беззащитного товарища было ужасно. Но, увы, разве так не случается и среди людей! В несчастье друг нередко становится врагом.

Разделавшись со своим раненым товарищем, четыре буйвола побежали дальше и вскоре догнали стадо, для защиты которого они задержались.

Буйвол, застреленный Виллемом, был самым крупным из всех убитых нашими охотниками. Любопытства ради они записали его размеры. Он был восьми футов в длину и почти шести футов ростом, считая до верхушки плеч. Расстояние между концами его длинных рогов равнялось пяти футам трем дюймам. Плечо и часть шеи перерезал широкий шрам длиной больше чем в два фута. Шрам был глубокий и потому заметен в густой шерсти, а шерсть темная — знак того, что буйвол не старый. Рану, оставившую такой рубец, нанес лев. Охотники поняли это, увидев три параллельных шрама на плече буйвола — несомненный след когтей льва.

Вырезав из туши обоих убитых буйволов несколько самых лакомых кусков и привязав их позади седел, чтобы увезти с собой, путешественники устроили короткий привал, подкрепились бифштексом из свежего мяса и отправились дальше.

Глава 42. ОТРАВЛЕННЫЙ ИСТОЧНИК

К вечеру восьмого дня, после того как охотники расстались с Макорой, они разбили лагерь на берегу небольшой речки, протекавшей, по их расчетам, милях в ста двадцати южнее места, откуда они пустились в обратный путь.

В душе Виллема все еще тлела надежда, что по дороге им снова попадутся жирафы, и он не упускал случая их искать.

Спутники были недовольны этими проволочками; однако Виллем поступал, как ему хотелось: он так обезоруживал своим добродушием, что трудно было ему перечить, и его друзьям оставалось только удовлетворяться сознанием, что они хоть и медленно, а все же движутся к дому.

Проснувшись утром в своем новом лагере, они увидели картину, прекраснее которой не видели во время своего путешествия по этой огромной стране. Поблизости раскинулась целая роща олеандровых кустов, осыпанных чудесными розовыми цветами. На каждой ветке сидели прелестные зеленые птички-нектарницы. Ничто в природе не может сравниться с великолепием оперения этих птиц.

Небольшая долина, где остановились охотники, была словно уголок рая, залитый золотом солнечного света; даже быки, на которых ехали макололо, казалось, покидали его с неохотой.

Путешественники двинулись отсюда по руслу и вскоре заметили, что едут они не берегом ручья — сейчас, в засушливые месяцы, он превращался в цепь маленьких озер. Охотники пересекли песчаный нанос меж двух таких водоемов, как вдруг с той стороны, куда они направлялись, ветер обдал их каким-то ужасным зловонием. Они продолжали путь, но вонь стала такой нестерпимой, что им пришлось остановиться; единодушно решили повернуть на восток и двигаться против ветра, чтобы не слышать этого ужасного, все еще непонятного им запаха.

Но тут они заметили, что на западе носятся в небе целыми стаями стервятники, а по равнине рыщут сотни шакалов и гиен. Охотникам хотелось понять, почему здесь скопилось столько пожирателей падали. Они подъехали ближе и увидели трупы антилоп — их было множество, они попадались через каждые несколько шагов. Чем дальше ехали наши друзья по равнине, тем больше было трупов; казалось, охотники попали в долину смерти и им уже не выбраться отсюда. Но загадку — а это было для них загадкой — тут же объяснили макололо и Конго. Антилопы напились воды в озерке или в роднике, отравленном туземцами; это означало, что охотники очутились поблизости от какого-либо племени бечуанов. Путешественникам не раз доводилось слышать об этом способе бессмысленного истребления дичи, применяемом многими африканскими племенами. Следовательно, многочисленные рассказы о массовом уничтожении диких зверей ядом, рассказы, к которым они относились с недоверием, — правда. На площади чуть ли не в квадратную милю валялось до двухсот дохлых антилоп. В цепи водоемов, у которых охотники сделали привал, какой-то один был отравлен. К нему пришло напиться стадо антилоп, и, выбравшись на берег, все они свалились мертвые.

— Нам очень повезло, — заметил Виллем, — ведь мы могли разбить лагерь у отравленного источника, и тогда мы пошли бы на обед гиенам и шакалам, вот как эти антилопы.

Конго с ним не согласился: люди вряд ли могут выпить так много воды, чтобы отравиться и умереть: но вот их быки и лошади, утолив жажду в этом водоеме, погибли бы непременно.

Ради того, чтобы раздобыть себе в пищу двух-трех антилоп, не приложив труда, бечуаны уничтожали целое стадо. Так неблагоприятно и неэкономно поступают обычно счастливицы, живущие в краю, где слишком много дичи. Теперь даже Виллем готов был ехать скорее, только бы не видеть больше этой отвратительной картины.

Зная, что они находятся в стране бечуанов, макололо стали опасаться за своих быков. Бечуаны, говорили они, могут украсть скот, а то и попросту отнять силой. Однако охотники считали эти опасения слишком лестными для бечуанов. Они судили об этом

многочисленном племени понаслышке и полагали, что бечуанов бояться нечего — слишком они трусливы и беспечны.

Утром охотники двинулись дальше, как вдруг Аренд, ехавший впереди, осадил коня и крикнул:

— Смотрите, вон крааль и маисовое поле!

Виллем и Гендрик поскакали вперед и убедились, что Аренд не ошибся.

В ту же минуту Виллем заметил и нечто другое, что было ему куда интереснее, чем деревня бечуанов и все их достояние. По равнине к маисовому полю шагали два громадных слона.

— Подкрадемся к ним незаметно, — предложил охотник. — Всем идти незачем. Хватит двоих или троих. Кто-нибудь пусть останется здесь.

С этими словами Виллем ускакал, а за ним и Гендрик с Арендом.

Ганс решил остаться. С ним вместе остался и Черныш. Конго и макололо охраняли быков и вьючных лошадей. Итак, сейчас они все увидят интересное зрелище! Казалось, ничто не могло помешать охотникам подкрасться к слонам и сделать удачный выстрел, а раненый слон редко спасается бегством. Один из слонов... может быть, даже оба будут убиты.

— Если бы мы не подоспели, — говорил в это время Виллем ехавшему рядом с ним Гендрику, — эти слоны вытоптали бы весь маис. Хозяева поля не могли бы спасти его. Они не сумели бы даже прогнать слонов. Вскоре, однако, охотник был выведен из заблуждения.

Глава 43. ВОЛНУЮЩЕЕ СОБЫТИЕ

Слоны шли по узкой тропе, ведущей не то к маисовому полю, не то к видневшемуся за полем селению. Они не спешили; казалось, они шествовали с полным сознанием того, что лакомая пища близко и ее никто у них не отнимет.

— Как только они накинутся на маис, они наши, — сказал Гендрик. — Они нас не заметят, и мы уложим их на месте.

Вдруг слон, который шел первым, провалился сквозь землю! Второй на минуту остановился, как бы раздумывая, куда же девался его товарищ, потом повернулся и, осторожно ступая, направился обратно.

— Яма! — воскликнул Гендрик. — Слон упал в яму!

— Вперед, вперед! — крикнул Виллем, прищпоривая своего огромного коня. — Убьем второго!

Гендрик и Аренд поскакали за ним.

Отступающий слон, по-видимому, не спешил избежать встречи с охотниками и спокойно шел своей дорогой. Когда охотники подъехали к слону ярдов на сто, он громко затрубил и кинулся к ним. Но они ждали нападения и приготовились отразить его. Виллем мгновенно вскинул свой громовой и выстрелил.

Одновременно с гулким выстрелом Виллема затрещали ружья его спутников. Гендрик и Аренд круто повернули коней вправо, Виллем — влево, и громадина слон промчался между ними.

На мгновение он остановился в нерешительности: за кем погнаться раньше? Если бы все трое поскакали в одну сторону, слон не медлил бы ни секунды и, возможно, догнал бы одного из них. Теперь же секунда передышки позволила охотникам составить план действий и выиграть расстояние.

— Яма, яма! — крикнул Гендрик. — Скачите к яме!

Виллем и Аренд тотчас поняли его.

Слон повернулся и, увидев, в какую сторону они поскакали, последовал за ними; однако теперь он замедлил шаг, будто еще не решил, стоит ли ему догонять их. И тут раздался громкий рев — полный муки и отчаяния крик второго слона. Он доносился из ямы.

Слон, гнавшийся за охотниками, сразу остановился. Горестные крики товарища

пробудили в нем иное чувство, чем жажда мести. Его охватил страх — и, как видно, страх возвратил ему способность соображать: слон повернул назад и тем самым избежал участи, которая постигла его товарища. Отступая, он, казалось, мчался по следам, только что оставленным лошадьми, словно инстинкт ему подсказывал, что так он не угодит ни в какую ловушку, если даже их понарыли по всей равнине.

— За ним! Вдогонку! — крикнул Аренд. — Ганс в опасности!

Охотники быстро перезарядили ружья и во весь опор помчались за слоном.

Ганс и его спутники-туземцы не были равнодушными зрителями только что разыгравшейся сцены, и теперь они поняли, что им предстоит самим стать участниками подобного же представления. Слон стремительно несся в их сторону, и у каждого мелькнула мысль: бежать.

Но они тотчас от нее отказались.

Во что бы то ни стало надо уберечь вьючных лошадей! И молодой ботаник, поручив их Чернышу и Конго, выехал навстречу врагу.

Под ним был конь, который и двух секунд не простоял бы спокойно на месте,

— а ведь от точности прицела, возможно, зависит его жизнь, — и Ганс спешил.

Лошадь, освободившись от всадника, поскакала прочь. Раненый слон, который был всего в каких-нибудь пятидесяти шагах, бросился за нею, по-видимому, не заметив врага, которого ему следовало больше всего опасаться.

Гансу это было на руку, и он не упустил случая: как только слон ринулся вперед, молодой охотник, тщательно прицелившись, выстрелил ему в грудь. Разъяренный зверь дрогнул и оглушительно заревел.

Тем временем лошади, оставленные на попечение Черныша и Конго, вырвались от них и разбежались. Слон сделал несколько крупных шагов — и вот его бивни уже грозят лошади Конго, попавшейся ему на пути. Еще мгновение — и конь подброшен в воздух; пролетев на добрых шесть-восемь футов над слоном, он со всего маху упал на землю. Однако Конго успел соскочить с седла и остался цел и невредим.

Лошадь убита — но на это ушли последние силы раненого слона.

Собаки нагнали его; он бешено завертелся, стараясь добраться до них, зашатался и тяжело рухнул на землю.

— Я почти уверен, — заметил Гендрик, прискакавший в эту минуту вместе с Виллемом и Арендом, — что собаки воображают, будто именно они свалили слона.

— Тогда они большие дураки, совсем как Конго, — сказал Черныш, раздосадованный тем, что кафр показал себя ловким и смелым и хозяева, конечно, похвалят его.

Конго лишь улыбнулся в ответ. Он снова возбудил ревность своего соперника и был очень доволен.

Упавший слон через несколько минут испустил дух. Это был огромный самец с бивнями длиной более пяти футов; Чернышу поручили их вырезать.

Разумеется, лошадь Конго погибла; и ему дали одну из вьючных лошадей, распределив ее груз между остальными. Вскоре все двинулись дальше.

Гендрику, Виллему и Аренду не терпелось поехать к яме, куда свалился второй слон, — они никогда еще не видели, чтобы таким способом удалось поймать слона.

— Ты остаешься, Ганс, чтобы присмотреть тут за всем, или едешь с нами? — спросил Гендрик.

— Предпочитаю остаться, — ответил невозмутимый Ганс. — Может быть, мне опять достанется львиная доля удовольствия.

— Конго нам придется взять с собой, — заметил Аренд. — У ямы наверняка уже собрались туземцы. Мы видели хижины неподалеку от маисового поля. Должно быть, там большое селение.

— Ты прав... Едем, Конго, — распорядился его хозяин, пришпорив коня.

За ним двинулись все, кроме добродушного Ганса и Черныша, на чью долю обычно выпадал самый тяжелый труд, пока другие развлекались.

Глава 44. ЯМА

Слова «рев», «вой», «крик», «визг», видимо, обозначают различные звуки, однако слон, попавший в яму, от боли и ужаса издал вопль, в котором, казалось, все они слились вместе. Этот вопль все еще потрясал воздух, и путешественники, знакомые чуть ли не со всеми существующими способами охоты на слонов, подумали, что слон, свалившийся в яму, терпит неслыханные муки.

— Наверно, на дне ямы торчит острый кол, — сказал Гендрик, — и слон напоролся на него.

Еще издали они увидели столпившихся возле ямы людей. Тут были и мужчины и женщины. Как только охотники подъехали к ним, навстречу вышел эфиоп и знаками предложил купить бивни слона, все еще ревавшего в яме.

— Этих бояться нечего, — сказал Конго, — они привыкли иметь дело с торговцами и нам худого не сделают. Может, только попробуют обмануть, когда будут называть цену.

Подойдя к яме, охотники увидели, что она вовсе не была квадратной с отвесными стенками и вбитым посередине колом, как предполагал Гендрик. Вверху она была овальной, книзу суживалась, точно перевернутый конус, и на дне не оставалось ровного места, на котором слон мог бы стоять. Его четыре ноги были стиснуты вместе и в таком положении выдерживали всю тяжесть громадного тела; это была адская пытка, ее не вынесло бы ни одно живое существо.

Ловушка, устроенная с дьявольской изобретательностью, чтобы причинить жертве как можно больше мучений, была девяти футов в длину и футов семи или восьми в глубину. Усилия, которые делал слон, чтобы вырваться, приводили только к тому, что его огромные ноги еще больше стискивались и страдания еще увеличивались.

Здесь, совсем близко одна от другой, были вырыты две ямы, и охотники своими глазами убедились, как хитро это придумано. Хотя обе они были тщательно замаскированы и вырытая земля унесена прочь, слон заметил ловушки, но одну из них — слишком поздно. Будь тут только одна яма, слон бы в нее не провалился, так как, поставив ногу на первую, видимо, почувствовал скрытую опасность, но, стараясь ее избежать, неожиданно и неотвратимо попал во вторую яму.

Все стоявшие вокруг туземцы были вооружены дротиками или стрелами, однако никто из них не пытался положить конец мучениям пленника.

Виллем подошел ближе и навел конец длинного ствола своего ружья прямо в глаз слону, но несколько туземцев бросились вперед и помешали ему выстрелить.

Конго, как будто понимавший их язык, сказал Виллему, что еще не время убивать слона.

— Но почему же? — воскликнул Аренд. — Неужели они не убивают слона только потому, что хотят видеть, как он мучается? Его не спасти. Он все равно умрет в яме.

— Я тебе сейчас объясню, в чем дело, — сказал Гендрик. — Они большие любители музыки и собираются держать слона в яме, как птичку в клетке, чтобы насладиться его прекрасным голосом.

У одного из туземцев было ружье, у которого недоставало всего-навсего затвора! Виллем сразу обратил внимание на это ружье; его владелец протянул ружье и знаками просил пулю и пороха, чтобы зарядить. Виллем захотел узнать, как он намерен это сделать, но туземец, покачав своей курчавой головой, чистосердечно признался, что сам не знает.

— Спроси его, зачем он принес сюда ружье, — сказал Виллем, обращаясь к Конго.

Владелец ружья снова признался, что не знает. В толпе началось какое-то оживление — со стороны деревни подходили еще люди. Они сообщили, что сюда идет из крааля вождь, который намерен собственной персоной убить слона. Он недавно приобрел у какого-то торговца ружье и хочет теперь показать восхищенным подданным свое искусство меткого стрелка.

Явился вождь, и охотники увидели, что его ружье — солдатский мушкет, который был далеко не в порядке: настоящий охотник не решился бы из него стрелять.

— Таким оружием, — сказал Гендрик, — слона не прикончить. Вождь скорее пристрелит сам себя или кого-нибудь из своих подданных. Пока слон дождет, чтобы его застрелили из этой штуки, он, пожалуй, умрет с голоду.

Вождь, видимо, очень гордился тем, что у него есть ружье, и ему не терпелось показать своим подданным, как надо убивать слонов. Остановившись шагах в двадцати пяти от ямы, он прицелился в голову животного и выстрелил.

За выстрелом последовал рев, выражавший скорее гнев, чем боль, а на голове слона вскочила небольшая шишка — знак того, что пуля слегка поцарапала кожу.

На то, чтобы перезарядить мушкет, потребовалось минут пять-шесть, потом вождь опять выстрелил, на этот раз с расстояния в пятнадцать шагов. И опять вождь и его люди удивились, что слон все еще жив. Снова шесть-семь минут было затрачено на то, чтобы зарядить ружье, и опять последовал выстрел. Пуля не миновала слона, но об этом можно было догадаться только по громкому, полному бессильной ярости реву.

Теперь к собравшимся у ямы присоединилась новая группа людей. То были Ганс, Черныш и их спутники. Они вырубили бивни своего слона, привязали их ремнями к седлам двух вьючных лошадей и привезли с собой.

— Что у вас тут творится? — спросил Ганс. — Вы что, никак не можете пристрелить этого слона? Я слышал выстрелы.

— Они нам и попробовать не дают, — ответил Виллем. — Вождь хочет убить его из старого мушкета и не разрешает стрелять ни мне, ни вот этому превосходно вооруженному джентльмену, который стоит с ним рядом. — Виллем указал на туземца с ружьем без затвора.

В эту минуту вождь заговорил с Конго. Раздосадованный неудачей, он возымел некоторые сомнения в честности торговца, у которого купил это хваленое ружье. Вождь пожелал сравнить свое разрушительное оружие с каким-нибудь из ружей, принадлежащих охотникам, и предложил Виллему выстрелить в слона,

— Только, баас Виллем, — сказал Конго, переводя слова вождя, — не делайте этого, не стреляйте в слона.

— Почему? — удивился Виллем.

— Вы застрелите его из своего ружья, и они захотят его. Захотят и отберут.

— Что отберут, слона?

— Нет, баас Виллем, ружье, — ответил кафр. Хоть Виллем и не боялся, что у него отнимут ружье, он и его товарищи хотели избежать неприятностей с туземцами, и поэтому предложение вождя было учтиво отклонено. Виллем объяснил свой отказ тем, что не может надеяться на успех там, где сам великий вождь потерпел неудачу.

Теперь всем было предложено участвовать в убийстве слона, и на него напало более десятка людей, вооруженных дротиками и копьями. Чуть не полчаса понадобилось на то, чтобы лишить его жизни; путешественники с негодованием смотрели, как пытаются несчастное животное, — ведь если бы им позволили, они могли бы избавить слона от мучений в несколько секунд. Как истые охотники, они не щадили жизни животных, но в их мучениях не находили удовольствия.

Глава 45. НА ПЛАТО

Убив слона, туземцы принялись за более легкое дело — стали резать тушу на куски и уносить в селение. Ноги предназначались для вождя. В ожидании, пока их отрубят, он удостоил наших путешественников беседы. Охотникам хотелось узнать, посещают ли крааль торговцы — люди, с которыми им не терпелось встретиться; однако Виллему еще больше не терпелось узнать, появлялись ли здесь когда-либо жирафы. Конго в качестве толмача вел переговоры с вождем; оба говорили, вернее — кричали, одновременно, и один не слушал

другого. Голоса становились все громче, и наши любители приключений заметили, что между собеседниками завязался горячий спор, который грозил перейти в нечто более серьезное, чем словесная война.

— Что он говорит? — спросил Виллем.

— Не пойму, баас Виллем, — ответил Конго и покачал головой, несколько смущенный своим невежеством.

— Как же так? — сердито сказал Виллем. — Разве ты не понимаешь его языка?

— Не понимаю, баас Виллем. Он не говорит по-зулусски и ни на каком наречии кафров не говорит.

— Так что ж ты раньше делал вид, будто переводишь его слова? — спросил Гендрик.

— Я пробовал научиться, — ответил Конго тоном, в котором слышалась уверенность, что его ответ всех удовлетворит.

— У нас нет времени ждать, пока ты научишься их языку, — сказал Гендрик.

— Почему ты не сознался, что не можешь объясниться с этим человеком? Ты же минуту назад сказал, что переводишь нам его слова.

Но тут общее внимание привлек Черныш: он просто захлебывался от восторга.

Разобрать, что он бормочет, удалось не сразу.

— Я говорил, Конго старый дурак. Теперь вы сами видите. Глядите на него! Он четыре раза дурак, пять раз, шесть раз дурак! Ведь я говорил!

— А ты что, понимаешь вождя? — спросил Виллем.

— Ну да, баас Виллем, всякий бушмен понимает.

— Тогда говори ты с ним. Ты ведь знаешь, о чем надо расспросить его.

Лицо бушмена приняло забавное насмешливо-лукавое выражение, и охотники поняли, что он теперь серьезен.

Подойдя к вождю, он вступил с ним в разговор, из которого Виллем после перевода узнал, что жирафов не видели поблизости уже много месяцев. Торговцы редко посещали племя, а те, что бывали здесь, не оставили по себе доброй памяти, Вождь жил в видневшемся неподалеку селении и пригласил охотников посетить его.

Виллем тотчас принял приглашение. Казалось, он потерял всякое желание возвратиться в Грааф-Рейнет. Но Гендрик с легкостью разбил эту попытку оттянуть их возвращение домой.

— Зачем нам ходить к ним в крааль? — спросил он. — Они задержат нас дня на два, на три, а ведь мы ищем жирафов, которых здесь нет.

Виллем охотно согласился с этим, и они стали собираться в дорогу.

Бечуаны уже унесли большую часть слоновой туши. Мясом нагрузили трех быков, и несколько туземцев, которых и разглядеть нельзя было, едва брели, сгибаясь под тяжестью ноши, — длинные полосы, вырезанные из боков слона, свисали у них с головы до самых пят. Другие тащили громадные куски квадратной формы, сунув голову в дыру, прорезанную посередине, и мясо ниспадало с их плеч наподобие мексиканского серапе.

Не слишком было приятно смотреть, как, шатаясь под своей ношей, движутся к деревне эти люди.

— Ну и зрелище! — заметил Гендрик. — Такое может отвратить человека от пищи по меньшей мере на месяц.

Расставшись с этим племенем, наши охотники продолжали свой путь на юг. Уже совсем стемнело, когда они добрались до места, где можно было разбить лагерь. После тех прудков, которые они видели поутру, им больше не попадалась вода; лошади и волы изнывали от жажды.

В темноте далеко не уедешь. Охотники разгрузили своих вьючных животных и улеглись спать, с тем чтобы на рассвете двинуться дальше. Рано поутру они были уже в пути: необходимо как можно скорее добраться до воды.

Несколько миль они ехали по земле, поверхность которой походила на океан, взбудораженный штормом. Земля все время дыбилась, как будто одна за другой катились

огромные волны, разделенные глубокими провалами.

Тут охотники впервые заметили, как по-разному действует жажда на лошадей и рогатый скот. Быки, казалось, думали найти облегчение, покорно поддавшись расслабляющему действию жажды, и еле двигались. С большим трудом удавалось гнать их вперед; поторапливая быков, маколело то и дело пускали в ход свои длинные палки. Животные брели нехотя, вперевалку, с высунутым языком и являли собой картину полной безнадежности.

Лошади, наоборот, стремились, видимо, поскорее уйти из этих мест. Казалось, ими руководит разум, они словно понимали: до желанной воды еще далеко, и чем быстрее двигаться, тем скорее к ней придешь.

Весь день Гендрик и Виллем ехали впереди, озабоченно высматривая по пути какой-либо источник, озеро или ручей. Живительную влагу необходимо было найти до наступления ночи, иначе быки погибнут. Путников охватил страх за будущее, и, сознавая, как велика опасность, они почти так же приуныли, как их быки. Какая ошибка, что они так опрометчиво расстались с бечуанами, не расспросив о местности, через которую лежал их путь! Будь они благоразумнее, они, возможно, не очутились бы в таком тяжелом положении.

Незадолго до захода солнца путники заметили справа от себя холм более высокий, чем все те, что им попадались днем. У его подножия виднелась рощица карликовых деревьев. Лошади под Виллемом и Гендриком подняли головы, наострили уши и галопом пустились к холму: они тихо заржали, и всадники поняли — это ржание означает: вода! По дороге к рощице они натолкнулись на издохшего льва, наполовину объеденного какими-то хищниками пустыни. Рядом с трупом льва валялось несколько мертвых шакалов, — очевидно, он убил их прежде, чем сам издох.

У рощи путешественники увидели небольшое озерцо мутной воды; кони их, вытянув шеи, кинулись к воде. У берега лежал труп буйвола, а рядом — мертвая гиена.

— Придержи лошадь! — крикнул Гендрик, резко остановив свою. — Не отравлена ли вода? Ты посмотри на буйвола и гиену, — а ведь мы только что видели и еще дохлых зверей.

Охотники напрягали все силы, чтобы не пустить лошадей в воду. Лишь вонзив им шпоры в бока, удалось повернуть их и отвести от озерца. Но измученные животные рвались назад, и охотники с большим трудом заставили их отъехать прочь.

Виллем и Гендрик спешили навстречу своим товарищам: надо было предупредить, чтоб никто не приближался к озерцу, пока Черныш, Конго и маколело его не исследуют.

Глава 46. ОЗЕРО СМЕРТИ

Подъехав к своим спутникам, разведчики сообщили им радостную весть: вода найдена! Однако радость тотчас сменилась огорчением, когда Виллем и Гендрик сказали, что сомневаются, можно ли ее пить. Ганс и Аренд быстро спешили и вместе с Чернышем и двумя маколело направились к озерцу.

Едва подойдя к нему, Черныш заявил, что вода отравлена. Ее отравили двумя различными ядами, и оба они смертельны. В воде лежал пучок корешков, раздавленных и размолотых меж двух камней, а на поверхности плавала кожура каких-то ядовитых ягод.

Ничего не поделаешь, надо ехать другой дорогой — ведь если животные почуют воду, их не удержишь и они непременно напьются.

Буйвол утолил жажду, а потом улегся в тени деревьев и околел. Отравленную влагу попробовал и могучий лев, но вся его сила не спасла его. Только на несколько шагов отошел он от озерца — и свалился на ходу. Шакалы наполовину объели труп льва, потом напились смертоносной воды и вернулись к прерванной трапезе, но закончить ее им уже не пришлось.

Удостоверившись, что вода в озерце отравлена, Ганс, Аренд и их спутники хотели было вернуться, когда вдруг заметили сильный переполох среди лошадей и быков. Быки мычали, а кони как-то необычно ржали. Обе лошади, уже побывавшие возле гибельного места, всего неистовой рвались из рук; Гендрик изо всех сил старался сдержать свою лошадь, как вдруг

подпруга его седла лопнула. Он соскочил наземь, чтобы поправить ее, но тут конь вырвался, галопом помчался к озеру и пронзительно заржал, как будто звал за собой остальных.

Приглашение не осталось без внимания. Вьючные лошади сейчас же понеслись за ним. Быки встрепенулись. То ли инстинкт, то ли пример лошади подсказал им, что вода близко. К тяжело нагруженным быкам, которых последние несколько миль с таким трудом гнали вперед, вдруг вернулись силы, и они тоже пустились вскачь. Их уже невозможно было удержать.

Измученные жаждой животные состязались теперь со своими хозяевами — кто скорее достигнет воды. Аренд и двое маколло встали в ряд, пытаясь преградить дорогу бегущим. Но все оказалось напрасно. Обезумев от жажды, животные уже не подчинялись людям, и те, кто хотел остановить их на пути к гибели, поспешили отскочить в сторону, чтобы самим не оказаться растоптанными.

Озерцо было не больше десяти футов в диаметре, и добраться до воды можно было только с одной стороны, где берег был отлогий, поэтому животные не могли подойти к воде все сразу. Лошадь, доскакавшую первой, тотчас столкнули в воду две другие, бежавшие за нею по пятам, но только они успели глотнуть отравленной влаги, как на них обрушились несколько быков. Напрасно животных хлестали бичами, били прикладами — отогнать их от воды не удавалось. Ими владело одно неодолимое желание: пить.

К счастью для охотников, все быки и лошади не могли утолить жажду одновременно — они мешали друг другу. Минут десять длилась неопишуемая сумятица, слышались крики, шум борьбы. Три лошади и два быка сбились в кучу и не могли бы вылезть из озерца, если бы даже захотели. Их так крепко притиснуло друг к другу и к высокому берегу, что они не могли ступить и шагу.

В глубину водоем был около трех футов, и его целиком заполнили тела первых пяти животных. Те, которым не удалось подойти к воде со стороны низкого берега, взобрались на высокий; но, глядя вниз, они видели в озерце лишь спины застрявших там лошадей и быков. Один из быков, отчаянно пытавшийся дотянуться до воды, сорвался и упал, и его затоптали.

Охотники бились не меньше получаса, и наконец с помощью четверых маколло им удалось отогнать всех животных, кроме тех пяти, которые завладели озерцом. Эти пятеро так из него и не выбрались.

Охотники потеряли трех вьючных лошадей и двух быков. К счастью, ни одно из животных не было нагружено порохом или еще чем-либо, что легко портится от воды.

С них тотчас же сняли тюки и погрузили на оставшихся быков. Теперь Конго и Чернышу надо было идти пешком. Впрочем, Конго несколько не огорчился. Потеря «скакуна» не слишком взволновала его, больше всего он боялся, как бы не погиб Следопыт; его любимый пес и остальные собаки так страдали от жажды, что на них больно было смотреть.

Проскакали несколько миль — и отравленный водоем остался позади, а над равниной уже снова стала сгущаться ночная тьма. Охотники поняли, что придется идти всю ночь напролет. Останавливаться нельзя — с каждым часом и животные и люди только еще больше слабеют. Но в какую сторону двинуться? Вот что надо было решить немедленно.

Охотники и не помышляли вернуться на север; однако оставался еще восток, запад и юг. Какое выбрать направление? Где скорее можно найти воду? Этому они не знали, и, не будь с ними Черныша, им пришлось бы положиться на волю случая.

Черныш предложил избрать путь, который одобрили не только маколло, но и Конго. Тем не менее сперва Черныш, по обыкновению, долго жаловался на Конго и обвинял его во всех злоключениях. После этого он сообщил хозяевам, что еще в детстве много слышал об обычаях и привычках бечуанов. Какое-то слабое племя бечуанов, говорил он, видно, надумало укрыться от врага, поселившись где-нибудь на пустынном плоскогорье, которое они сейчас пересекают. Враг, наверно, преследовал беглецов, и, чтобы лишить его воды, они отравили озерцо. Те, кто отравил воду, знали, что враг не появится ни с севера, ни с юга, — там жили соплеменники бежавших. Поэтому они ждали неприятеля только с востока, из

страны кафров-зулусов, которых Черныш считал исчадием ада. На западе же, говорил он, должно встретиться племя бечуанов, и за несколько часов пути можно добраться до их крааля.

Против такого рассуждения нечего было возразить, и, по совету Черныша, охотники повернули на запад.

Они знали, что находятся сейчас в той части Южной Африки, где нет огромных плато, и это давало им надежду выбраться отсюда. Они зашли далеко на юго-восток, следовательно, нечего опасаться, что они забредут в великую пустыню Калахари.

Плато, по которому они сейчас едут, вероятно, совсем небольшое, и они пересекут его за несколько часов, если будут двигаться не слишком медленно. Увы, надежда не оправдалась!

Животные были так истощены, что ни хлыстами, ни бранью на голландском, английском, готтентотском, кафрском языках и на языке макалоло нельзя было заставить их пройти больше двух миль в час. При такой скорости тоже можно проделать немалый путь, но для этого нужно много времени, а лошадям и быкам долго не выдержать, и наши путешественники стали опасаться, что их экспедиция обречена на нечто худшее, чем на неудачу.

Глава 47. ВОДЯНЫЕ КОРНИ

Всю эту долгую, ужасную ночь они шли медленно, но без отдыха, гоня перед собой быков. Шли они почти напрямик, ориентируясь по Южному Кресту. Но когда забрезжил рассвет, они увидели, что вокруг по-прежнему однообразная волнистая равнина, которая так наскучила им за последние два дня.

Хотя все были голодны, измучены и жестоко страдали от жажды, нельзя было позволить себе сделать привал.

Нужно было гнать скот как можно быстрее или бросить его вместе с поклажей.

Солнце медленно всползло по небу и уже стояло прямо над головой, а путешественники, если верить ландшафту, ни на шаг не сдвинулись с места, где впервые ступили на плато. Все вокруг выглядело в точности так же.

— Хватит с нас такого черепашьего шага, — заметил Гендрик, — пора подумать о себе и поменьше тревожиться об имуществе.

— Что ты хочешь делать? — спросил Виллем. — Бросить быков?

— В конце концов их все равно придется бросать. Лучше сделать это сейчас. Надо спасти себя и лошадей, остальное пусть пропадает.

— Ты забываешь, Гендрик, — возразил его брат, — что не все мы на лошадях. Не можем же мы оставить тех, кто идет пешком.

— Конечно, нет. Но даже Черныш, хоть он и плохой ходонок, шел бы вдвое быстрее, если бы ему не надо было подгонять быков. В эту минуту они услышали крик Черныша. Он наклонился над небольшим, дюймов в шесть высотой, растением с узкими листьями. Это был стебель водяного корня, спасшего в пустынях Южной Африки жизнь тысячам изнывавших от жажды путешественников. Кругом росло несколько стеблей этого растения, и бушмен знал, что они хотя бы отчасти утолят мучившую всех жажду.

Из тюка, навьюченного на одного из быков, поспешно достали кирку и заступ, и Черныш принялся выкапывать первое найденное им растение. Он вырубал большие глыбы опаленной солнцем земли, твердой, как обожженный кирпич, и вскоре на глубине десяти или двенадцати дюймов обнажилась луковица. Ее вытащили и увидели, что она овальной формы, футов в семь длиной и покрыта кожицей светло-коричневого цвета. Сочную мякоть разрезали на дольки и стали жевать. Вкусом она походила на воду — иначе говоря, не имела никакого вкуса.

Теперь пущены были в ход ножи и дротики; этого растения оказалось поблизости так много, что очень скоро его луковицами освежились все — люди, лошади и быки.

Конго первый же корень, который достался на его долю, разделил со Следопытом — собака высунула язык и давно уже еле волочила ноги.

Охотники проехали бы долгие мили по плоскогорью, поросшему этой луковицей, и не подозревали бы, что ее тонкий, невзрачный стебель таит под собой щедрый источник влаги.

Конго и маколло также не знали об удивительном свойстве этого растения и прошли бы мимо, не будь с ними Черныша. И он, оказав всем такую услугу, ждал за нее не меньшей благодарности, чем если бы сам изобрел это спасительное растение.

Но никто и не собирался умалять его заслуг, и Черныш был полностью вознагражден за все огорчения, которые испытывал оттого, что на него так долго не обращали внимания.

Освеженные прохладным соком водяного корня, быки и лошади воспрянули духом, словно поняв, что еще не все потеряно. Они с новыми силами двинулись вперед и за день прошли немалый путь.

Солнце уже садилось, когда на юге показалось несколько хижин — селение бечуанов. Путники направились к ним, нисколько не сомневаясь, что возле жилья найдут вдоволь воды. Теперь можно было не бояться, что быки и лошади погибнут.

Навстречу охотникам вышли здешние жители. Они прежде всего выразили удивление по поводу того, что кому-то удалось добраться до их уединенного селения.

Черныш в ответ попросил проводить его и его спутников к ближайшему месту, где есть вода, — к ручью, пруду или колодцу, где берут воду жители селения. Ответ последовал совершенно неожиданный. Никаких источников нет ближе чем на расстояние целого дня пути! Уже много месяцев никто не видел такого источника, и жители селения обходятся без него.

— Что это значит? — возмутился Гендрик. — Они, конечно, лгут. Не хотят дать нам воды и прибегают ко всяким уловкам. Черныш, скажи им, что мы им не верим. Бушмен сказал, что ему велели, но бечуаны стояли на своем.

— Какая чушь! — воскликнул Аренд. — Они принимают нас за дураков! Неужели мы не знаем, что люди не могут жить без воды! Уж конечно, у них есть где-нибудь источник. Что ж, поищем сами, обойдемся и без них.

— Нет, баас Аренд, — возразил Черныш, — так не надо. Потом они покажут, где вода. Только надо подождать.

Следуя совету бушмена, быков разгрузили и неподалеку от крааля разбили лагерь. Охотники притворились, будто поверили бечуанам, что те обходятся без воды, но были настороже и внимательно оглядывали все вокруг, надеясь обнаружить, где же здесь желанная влага. Однако они не увидели ничего похожего на ручей или пруд, колодец или другой какой-нибудь водоем. Во все стороны раскинулась земля, такая же бесплодная, как та, по которой они странствовали последние два дня.

Казалось, бечуаны были правы. В конце концов, может быть, они и в самом деле сказали правду. Мысль не очень-то утешительная, и наши любители приключений совсем приуныли.

Все же Черныш несколько успокоил их, посоветовав покориться и безропотно ждать, набравшись терпения.

Охотники послушались, да и что им еще оставалось делать? Они понимали, что целиком зависят от Черныша, и, наблюдая за тем, как уверенно он себя держит, терпеливо ждали развязки.

Глава 48. УДИВИТЕЛЬНЫЙ НАСОС

Охотники очень скоро убедились, что поступили разумно, послушавшись Черныша. Если бы они настаивали на том, чтобы им дали воды, или захотели взять ее силой, их постигла бы неудача. Они не нашли бы и капли воды на расстоянии многих миль от селения, хотя в нем жило больше двухсот человек. Разумеется, вода была здесь, и, положившись на великодушие этих людей — чувство, которое редко подводит, если ему довериться, — они в

конце концов ее получили. Воду принесли в лагерь.

Сперва ее приносили понемножку, в скорлупе страусовых яиц. Но вскоре воды набралось достаточно, чтобы охотники могли утолить жажду, а затем позаботиться и о животных.

Виллем, выпив свою долю, показал женщине, принесшей воду, на своего измученного коня. Женщина, которую никак нельзя было назвать «украшением своего пола», покачала курчавой головой и с задумчивым видом ушла обратно в селение.

— Если не удастся напоить лошадей, — сказал Виллем своим спутникам, — придется двинуться дальше. Задерживаться больше нельзя, иначе они погибнут.

— Потерпите, баас Виллем, — заявил Черныш. — Сердце бечуана скоро смягчится. Он — такой же, как бушмен.

Предсказание Черныша сбылось. Вскоре после этого разговора в лагере появился бечуан и попросил, чтобы его проводили к вождю. Черныш тут же указал на Виллема, как на человека, который соответствует этому званию, и бечуан подошел к нему. Он сообщил, что лошадей и быков можно напоить, но только поодиночке. Такое предложение вполне устраивало охотников. Лошади Виллема, как принадлежащей начальнику, было оказано предпочтение: ее первую повел бечуан, явившийся в лагерь; по пятам за ней следовал ее хозяин. Они подошли к роднику, находившемуся неподалеку от селения: с родника недавно была снята земляная крышка. Его почему-то тщательно маскировали, словно это была западня для слонов. Ведром из буйволово́й шкуры черпали воду, пока конь не напился вволю. Потом его увели, а на его место привели другого, за ним еще одного, и так напоили всех лошадей и быков. Способ поения животных показывал, что бечуаны не лишены сообразительности. Если бы измученных жаждой лошадей и быков привели к источнику всех сразу, не избежать бы свалки и сумятицы.

Вечером охотники долго беседовали с главой племени. Толмачом был Черныш. Вождь рассказал, что когда-то его племя было многочисленным и сильным, но теперь людей осталось мало: многие сбежали, а остальные были убиты в войнах с кафрами. Чтобы жить в мире и спокойствии, он нашел убежище на уединенном плоскогорье; добраться до их далекого жилища можно, лишь пустившись в трудный и опасный путь, а это остановит любого врага. Чтобы обезопасить себя вдвойне, признался вождь, он велел отравить несколько водоемов, и, к его немалому удовольствию, этот замысел себя однажды прекрасно оправдал: враги его племени, кафры, напился воды из отравленного пруда, и целый отряд их poleg на месте.

Эта часть рассказа, переводимая Чернышем, по-видимому, доставила ему самому не меньше удовольствия, чем вождю бечуанов. Он ухмылялся от радости, пересказывая охотникам этот необычайный случай.

Чтобы гости в полной мере прониклись сознанием его могущества, вождь сообщил им, что он брат самого Калаты. Виллем пожелал узнать, кто же он, этот великий Калата. Вождь поразился и даже опечалился, услышав признание в таком невежестве, и тотчас просветил охотников. Калата — отважнейший воин, лучший из братьев, преданнейший из подданных, поистине лучший из людей, другого такого не было и нет, и память его чтит и должен чтить весь мир. Все это было новостью для путешественников, и им захотелось узнать побольше о вожде и его необыкновенном родиче. Желая доставить удовольствие своим гостям, вождь сообщил, что кафры сделали еще одну попытку добраться до уединенного селения, где он теперь пребывает. На плоскогорье проникло их большое войско, хорошо снаряженное для дальнейшего пути, и, возможно, они пришли бы сюда, если бы их не завлекли в другую сторону. Его брат Калата нарочно перебежал к врагу и под видом проводника повел их по ложному следу. Он завел их далеко на север, в самое сердце великой пустыни Калахари. Одураченные им враги погибли все до одного, никто не вернулся домой: все они умерли от жажды.

— А Калата? Что же случилось с ним? — нетерпеливо спросили слушатели. — Как он избежал той же участи?

— Калата ее не избежал, — спокойно ответил вождь. — Он погиб вместе с остальными. Калата пожертвовал жизнью, чтобы спасти своих соплеменников!

Своим поступком этот человек снискал любовь и добрую память в своем народе.

Услышав историю Калаты, охотники поняли, что в бечуанах, на которых они привыкли смотреть, как на людей бессердечных, стоящих на низшей ступени развития, живет, однако, душа, способная чтить и ценить благородный поступок.

Наутро путешественникам показали, как жители селения получают воду для своих повседневных нужд. Толстым слоем дерна родник был тщательно замаскирован от людского взора и укрыт от солнечных лучей. Место для селения было выбрано здесь именно из-за источника; поверхности земли над ним придали такой вид, чтобы нельзя было догадаться, что под ней находится вода.

В небольшое, незаметное для глаз отверстие, проделанное нарочно для этой цели, вставили тростниковую трубочку, которую, когда ею не пользовались, прикрывали камнем. Воду из родника высасывали — женщины прижимали губы к верхнему концу трубочки, набирали в рот влагу и выливали потом в яичную скорлупу.

Вода, которую пили охотники в первый раз, была «выкачана» этим оригинальным способом!

Бечуаны открывали родник и пользовались ведром только в редких, непредвиденных случаях, как, например, сейчас, когда понадобилось напоить не только гостей, но и их лошадей и быков. Охотники провели в деревне бечуанов два дня, но им не пришлось скучать — они были заняты починкой своего дорожного снаряжения; кроме того, передышка позволила животным восстановить силы, надорванные долгим, утомительным путешествием.

Виллем, Аренд, Ганс и Гендрик с интересом наблюдали жизнь и обычаи простодушных бечуанов. Никто из этих людей, видимо, не имел ни малейшего желания покинуть уголок пустыни, который они сделали своим домом. Здесь они обрели покой. Вот, пожалуй, и все, что можно сказать об этом месте, потому что вряд ли тут можно было найти что-нибудь еще, кроме покоя. Впрочем, большего они и не требовали. Судя по всему, их не мучили обычные человеческие желания. Они были лишены честолюбия, любопытства, корысти — их не терзала ни одна из тех страстей, которые делают несчастной жизнь цивилизованного человека.

Трудно сыскать или хотя бы представить себе место, менее подходящее для людского жилья, чем это селение. Земля здесь выжженная солнцем, бесплодная, сюда редко залетает птица или заходит зверь, на которых стоило бы охотиться. Те немногие корни и другие продукты питания, которые бечуаны умудрялись выращивать, обеспечивали лишь скудное существование.

Так ограничен был здесь запас домашней утвари, что даже самый ничтожный предмет имел в глазах бечуанов большую ценность, и все, что они получили от своих гостей, было принято с бесконечной благодарностью. Они открыли искусство жить мирно и счастливо и в полной мере наслаждались своим открытием.

Распросив бечуанов, путешественники поняли, что меньше чем за два дня им не выбраться с плоскогорья и что по дороге они не найдут воду. Но так как лошади и быки хорошо отдохнули, охотников это не слишком огорчило, и, дружески простившись с бечуанами, они снова пустились в путь.

Хлопоты, причиненные хозяевам, они возместили без особых затрат. Этим неприятельным людям стеклянная бутылка из-под капской водки показалась дороже ружья; и, если принять во внимание условия их жизни, они, возможно, не очень ошибались в своей оценке.

Глава 49. РЕДКО ПОСЕЩАЕМЫЕ МЕСТА

Зная, что, чем дальше они будут добираться до ближайшего водоема, тем сильнее

пострадают их животные, охотники постарались проделать больше половины пути быстрее чем за половину времени. Покинув селение бечуанов, они прошли около двадцати пяти миль за один день; зато на второй день, едва тронувшись с места, они поняли, что не пройти и половины этого расстояния и быки не ступят ни шагу, не понукаемые бичом.

К полудню они оказались в краю, где было когда-то соленое озеро, — оно пересохло, и теперь почву покрывал тонкий слой соли. Солнечные лучи отражались от поверхности, словно от воды. При виде воды быки, лошади и собаки бросились вперед, надеясь утолить жажду. Когда же они убедились, что это не вода, животные, каждое по-своему, стали выражать свое разочарование: кони ржали, быки мычали, а собаки лаяли и скулили. Над равниной вечно носились миражи, увеличивая и искажая все вокруг. Местами там, где корка соли не покрывала землю, росли приземистые, горькие на вкус растения, обглоданные антилопами и другими дикими зверями. Порой казалось, и животные и низкорослые растения повисают в воздухе — огромные, куда больше естественных размеров. Высоко над землей видно было отражение какой-нибудь антилопы, которая на самом деле паслась за много миль от того места, где ее видели. Такой обман зрения заставлял очень страдать измученных жаждой путешественников, а особенно их животных, неспособных понять, что же это такое. В надежде утолить жажду они устремлялись в погоню за призраками, так ужасно их мучившими, и лишь с большим трудом их можно было сдерживать.

Они давно не получали соли и с жадностью лизали соляную корку, которая местами покрывала землю слоем в восьмую дюйма. От этого пить хотелось еще мучительнее, и животные сильнее прежнего рвались вперед, к следующему обманчивому видению. Но вместо воды они снова наталкивались на соль, еще больше распявшую их жажду. Казалось, наши путешественники вступили в край, где причудливо переплетаются фантастические видения с реальностью.

Они видели большие призрачные озера, на зеркальной поверхности которых отражались деревья. Ослепительное солнце светило со дна воображаемого моря, а лес, казалось, висел в воздухе.

Но наряду с этими прекрасными видениями существовала горькая действительность. Первые два или три часа охотники были невольно захвачены красотой необычайного зрелища. Постепенно миражи стали привычны, и интерес к ним угас. Потом перед ними предстало зрелище еще более удивительное.

Часа через три после полудня они подошли к месту, казавшемуся островком посреди океана. Со всех сторон набегали волны, и, если бы их уже прежде так часто не обманывали глаза, путешественники вообразили бы, что пересохшую землю, на которой они стоят, вот-вот затопит. Пока они созерцали эту необычайную картину, их внимание привлекла другая, не менее необычайная.

По небу неслась громадная птица, но она не летела, а ступала крупными шагами! Охотники забеспокоились бы, если бы не знали, что это за птица.

Где-то на плоскогорье шел страус, и мираж отразил его, увеличив раз в десять.

В одной из прежних своих экспедиций охотники уже наблюдали миражи. Они видели много, очень много странного, но зрелище, которое они наблюдали сейчас, было удивительнее всего. Очертания отраженного страуса были безукоризненны, поступь совершенно естественная, и, не зная наши охотники, в чем тут дело, они, пожалуй, подумали бы, что это какое-то чудо.

Пока они стояли и глазели, с запада подул ветер и нанес облака. Мираж рассеялся, и огромный, фантастический страус исчез. Путешественники больше не видели никаких призраков; зато вскоре увидели вещи вполне реальные и поняли, что еще немного — и пустыня останется позади.

Земля под ногами стала не такая плоская и ровная, растительность богаче и разнообразнее. Как видно, уже и вода недалеко. Об этом свидетельствовало то, что поблизости паслось несколько зебр и антилоп пала, а эти животные всегда бродят неподалеку от какого-нибудь ручья.

Охотники уже ушли от границы пустыни, но недалеко, когда им попала дорогая для них находка. Они набрали на страусовое гнездо, в котором оказалось семнадцать свежеснесенных яиц. Из них можно было сделать превосходный обед.

Яйца быстро сварили и съели, и путешественники отправились дальше.

Однако Чернышу захотелось непременно убить страусов или достать их перья. Возможно, его прельщало и то и другое, но, как бы то ни было, он не желал уйти от гнезда даже после того, как там уже не осталось яиц.

Зная, что его хозяева собираются раскинуть лагерь у первого же водоема, Черныш решил на час, другой остаться возле гнезда, а вечером присоединиться к ним; никто не стал возражать, и он остался.

Постепенно Черныш перестал отдавать предпочтение отравленным стрелам как средству нападения и признал огнестрельное оружие; с некоторых пор он стал даже носить двустольное ружье, из которого можно было стрелять как пулями, так и дробью.

С этим ружьем в руках Черныш уселся возле страусового гнезда. Здесь спутники его и покинули.

На закате впереди показались темные очертания рощи. Подъехав к ней, путешественники увидели ручей. Нетерпеливые быки не дали даже снять с себя тюки с поклажей, пока не напились воды, потом принялись за буйные травы, росшие по берегам.

Прошло целых два часа, прежде чем у костра появился Черныш. Свет озарил его довольную, смеющуюся физиономию.

Незря он остался возле гнезда: его затея увенчалась успехом. В руках он держал длинные белые страусовые перья — трофеи его охотничьего искусства, — которые даже в Африке не так-то легко раздобыть. Он немедленно рассказал, как было дело.

Он ждал птиц, лежа на земле у самого гнезда. Страусы вернулись вдвоем, и он убил обоих, чтобы вознаградить себя за терпеливое ожидание. Черныш принес с собой перья не только в доказательство своего успеха — он намерен был взять их с собой в Грааф-Рейнет и преподнести их своей Тотти.

Черныш сказал, что, пока он дожидался тех двух страусов, которых потом убил, он видел целое стадо, и, уж конечно, завтра их можно будет разыскать. Быкам все равно надо было дать отдохнуть и набраться сил после тяжелого перехода через пустыню, поэтому наши путники решили поохотиться за страусами, и у костра весь вечер только и было разговоров, что о страусах.

Глава 50. БЕСЕДА О СТРАУСАХ

Страус — это птица-верблюд, как его называют персы, о нем каждый что-нибудь да знает, но никто не знает всего полностью.

Я полагаю, что мои юные читатели уже знают, как выглядит эта птица, и потому не стану подробно ее описывать.

У страуса длинные ноги с плоской стопой о двух пальцах. Крылья этой птицы, пожалуй, приносят больше пользы человеку, чем ему самому. И в самом деле, ради этих как будто бесполезных для страуса крыльев человек охотится за ним и убивает его.

Страус принадлежит к числу тех несчастных созданий, которых преследуют для того, чтобы польстить тщеславию, быть может, столь же несчастных созданий, именуемых светскими дамами. Рост взрослой птицы достигает семи — восьми футов, но попадаются и великаны, ростом больше десяти футов. Питаются они обычно семенами и листьями всевозможных растений. А иссушенная солнцем почва пустыни родит только жесткие, сухие кустарники и травы; и, словно в помощь природе, которая должна его прокормить, страус обладает способностью глотать все что угодно, даже камешки, кусочки железа и другие минералы. В желудке у вскрытых страусов находили коллекции самых разнообразных предметов, как в какой-нибудь лавке древностей или в геологическом музее.

Из желудка страуса извлекали камни весом свыше английского фунта.

Когда эта громадная птица бежит во всю прыть — летать она, конечно, не может, — то шаг ее в длину равняется полным двенадцати футам, и бегаёт она со скоростью не менее чем двадцать пять миль в час. Всадник на лошади не в силах ее догнать, и поймать ее можно, лишь пустившись на хитрость.

Кормится страус всегда на открытом месте, где ничто не заслоняет от него окрестностей и он может заблаговременно увидеть приближающегося врага. Страус обладает острым зрением: на несоразмерно маленькой голове его, возвышающейся над землей на восемь — десять футов, глаза посажены так, что он может одним взглядом охватить весь горизонт. Вот почему приходится соблюдать исключительную осторожность, чтоб подойти к нему близко.

Страус — глупая птица и часто попадает в плен из-за своей глупости. Природа, как видно, вложила в его крохотную головку уверенность, что стоит ему побежать в подветренную сторону — и он непременно натолкнется на какое-нибудь неодолимое препятствие и любой враг непременно его нагонит. Охотники за страусами знают о такой их особенности и всегда подкрадываются к стаду с наветренной стороны. Птицы замечают маневр, но им кажется, что это попытка отрезать им путь к бегству в единственном направлении, в каком они могут спастись. И они бросаются бежать в ту сторону, где рано или поздно неминуемо столкнутся с охотниками. А так как при этом страус должен пробежать большее расстояние, то охотники подходят к нему настолько близко, что валят его выстрелом из ружья. Удирай глупая птица в обратном направлении, преследователи ни за что не догнали бы ее.

Оперение страуса прекрасно приспособлено к теплomu климату пустыни, где он обитает. Оно не препятствует доступу воздуха к коже и в то же время защищает тело от зноя. Больше всего ценятся белые перья самца. Цена их достигает порой фунта стерлингов за унцию. Черные перья обычно ценятся раза в четыре дешевле.

На великих равнинах Южной Америки встречаются два вида страусов и еще один — в Австралии. Но гигант африканский страус превосходит и тех и других не только ростом, но и красотой и ценностью своего оперения.

Некогда мозги страуса были излюбленным кушаньем римлян; известно, что для одного пиршества было перебито шестьсот птиц. Мясо страуса и теперь едят коренные жители Африки.

Птица эта отличается огромной физической силой и может бежать с большой скоростью, неся на себе человека. Страуса нетрудно приручить. Этим понемногу занимаются арабы; они разводят и выкармливают страусов ради перьев и мяса. Но в наши дни в более просвещенных странах из страусов не пытаются извлечь никакой пользы, разве что держат пару, другую птиц в городском зверинце, где на них глазают детишки с их нянями.

Глава 51. НОВАЯ ЗАДЕРЖКА

На следующее утро охотники с рассветом были уже на лошадях и отправились дальше. Некоторое время они ехали по берегу окаймленного ивами ручья. Они выбрали это направление, чтоб оказаться с наветренной стороны от страусов, в надежде пострелять их, когда те побегут против ветра. К любой другой дичи охотники подкрадывались бы только с подветренной стороны.

Пройдя немного по плоскогорью, они увидели в миле от себя пятерых громадных страусов. Страусы, несомненно, приближались к ним, и очень быстро; четверо охотников выстроились в ряд на некотором расстоянии друг от друга, чтобы отрезать дорогу глупым птицам, бежавшим в направлении, которое им казалось спасительным. Страусы все приближались крупными, быстрыми шагами, и вскоре охотники поняли, что надо скакать дальше на север, иначе им не сделать по птицам меткого выстрела.

Казалось, страусы бегут по прямой от места, с которого начали свой путь, но так только казалось. Они отклонились в сторону как раз настолько, чтобы миновать охотников, хотя и

бежали по ветру.

Чтобы не промахнуться по птицам, надо было скакать что есть духу, и охотники тотчас пустили лошадей во весь опор. Но страусы бегают намного быстрее лошади, и им удалось опередить преследователей ярдов на триста.

Виллем и Гендрик, едва успев осадить лошадей, спешили и выстрелили, но промахнулись. Страусы были слишком далеко и убежали невредимые. Понимая, что гнаться за ними бесполезно, охотники не стали их дальше преследовать.

Потом они заметили еще нескольких страусов, но по открытой местности к ним все равно не удалось бы подойти, и охотникам пришлось вернуться в лагерь, не добыв ни единого пера. Их неудача очень обрадовала Черныша. Он, пеший, убивает страусов, а белые вчетвером, хорошо вооруженные, на быстрых лошадях, не справились с этим делом! Черныш был горд и не скрывал этого. Он объявил своим хозяевам, что, если им так уж хочется раздобыть страусовые перья, он научит их, как это сделать. Но никто из них не сомневался больше в том, что Черныш — искусный охотник за страусами, и, признав свое поражение, они снова двинулись в путь.

Сразу же за плоскогорьем начинался прекрасный плодородный край, где обитали небольшие племена мирных бечуанов; их селения были расположены вдалеке от всех враждебных племен, и поэтому они могли жить в покое, их не тревожили воинственные соседи. В этом краю Виллему хотелось пробыть подольше, ибо он знал, что за пределами его им уже вряд ли встретятся жирафы.

В пути изредка попадались акациевые рощи, однако самих жирафов не было видно.

По дороге в одном селении охотникам сказали, что жирафы иной раз появляются здесь неподалеку, только не в такое время года, но их все же можно легко найти в каких-нибудь сутках пути отсюда.

Гендрика, Аренда и Ганса это ничуть не обрадовало: они боялись новой задержки.

И они не ошиблись. Виллем твердо заявил, что пока не намерен ехать дальше. Впрочем, сказал он своим спутникам, если им так не терпится попасть в Грааф-Рейнет, пускай отправляются без него.

Все трое так бы и сделали, да не решились. Что они скажут дома, как объяснят, почему покинули товарища? Люди станут спрашивать, как же это они не остались и не помогли знаменитому охотнику осуществить его достойный всяческих похвал замысел. А что они ответят?

Если они доставят голландскому консулу двух жирафов, их ждут слава и деньги: они бы, конечно, не прочь получить свою долю и славы и денег, если бы им посчастливилось поймать жирафов. И все же они немедля вернулись бы домой, если бы не Виллем, который решил непременно остаться.

Раздосадованы были этой проволочкой и четверо макололо — они жаждали скорее увидеть какие-нибудь чудеса цивилизации; однако своего нетерпения они открыто не выражали. Напутствуя их, Макора велел им во всем подчиняться Виллему, и послушаться они не собирались.

Один Конго относился к будущему с полным равнодушием. Его место было возле Виллема, и Грааф-Рейнет вспоминался ему и интересовал его не больше, чем его пса Следопыта.

Выбрав в нескольких милях от деревни бечуанов подходящее место для лагеря, охотники решили ненадолго здесь задержаться и сделать последнюю попытку поймать жирафов. Виллем пообещал, что, если они найдут жирафов, но ни одного не сумеют взять живым, он не станет больше возражать против возвращения домой.

Все знали, что он сдержит слово, и поэтому, больше не споря, согласились задержаться на несколько дней.

На юго-запад, пересекая эту местность, бежал ручей. По берегам его стоял лес или, вернее сказать, цепь отдельных рощиц. Росла там главным образом зонтиковидная акация. Всюду попадались деревья с обломанными сучьями и оборванными ветками — верный знак,

что здесь были жирафы; на берегах ручья там и тут виднелись отпечатки их копыт.

А так как акации были повреждены недавно и следы тоже были совсем свежие, охотники поняли, что жирафы еще не ушли далеко.

— Что-то мне говорит, что нам наконец повезет, — заявил Виллем. — Я уехал из дому, с тем чтобы не возвращаться без двух детенышей жирафов, а я еще не потерял надежды опять увидеть Грааф-Рейнет. Мы не станем больше рыть ямы, но дайте мне еще хоть раз увидеть своими глазами жирафа, и, помяните мое слово, он будет мой, хотя бы мне пришлось для этого самому загнать его и схватить голыми руками!

— Это невысказано, — заметил Гендрик. — Ты, конечно, можешь изловить даже дикого слона, но что ты с ним сделаешь? Вернее, что он сделает с тобой?

— Вот когда я поймаю жирафа, тогда и подумаю над твоим вопросом, — ответил Виллем. — Скажу только, что если я набреду на него, то не расстанусь с ним, пока жив, хотя бы мне для этого пришлось пожертвовать моим скакуном.

Три дня охотники без устали носились по всей округе, но ни одного жирафа не видали. Чернышу и четверым маколло, оставшимся в лагере, больше повезло. Когда Виллем и его товарищи вернулись к вечеру третьего дня, который провели, рыская по прибрежным рощам, Черныш сообщил им, что видел неподалеку от лагеря двух жирафов. Это старые жирафы, за ними, наверно, не раз уже охотились. Должно быть, они давно обитают в ближних рощах; они-то и обглодали ветви акаций и оставили следы на берегу ручья. Черныш сравнил следы проходивших мимо лагеря жирафов с отпечатками на берегу и объявил, что это следы одних и тех же копыт.

Потом он сказал своим хозяевам, что мог бы поймать этих двух жирафов, да их ловить не стоило, потому что они старые.

Гендрик, Аренд и Ганс такому хвастовству не очень-то поверили, зато оценили все остальное в его рассказе. Да, жирафы тут только старые, решили они, значит, оставаться здесь — лишь даром время терять.

Виллем понял, что они опять готовы расстроить его планы, но это только утвердило его в решении не уходить отсюда.

У каждого из четверых была своя заветная мечта. Виллем хотел во что бы то ни стало поймать двух маленьких жирафов, а три его спутника, потеряв надежду отговорить его от этого намерения — по крайней мере, в недалеком будущем, — мечтали о доме.

Прошло еще два дня, и наши охотники, молодые по возрасту, но связанные старой дружбой, совсем уже собрались расстаться. Но в этот решающий час глазам их представилось зрелище, которое снова склонило их действовать сообща.

Глава 52. ОТЧАЯННАЯ ПОГОНЯ

За завтраком наших охотников вдруг всполошил глухой, тяжелый топот каких-то животных и лай диких собак. В четверти мили к востоку они увидели крупное стадо скакунов, приближавшееся к лагерю, и с ними жирафов. Больше сотни этих антилоп и десятка два жирафов удирали от нескольких диких собак.

Дикие собаки в Южной Африке охотятся стаями и действуют по хорошо обдуманному плану. Завидев дичь, свора никогда не гонится за ней вся сразу. Часть собак остается в резерве, а потом, следуя зову тех, которые преследуют жертву, нередко нагоняют ее, срезая расстояние под углом. Этот маневр удается всякий раз, когда дичь бежит не по прямой.

Таким образом, собаки сменяют друг друга, пока жертва не выбьется из сил, и тогда им ничего не стоит взять ее.

Просто удивительно, до чего упорны, неутомимы и хитры эти животные! Они начинают охотиться, лишь когда голодны, и тогда охота нередко длится часами

— собаки не остановятся до тех пор, пока жертва не свалится с ног. Сейчас они бешено гнались за антилопами, и одна из них вот-вот должна была достаться собакам на обед в награду за их ловкость и труды.

Жирафы по глупости вообразили, будто дикие собаки гонятся за ними. Вместо того чтобы свернуть в сторону или же остановиться и дать собакам промчаться мимо, они бежали вместе с антилопами. Когда они поравнялись с охотниками, силы явно начали уже изменять им.

Виллему очень приятно было это видеть.

Вот они, жирафы, совсем близко. В стаде есть и детеныши. Троим из них не больше нескольких недель. Жирафы, за которыми он приехал в такую даль, здесь, перед глазами, и пришли сюда словно для того, чтоб отдаться ему в руки.

Только когда антилопы повернули направо, чтоб не наскочить на всадников, они отделились от жирафов. Те по-прежнему бежали вдоль берега ручья, меж тем как скакуны, преследуемые дикими собаками, понеслись к холмам, видневшимся на севере.

Жираф бежит медленнее лошади, и охотники знали, что сумеют нагнать желанную дичь, но что толку? Жирафа можно подстрелить, но как его взять живым?

Однако теперь было не до размышлений. Охотники пустились в погоню, и волнующая охота всецело захватила их.

Две мили жестокого преследования — и жирафы стали сдавать. Они устали еще прежде, убегая от собак, и теперь, когда за ними гнались свежие лошади, самое большое напряжение сил не могло их спасти. На третьей миле охотники настигли их.

Часть стада, отделившись от остальных, повернула прочь от берега. Их было трое: родители и прехорошенький детеныш. Виллем скакал сбоку, глядя на малыша жадными глазами, — ему до смерти хотелось поскорее завладеть желанной добычей. Жирафы уже не мчались галопом, а перешли на рысь; они поднимали ноги от земли всего на несколько дюймов, чуть не волочили их, и по неуклюжим движениям видно было, что долгая скачка измотала их вконец. И все же они бежали с такой скоростью, что Виллему приходилось все еще гнать лошадь галопом.

Вскоре он потерял из виду и стадо и своих товарищей. Он не знал, где они теперь. Он даже не подумал, что рискует заплутаться, это не пришло ему в голову. Все его мысли были об одном — как поймать маленького жирафа.

Преследуемые и преследователь двигались все медленнее; лошадь Виллема вся взмокла и, казалось, вот-вот свалится.

«Какой смысл продолжать погоню? — думал Виллем. — Стоит ли губить лошадь ради того, чтобы еще немного полюбоваться малышом, которым я не могу завладеть?»

Он понимал, что поступает безрассудно, и все же не в силах был отказаться от погони.

Рядом с ним скакал маленький жираф — такой яркий, красивый, такой грациозный, и в глазах Виллема ему просто цены не было. Но как его заполучить? Страстно желанная добыча, всего лишь нескольких недель от роду, изнемогающая от долгого бега, все еще отказывалась покориться усилиям, которые прилагал охотник, чтобы остановить ее.

Виллем был уже в миле от реки. Конь под ним спотыкался, чуть не падая от усталости, измученный этой непрерывной долгой скачкой. Что же предпринять?

Остановиться, дать коню отдохнуть, а потом вернуться к друзьям? Так поступить подсказывал ему здравый смысл, но здравый смысл был сейчас не властен над Виллемом. Возбуждение, тревога, отчаяние сводили его с ума. Он обезумел и вел себя, как безумец. Надежды, мечты, которые он лелеял в течение долгих месяцев, сосредоточились для него в этом одном часе погони за жирафом, и в этот час он не в силах был от них отказаться. Виллем был слишком возбужден и не мог рассуждать спокойно и разумно. Пусть лошадь сделает еще одно усилие, и он опередит этих трех жирафов, а тогда можно погнать их назад к реке. «Неужели я утрачу то, что почти уже держу в руках?»

— думал он вне себя от страха. — Если уж я не могу поймать этого детеныша, я буду гнать его. Буду гнать до самого Грааф-Рейнета. Он от меня не уйдет!»

Вонзив шпоры во взмыленные бока лошади, Виллем рванулся вперед, обогнал трех жирафов, и они, как он и ожидал, остановились. Осадив коня, он повернулся к ним; и оба взрослых жирафа тоже повернулись и понеслись в противоположную сторону.

Отступая, один из них толкнул детеныша, едва державшегося на ногах; мгновение казалось, что старый жираф растопчет его под ногами, но вот он умчался, а детеныш, шатаясь, сделал шаг, другой и повалился наземь.

Глава 53. УТОМИТЕЛЬНОЕ БДЕНИЕ

Соскочив с седла, Виллем ухватил упавшего жирафа за шею и, прижав его голову к земле, не дал ему подняться. Сделать это было нетрудно, так как мышцы длинной, тонкой шеи животного были еще слабы. Охотнику не пришлось применять силу, достаточно было придавить добычу тяжестью своего крупного тела.

Тем временем старые жирафы убежали, а лошадь Виллема, освободившись от седока, принялась щипать сухую траву, росшую поблизости. И вот Виллем заполучил то, что так долго и страстно желал добыть. Малыш у него в руках. Виллем крепко держал его, и все же ему казалось, что никогда еще он не был так далек от осуществления своей мечты! Что толку от того, что жираф пойман, если удержать его можно, лишь пока он лежит там, где упал? Стоит его отпустить на мгновение, как он вскочит на ноги, и тогда уж Виллему его никак не вернуть.

Этого он не мог допустить. Слишком страстно мечтал он о маленьком жирафе, слишком далеко ради него забрался и слишком долго ждал. Мысль, что все же придется выпустить свою добычу или он убьет ее, была для Виллема нестерпима, и только надежда, что к нему, может быть, подоспеют друзья, успокаивала его. Они увидят следы его лошади и явятся сюда. Тогда все легко уладится. Жирафа свяжут ремнями, и он пойдет с ними вместе до самого Грааф-Рейнета. Но придут ли они? А главное, придут ли вовремя? В этом Виллем вовсе не был уверен. Они, вероятно, будут ждать его возвращения до утра и только потом отправятся на поиски.

А пока они придут, маленький жираф околеет от непосильных попыток вырваться. Ведь он все время брыкается и мечется, лезет из кожи вон, чтоб высвободиться. Такие отчаянные усилия не могут ему не повредить. Сам Виллем страдал от жажды. Впереди еще долгий день. За ним последует долгая ночь — время, когда лев, блуждающий тиран африканских равнин, рыщет в поисках ужина.

Удастся ли сохранить драгоценную добычу? Его скакун, верный друг, который столько раз уносил охотника от опасностей, бродит сейчас Бог весть где. Ведь и он может заблудиться, найдешь ли его тогда? Его могут растерзать дикие звери. Но его пока можно нагнать. Не лучше ли бросить жирафа и вернуться к друзьям? Застряв здесь, он рискует все потерять — и коня, и свою драгоценную находку, и самую жизнь. Как поступить? Никогда еще Виллем не чувствовал себя таким растерянным. Его терзали сомнения, неуверенность. Пот заливал лицо, пересохшее горло жгло, как огнем. Лошадь постепенно удалялась, почти уже скрылась из виду, а охотник все еще не решил, что ему делать. Он проехал полторы тысячи миль, для того чтобы поймать двух молодых жирафов, вот таких, как тот, что сейчас под ним. Он поймал одного; возможно, что его спутники, выполняя свое обещание, поймали второго. При этой мысли Виллем еще сильнее прижимал к земле пойманного жирафа; и в ту минуту, как солнце скрылось за горизонтом, он увидел, что конь его исчез где-то за холмом.

Некоторое время жираф еще отчаянно бился, пытаясь вырваться, потом ненадолго присмирел, хотя не похоже было, чтоб он отказался от намерения убежать; скорее, он раздумывал, как бы ему освободиться. Затем он снова начал вырываться и опять на время стих, словно собирался с силами для новой борьбы. Понемногу он примирился со своим положением и, казалось, стал ровнее дышать, и все реже, все слабее становились его попытки освободиться. Он понял, что человек не угрожает его жизни. Жираф свыкся с его обществом и убедился, что все равно не вырвется, пока человек его держит.

Настала ночь, а Виллем все еще сидел возле жирафа, обхватив его руками за шею. Он с удовольствием думал, что друзья уже начинают беспокоиться о нем. Наверно, через несколько часов Конго со Следопытом отправятся по его следам, а за ними и остальные; затем все придут сюда и свяжут жирафа. Надеюсь на такой благополучный конец, Виллем легче переносил страдания. Вскоре он обнаружил, что бодрствует не один; кое-кто оспаривал его право на драгоценную добычу.

Первыми появились гиены, но их смех, словно вызванный его забавной позой, не заставил Виллема переменить ее, и хищники забегали вокруг него, бессмысленно скаля зубы. Они чересчур трусливы, чтобы напасть на человека, и их усилия напугать его только насмешили Виллема.

Сразу после захода солнца стало очень темно — так темно, что, хотя гиены были в нескольких шагах от Виллема, он видел только их сверкающие глаза. Именно в такую ночь лев выходит на поиски добычи — в такую темь царь зверей может незаметно подкрасться и броситься на человека столь же смело, как бросился бы на антилопу.

Виллем старался коротать время, предаваясь радужным мечтам, как вдруг воздух задрожал от грозного рыка. Охотник знал — так рычит лишь лев. Он вышел из своего логова в поисках жертвы.

Клубившиеся на юго-западе тучи в эту минуту сгустились дочерна; их, казалось, прорезали потоки огня, и вдали послышался низкий рокот далекого грома. Это были предвестники, в значении которых нельзя было ошибиться: надвигалась тропическая буря.

Приближался и лев. Его рык раздавался все громче, все грознее.

Кто придет первым — буря или хищный зверь? Можно было подумать, что они между собой состязаются. Вот уже падают тяжелые капли дождя. Изнывающий от жажды Виллем обрадовался бы их шуму, если бы не слышал грозного рычания льва.

Хорошо знакомый с повадками этой огромной кошки, охотник ясно себе представил, как лев приблизится к нему вплотную, взревет и прыгнет, как будет рвать когтями тело и грызть кости — его, Виллема, тело, его кости. Он редко испытывал страх, но сейчас не мог не поддаться ему. И все же он спокойно ждал конца.

Почти все люди, когда их охватывает страх, испытывают непреодолимое желание убежать подальше от места, где на них напало это мучительное чувство. Но не таков был Виллем. Он сознавал, что стоит ему шевельнуться — и он попадет в ту самую пасть, которой жаждет избегнуть, — ведь по рычанию льва нельзя догадаться, с какой стороны он покажется. К тому же Виллем был не настолько напуган, чтобы бросить добычу, доставшуюся ему с таким трудом.

Пошел дождь и некоторое время лил как из ведра. Тьма то и дело сменялась ослепительными вспышками электрических разрядов. Через несколько минут эта жестокая гроза как будто кончилась; и тут же, словно завершая ее, сверкнула ослепительней всех прежних долгая молния, и гром загрохотал еще оглушительней, чем раньше.

От этой последней вспышки Виллем чуть не ослеп. Электрический разряд, казалось, ударил по каждому его нерву, и, если бы он стоял выпрямившись, его, конечно, свалило бы на землю.

Потом сразу все окутал непроницаемый мрак, и на минуту Виллему могло бы показаться, что он потерял зрение; но в тот миг его пронзила мысль еще более страшная.

Когда небо и земля озарились молнией, Виллем заметил нечто такое, что вытеснило из его сознания все мысли, кроме одной: сейчас он умрет. Футах в десяти от него, весь подобрившись для прыжка, притаился лев! Виллем хотел было оставить жирафа и скорее бежать отсюда, но не в силах был это сделать. Он весь оцепенел, словно и душу и тело его пронзила молния, ударившая в землю в нескольких шагах от него.

После того как он слегка оправился, первой его отчетливой мыслью была мысль о том, что вот уже прошла целая минута, а лев все еще не вцепился в него когтями. Оглушил его удар молнии, а не удар львиной лапы. Это и спасло Виллему жизнь, так как царь зверей, опаленный и перепуганный молнией, мгновенно кинулся бежать.

Гроза кончилась, и вскоре на западе обнажился клочок ясного неба. Вслед за этим показался серебристый диск луны, и при ее мягком свете Виллем продолжал бодрствовать, но ни лев, ни гиены больше его не тревожили.

Маленький жираф был все еще жив и спокойно лежал на земле; однако его медленное, тяжелое дыхание беспокоило Виллема. Что, если жираф умрет прежде, чем можно будет избавить его от того неудобного положения, в котором все еще приходится его держать?

Глава 54. НЕ РОДИСЬ УМЕН, А РОДИСЬ СЧАСТЛИВ

Жирафы, преследуемые Гансом, Гендриком и Арендом, по-прежнему бежали вдоль берега ручья. Это была главная, большая часть стада, и охотники помчались за ним, не заметив, что Виллем исчез.

Увидев такую заманчивую дичь и увлекшись погоней, все три охотника пришли в возбуждение, не менее сильное, чем у самого Виллема.

Полные азарта, они лихорадочно прищипоривали лошадей, и те неслись с такой быстротой, что казалось, вот-вот нагонят жирафов. Только сейчас охотники заметили, что Виллема нет рядом. Он скакал в полумиле от них, и расстояние между ними быстро увеличивалось. Виллем несся по направлению к северу. Это обстоятельство несколько их не смутило. Каждый был слишком увлечен собственной охотой, чтобы думать о других. Вскоре они вплотную подошли к жирафам, загнанным в крутую излучину реки.

Обнаружив препятствие, животные повернули назад, но путь к отступлению был отрезан. Их встретили охотники.

Аренд, скакавший справа, быстро помчался вперед, обогнал своих товарищей и успел помешать жирафам удрать, не замочив копыт.

Стадо снова погнало к реке.

Заставляя жирафов повернуть, Аренд оказался в нескольких ярдах от самого крупного из них. Не устояв против искушения уложить такое животное, он на полном скаку прицелился в голову жирафа и выстрелил. Умение или же счастье ему благоприятствовало, только жираф упал, сраженный выстрелом.

Итак, довольно было единственной пули немногим больше горошины, чтобы повергнуть на землю громадное животное шестнадцати футов в высоту. Пуля попала ему в голову позади глаза; подстреленный жираф поднялся на дыбы, завертелся, как вокруг оси, и всей тяжестью рухнул на бок. Упав, он принялся с силой биться о землю головой, словно хотел скорей избавиться от мучений.

Остальных жирафов погнало к реке; и, не видя иной возможности избавиться от преследующего их врага, они бросились в воду.

Речка не была ни широкой, ни глубокой, однако в этом месте через нее неудобно было переправляться. Берега на несколько футов возвышались над водой, и, судя по тому, как жирафы переходили ее вброд, видно было, что они идут по вязкому дну. Только когда несколько жирафов достигли противоположного берега и сделали безуспешную попытку выбраться, наши охотники стали надеяться, что поймают одного из детенышей. До сих пор они и не думали, что смогут захватить их живыми.

Они кинулись в погоню просто сгоряча, но, увидев, как жирафы борются с течением, охотники загорелись той же надеждой, какая на другом краю равнины в это же самое время владела Виллемом.

— Им не выбраться на берег! — закричал Гендрик. — Тут два маленьких жирафа. Попробуем схватить их.

Не теряя времени, они обдумали, как осуществить предложение Гендрика.

Мгновенно было решено разделить и одному выехать на другой берег. Сделать это поручили Гендрику. Объехав излучину, он добрался до места, где берег был пологий, въехал в воду и быстро достиг противоположного берега.

У каждого из всадников был с собой длинный ремень из буйволового кожи, которыми

они обычно привязывали своих лошадей, пуская их пастись. На конце ремня Гендрик сделал петлю, как ее делают на лассо в Латинской Америке. С помощью этой петли они собирались ловить жирафов. Гендрик поскакал жирафам навстречу и нашел их все еще в воде. Утомленные бегом, они стояли спокойно, по-видимому слишком измученные, чтобы вытащить ноги из вязкой тины, в которую погружались все глубже и глубже. Лишь двое-трое, более крепкие, по-прежнему старались выбраться на берег, но ни один из всего стада не пытался спастись, двинувшись вверх или вниз по течению. От этого их удерживало присутствие Ганса и Аренда, стоявших на берегу по краям излучины: один — выше того места, где были жирафы, другой — ниже. Появившись прямо перед ними, Гендрик заставил жирафов изменить поведение. Предводительствуемые крупным самцом, они забарахтались в воде, словно решили пробиться вверх по течению. Но Аренду, стоявшему поблизости, пришлось сделать всего несколько шагов, чтобы снова оказаться перед ними, и жирафы опять остановились. После короткой передышки они снова всполошились и попробовали ускользнуть вплавь, только вниз по течению. Но река в этом месте круто поворачивала, и перед ними вырос Ганс, стоявший здесь настороже; громкими криками он заставил жирафов остановиться, и опять они оказались в тупике. Охотники увидели, что животные почти уже не пытаются бежать, и это еще больше подзадорило их: во что бы то ни стало надо схватить этих детенышей! Выбраться из тины было не под силу их тонким, еще не окрепшим ногам. В этой узкой речке им некуда увернуться, им не уйти, думали охотники, и каждый приготовил ремень с петлей на конце, выжидая удобной минуты, чтобы пустить ее в ход.

Стараясь спастись от врага, испуганные жирафы заметались во все стороны, с трудом вытаскивая ноги из тины, пока совсем не выбились из сил. Гендрику, стоявшему ближе других, после нескольких бесплодных попыток удалось наконец набросить петлю на шею одного из детенышей. Сделав это, он быстро соскочил с седла и привязал второй конец ремня к дереву. Теперь жираф никак уже не мог ускользнуть. Как он ни был силен, его длинная, тонкая шея оказалась слишком слабой, чтобы помочь ему в его отчаянных усилиях освободиться от петли; и вскоре он покорился неволе.

— Постарайтесь поймать и этого! — крикнул Гендрик своим спутникам, показывая на второго детеныша. — Поторопитесь — и вы его схватите. Смотрите, он завяз в тине. Ганс, быстрее закидывай ремень!

Через секунду, другую Ганс удачно накинул петлю на второго детеныша, и он тоже стал пленником.

А так как большего им и не надо было, то охотники занялись пойманными жирафами, уже не интересуясь остальным стадом.

Предоставленные самим себе, взрослые жирафы снова попытались прорваться, уйдя вниз по течению. Спеша спастись, они сбили с ног одного из детенышей — того самого, что поймал Гендрик.

Его не унесло течением — удержал ремень, но, хоть он и оставался в руках поймавших его людей, они владели лишь его трупом.

Он, видимо, захлебнулся, когда голова его ушла под воду, а может быть, его задушило затянувшейся вокруг шеи петлей.

Как только стадо исчезло, трое охотников обратили все свое внимание на пленника, оставшегося в живых. Прежде всего они закрепили на нем петлю, чтобы она не соскользнула, потом осторожно вывели его из речки.

Некоторое время жираф силился освободиться, затем, словно убедившись, что старания его напрасны, присмирел.

Маленького жирафа, измученного долгой скачкой, а потом стараниями выбраться из воды, оказалось легко укротить.

Охотники были в восторге. Они поймали детеныша и надеялись раздобыть еще одного.

Оказалось, что поймать жирафов — совершить подвиг, который был не под силу многим охотникам, — все-таки возможно. Значит, Виллем вовсе не вел себя как ребенок, требующий, чтоб ему дали луну. Он вовсе не гнался за чем-то недостижимым.

Теперь их главной заботой было благополучие пленника, и, для того чтобы он мог оправиться от страха и немного свыкся со своими новыми спутниками, они решили дать ему часок отдохнуть, прежде чем вернуться в лагерь.

Маленький жираф был слишком измучен и больше не пытался вырваться. Жираф быстро примиряется с неволей.

Глава 55. ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Предоставив своему пленнику желанный отдых — причем жираф обнаружил здравый смысл и почти все время держал себя тихо и мирно, — охотники уже собирались отвести его в лагерь.

Аренд и Ганс сели верхом на коней, каждый держал конец ремня, середина которого охватывала шею жирафа. Они намеревались ехать чуть впереди него, на некотором расстоянии друг от друга. Таким образом, пленник не сможет вырваться ни вправо, ни влево. Гендрик должен был ехать позади и подгонять жирафа, если он вздумает пятиться обратно.

Все шло как по маслу. Жираф вынужден был следовать прямо за двумя всадниками, и всякую его попытку остановиться или рвануться назад пресекал кнут Гендрика. В этом случае он кидался вперед и снова ослаблял натянувшуюся веревку.

Так они вели свою добычу без всяких затруднений и к середине дня добрались до места, откуда начали охоту.

Тут они увидели на земле выючные седла, кухонную утварь и всякое снаряжение, но ни Конго, ни Черныша, ни четверых макололо, ни быков как не бывало! Все куда-то исчезли! Больше того: охотники надеялись увидеть здесь Виллема и с огромным удовольствием предвкушали эту встречу — они знали, как порадовался бы Виллем их удаче. Но где же их спутники? Где Черныш и Конго? Они-то куда девались? Тут была какая-то загадка, которую ни один из троих охотников не мог разгадать.

Почему же те, кому было поручено охранять имущество, бросили его? Неужели макололо увели лошадей и быков? Неужели Черныш и Конго оказались изменниками? Не может быть! Но тогда почему же никого нет?

Охотникам ничего не оставалось, как выжидать в надежде, что время все разъяснит и пропавшие вернуться.

Ни быка, ни лошади, ни собаки — никого не видать. Связки слоновой кости, завернутые в циновки, лежат там, где их положили утром. Если лагерь обокрали, почему самое ценное осталось нетронутым?

Так как на этот вопрос никто не мог ответить, то решили во всем положиться на время.

Вечерело, а три охотника все еще терялись в догадках, волнуемые то надеждами, то страхами и сомнениями. Долгое отсутствие Виллема начинало их серьезно тревожить. Пора было что-то делать, искать его. Но что делать, где искать? Этого они не знали. Однако сидеть дольше сложа руки было невозможно.

Уже надвигалась ночь, а потому Аренд и Гендрик, оставив Ганса сторожить жирафа, двинулись в том направлении, где последний раз видели Виллема.

Они не отъехали еще и мили от лагеря, как сумерки сгустились, но и в полутьме охотники разглядели приближавшихся Конго и Черныша. С ними были только собаки.

Оба охотника поспешили вперед и вскоре встретились с ними. Гендрик стал торопливо расспрашивать о загадочных событиях прошедшего дня Черныша, а Аренд — Конго.

Вопросы: «Где Виллем?», «Куда девались быки?», «Почему оставили без присмотра лагерь?», «Где макололо?» — сыпались один за другим, и на все был лишь один ответ: «Да, баас».

— Скажешь ты или нет, желторожий дьявол? — нетерпеливо вскричал Гендрик, не получая внятного ответа.

— Да, баас, — ответил Черныш. — А с чего начинать?

— Где Виллем?

На этот вопрос, по мнению Черныша, нельзя было ответить сразу, но, пока он размышлял, Конго сказал:

— Мы не знаем.

— Вот еще! Конго дурак! — воскликнул Черныш. — Мы видели, что баас Виллем утром пошел с вами за жирафами.

Охотники чуть не лишились рассудка, пока наконец им удалось узнать то, что им хотелось. Виллем не вернулся, и Черныш с Конго знали о причине его отсутствия еще меньше их самих. Быки и кони днем паслись на равнине и понемногу забрели далеко. Четверо макололо ушли за ними и не вернулись. Черныш и Конго сознались, что среди дня они задремали и, проснувшись, увидели, что нет ни макололо, ни животных. Они отправились на поиски и нашли посланцев Макоры в большом волнении. На них напали бечуаны, которые и угнали всех лошадей и быков. Макололо очень огорчены пропажей скота, они боятся, что их будут ругать, и поэтому не возвратились в лагерь. Они теперь в двух милях отсюда вниз по реке и собираются идти домой — ведь белые, наверно, не захотят больше иметь с ними дело.

Впервые путешественникам пришла в голову мысль, что они опрометчиво поступили, оставив имущество без хозяйского присмотра и защиты, да еще в краю, где обитают африканские племена, на честность которых нельзя положиться.

Бечуаны не постесняются воровать друг у друга и у любого другого племени, но они вряд ли увели бы лошадей и быков, если бы тут был кто-либо из белых и заявил, что скот принадлежит ему.

Но воры-бечуаны застали при скоте только черных людей чуждого им племени с далекого севера Африки, которым нечего было делать на их территории. Это был слишком удобный случай, чтобы его упустить, и, поддавшись искушению, они увели лошадей и быков. Беде нельзя было помочь. Сейчас, во всяком случае, было не до того. Первым делом следовало найти Виллема, и охотники снова отправились его искать.

Одни они ночью ничего не смогли бы сделать, но теперь с ними были Конго и его собака Следопыт. Воодушевленные надеждой на успех, они быстро шли вперед.

Вскоре стало так темно, что Аренд предложил остановиться на привал до утра, но Гендрик на это не согласился, и Конго его поддержал.

— Забыл ты, как провел ночь под баобабом, увертываясь от носорога? — спросил Гендрик.

— Замолчи, — сказал Аренд. — Если ты идешь, я иду с тобой.

Черныша отправили назад в лагерь к Гансу, а Конго со Следопытом оставили, чтобы они указывали дорогу. Вскоре Гендрик привел своих спутников к месту, где в последний раз видели Виллема. Сейчас здесь ничто о нем не напоминало.

От радости, с какой они возвращались в лагерь, не осталось и следа. Что-то странное произошло с их товарищем, что-то недоброе. Быки и вьючные лошади пропали, их угнали неизвестно куда люди, которые могут и не вернуть их, если даже их разыщут.

Все складывалось очень плохо — и что значил теперь для них пойманный жираф!

Размышляя об этом, Гендрик и Аренд следовали за Конго, который вел их в ночной темноте.

Глава 56. В ПОИСКАХ ВИЛЛЕМА

Конго, видимо, умел каким-то таинственным способом говорить своему псу, чего от него требуют. Не убегая далеко вперед, Следопыт носился то вправо, то влево, приносясь к земле, словно нащупывая след. Почти все время невидимый в темноте, он лишь изредка проносился, как тень, пересекая путь всадникам, а порою фыркал, приносясь к запахам земли.

Охотники не прошли и полмили, как Следопыт высказался более определенно по поводу того, что его интересовало: он отрывисто, громко залаял.

— Он нашел след! — воскликнул Конго, бросаясь вперед. — Я ему велел, я знал, что он найдет.

Вскоре они все нагнали собаку, которая по-прежнему не спеша, рысцой бежала вперед, изредка опуская нос к самой земле, как будто проверяла, не сбилась ли она с дороги. Следопыт шел по следу не так, как другие собаки: он не бросался вперед на запах и не оставлял охотников далеко позади. Аренд и Гендрику была знакома эта повадка, однако они все еще сомневались, что он ведет их именно по следам Виллема.

— Откуда ты знаешь, что мы идем куда надо, Конго? — спросил Гендрик.

— Мы идем за Следопытом, а он знает, — ответил Конго. — Он найдет всякий след в траве.

— И ты уверен, что твой пес идет именно по следам лошади Виллема?

— Да, минхер Гендрик, конечно уверен. Следопыт не дурак. Он знает, чего нам надо.

Слепо доверившись проницательности Конго и его пса, охотники продвигались вперед медленной рысью и потратили больше часа на то, чтоб проехать расстояние, какое Виллем проскакал в несколько минут.

Может случиться, что собака приведет их обратно в лагерь и там они найдут того, кого ищут. Виллем, конечно, не станет возвращаться той же дорогой, по которой гнался за жирафами, и они, возможно, целую ночь проблуждают, разыскивая его, тогда как он уже в лагере.

Эта мысль подсказывала им, что следует вернуться назад.

Было еще и другое соображение в пользу того, что нужно возвратиться. Надвигалась гроза, а она очень затруднит поиски.

Но все доводы в пользу возвращения отступали при мысли о том, что, быть может, Виллему грозит опасность, что он нуждается в помощи, и Аренд с Гендриком решили идти дальше.

Теперь они уже подгоняли собаку. Гроза быстро приближалась; охотники знали, что, если земля пропитается влагой, станет не так-то легко учуять запах и, возможно, поиски придется прекратить.

Вскоре небеса разверзлись и хлынул дождь, но промокшие насквозь охотники шли все дальше и дальше, утешаясь мыслью, что выполняют свой долг перед пропавшим другом.

Наконец гроза кончилась, но тут Следопыт, видимо, усомнился, что держится верного направления. Ливень не только заглушил все запахи, но и смысл отпечатки копыт, так что пес их больше не различал. Последние полчаса они шли в кромешной тьме и видели друг друга лишь в те короткие мгновения, когда вспыхивала молния и озаряла, казалось, целую вселенную.

Вскоре, однако, ночь посветлела. В западной части неба показалась луна; теперь можно было бы легче продолжать поиски, если б не стерлись следы. Собака, видимо, была сбита с толку и бегала, описывая короткие, неровные круги, словно совсем обезумела от сознания, что самое главное из пяти чувств не помогает ей.

— В конце концов придется вернуться, — безнадежно заявил Гендрик. — Сегодня ночью ничего больше не удастся сделать.

Все готовы были уже послушаться его, как вдруг примерно в полумиле от них, там, где они только что проехали, раздалось грозное рыкание льва. Стоило им повернуть назад, и они наскочили бы на свирепого зверя.

— Я старался сохранить затвор сухим, — сказал Аренд, — но боюсь, что на него нельзя положиться. Надо бы ружье перезарядить.

Он развернул кусок леопардовой шкуры, покрывавшей ружье, поднял кверху дуло и нажал курок. Раздался выстрел.

Когда замолкло эхо, как бы в ответ на выстрел в отдалении послышался человеческий голос.

— Эй! — окликнул их кто-то.

Охотники поспешили в ту сторону, откуда донесся крик. Даже собака, казалось, вдруг

оправилась от замешательства и опять побежала вперед, указывая путь. Не прошло и десяти минут, как все обступили Виллема, радуясь, что он невредим и тоже поймал жирафа.

С минуту слышались только возгласы удивления и радости, потом Гендрик спросил:

— Ты давно здесь?

— С полудня, — ответил Виллем.

— А сколько еще оставался бы, если б мы тебя не нашли?

— Пока кто-нибудь из нас не помер бы — или я, или жираф, — ответил Виллем. — Я бы его не бросил.

— Ну, а если бы ты умер раньше, тогда что? — спросил Аренд.

— Тогда бы я, наверно, недолго тут пробыл — какое-нибудь зверье позаботилось бы об этом. Но, может быть, кто-нибудь из вас займет мое место? Мне б надо размяться, а то я никогда больше не смогу стоять на ногах.

Гендрик обхватил руками голову жирафа, а Виллем, с трудом поднявшись, обошел вокруг лежавшего животного и заявил, что наконец-то он счастлив. Решено было не трогаться с места до утра. Остаток ночи, если не считать одного или двух часов сна, они провели, закидывая друг друга вопросами и рассказывая обо всем, что пережили за последние сутки. Виллем горевал о своем потерянном скакуне и с огорчением узнал о пропаже быков и вьючных лошадей, но эти несчастья не могли омрачить его радость от того, что он поймал наконец молодого жирафа.

— Он стал теперь совсем ручным, — сказал Виллем. — Если я не найду своего коня, то поеду в Грааф-Рейнет верхом на этом детеныше. Но сначала я с его помощью поймаю другого. Мне нужны два жирафа, и у меня они будут! Вполне возможно, что нам снова повезет. Постыдились бы: вас было трое, а вы не справились с тем, с чем справился я один! У вас там было двое детенышей, а то и больше, и вы им дали удрать, а я один, без всякой помощи, захватил единственного малыша, какой оказался в моей половине стада!

Аренд и Гендрик многозначительно переглянулись, а Конго посмотрел на них. Гендрик покачал головой, давая понять обоим посвященным — Конго уже знал о поимке второго жирафа, — что раскрывать секрет не следует, и, разумеется, они ни словом не обмолвились об этом Виллему. Друзья хотели сделать ему сюрприз.

Глава 57. ВСТРЕЧА СТАРЫХ ЗНАКОМЫХ

Едва занялась заря, наши охотники задумались над тем, как отвести маленького жирафа в лагерь.

Виллем удивился, почему его товарищи не взяли с собой ремни. Гендрик объяснил, что им это в голову не пришло, к тому же они покинули лагерь второпях.

Охотники опасались, что доставить жирафа в лагерь будет трудно. Он казался таким слабым и покорным, что друзья беспокоились лишь о том, выдержит ли он дорогу.

Тем не менее без ремней и веревки вести жирафа не так-то просто. А вдруг он вздумает сопротивляться и вырвется у них из рук?

— Нет, какая-то веревка необходима, — сказал Виллем. — Я готов вырезать ремень из шкуры чьей-нибудь лошади. Я слишком долго стоял, вернее сказать — сидел, охраняя этого звереныша, и слишком далеко забрался, для того, чтобы изловить его, — неужели же позволить ему теперь удрать? Это всего лишь половина того, что нам нужно. Вот если бы вы были настоящими охотниками, вы раздобыли бы вторую половину!

В нескольких сотнях ярдов от них стояла молодая рощица; стройным, гибким деревьям, росшим тут, обрадовался бы любой рыболов в поисках удилица.

Виллем пошел в рощицу и выбрал две длинные жерди, раздвоенные на концах.

Эти жерди приставили к шее жирафа с двух сторон раздвоенными концами и концы переплели так, что образовалось нечто вроде ошейника. Таким образом, жирафа можно было вести вдвоем, придерживая его с двух сторон.

Аренд взялся за конец одной жерди, Гендрик — за конец другой. Жираф так долго

оставался в лежачем положении, что с трудом поднялся на ноги, а потом не пытался вырваться, и с ним легко справились.

Каждый раз, когда он пробовал свернуть в сторону, его тотчас поворачивали обратно. Вскоре жираф обнаружил, что, хотя он стоит на ногах, он такой же пленник, каким был, когда ему не давали подняться с земли.

Убедившись, что сопротивление напрасно, он отдался на волю людей, лишивших его свободы.

Аренд и Гендрик, оба верхами, держали жерди, с помощью которых направляли жирафа, а Виллем и Конго шли сзади. Так они вели пленника в лагерь.

В дороге Виллем снова и снова корил своих товарищей. Прояви они такую же энергию и решимость, какую проявил он, сейчас все могли бы вернуться домой, довольные и счастливые.

— Я гнался бы за этим жирафом до тех пор, — говорил Виллем, — пока моя лошадь не упала бы мертвая, а потом бежал бы за ним и все равно поймал бы его! Вот если бы один из вас троих обладал хотя бы долей такой решимости, мы с радостью бросили бы наших быков и уже на рассвете напрямик отправились домой.

Аренд и Гендрик не прерывали торжествующего охотника. Им нечего было стыдиться своего поведения, но из деликатности ни один из них не сказал Виллему, что хоть он и поймал жирафа, но без их помощи это кончилось бы для него лишь потерей лошади и многими другими неприятностями.

Они знали, что, не будь Виллем так опьянен выполнением давно лелеемого замысла, он не стал бы преувеличивать свои заслуги. К тому же радость Виллема от того, что он завладел жирафом, омрачалась опасением, что его лошадь потеряна безвозвратно.

Виллем был уверен, что, верни он своего скакуна, он добыл бы и второго жирафа.

В стаде, за которым гнались охотники, он видел еще двух детенышей. Может быть, удастся найти их снова? Но как их догнать, если не сядешь снова на своего верного коня!

К полудню они достигли лагеря, и первое, что бросилось в глаза Виллему, был маленький жираф, привязанный к дереву! Рядом стоял его собственный конь!

Коня привели назад макололо; возвращаясь в лагерь, они нашли его на равнине. Они тут же рассказали, как очутились здесь лошадь и они сами. Лишившись своего скота, они отказались от намерения посетить страну белых людей. Без быков они не могли бы одолеть предстоящий им долгий путь. Видимо, им ничего больше не оставалось, как вернуться домой, к Макоре. Но они не хотели уйти, не попрощавшись со своими недавними спутниками, и в то же время боялись, что на них рассердятся — ведь они не уберегли быков и лошадей, принадлежащих белым, да и своих потеряли, — поэтому они провели беспокойную ночь, не зная, как им поступить.

Когда рассвело, они заметили лошадь Виллема; она паслась невдалеке от места, где они разбили лагерь на ночь. В последний раз они видели великана-охотника, когда он верхом на своем коне гнался за жирафами, и им захотелось узнать, почему теперь лошадь одна, без всадника. Зная, как хозяин ею дорожит, они подумали, что, если они ее приведут, им простят их вину.

И они не ошиблись. О другом животном — о жирафе, привязанном к дереву, — Виллем ничего не спросил, и никто не стал ему ничего объяснять. Виллем предпочел промолчать.

Свыше тридцати часов у него во рту не было ни крошки, и сейчас, ни слова не говоря, он стал уплетать обед, приготовленный для него Чернышем; доказав этим, что все беды не лишили его аппетита, он растянулся на траве и заснул как убитый.

У охотников оставалось еще одно дело, с которым нужно было покончить, прежде чем отправиться домой. Надо было постараться вернуть похищенных лошадей и быков, и чем раньше они за это примутся, тем больше надежды на успех. Однако, когда Виллема разбудили и спросили его совета, он заявил, что ближайшие двенадцать часов будет спать, и только; сказав это, он снова захрапел. Остальные не могли без него предпринять ни одного серьезного шага, и им пришлось ждать, пока Виллем проснется, а проснулся он лишь на

следующее утро к завтраку.

Глава 58. ПРОПАЖА НАЙДЕНА

Позавтракав, охотники решили тотчас же приняться за поиски украденного. Виллема, хотя и с трудом, уговорили поехать со всеми. Ему не хотелось даже на несколько часов расстаться со столь дорогими его сердцу пленниками.

Сбылись самые его дерзкие мечты: пойманы и почти приручены два молодых жирафа. Они даже позволяют ему гладить себя. Теперь их без особых хлопот можно отвести в Грааф-Рейнет, а оттуда препроводить к голландскому консулу. Наградой охотникам будут и деньги и слава.

С тех пор как Виллем вернулся в лагерь и увидел второго жирафа, друзья не слышали от него больше ни похвалы, ни упреков. Теперь, однако, возник вопрос, как быть со слоновой костью и всем, что оставалось еще в лагере. Ради того, чтобы довести до голландских поселений на юге столько ценного груза, стоило потрудиться и разыскать пропавших быков и вьючных лошадей. Итак, оставив Ганса, Конго и двоих макололо стеречь лагерь, остальные отправились на поиски, надеясь вернуть украденных животных.

Уверенные, что бечуаны, похитившие их, живут где-нибудь близ реки или ручья, охотники решили прежде всего пойти вниз по течению той речки, на берегу которой они стояли лагерем. Так они и сделали.

Первые пять миль не видно было ни единого отпечатка ни бычьих, ни лошадиных копыт. Земля тут была твердая, и, если даже здесь прошло стадо, невозможно было рассмотреть его следы. Но вскоре охотники подъехали к месту, где берег был низкий, болотистый, и тщательно осмотрели его. Они увидели множество следов — разные животные приходили к речке напиться, и копыта четко отпечатались на мягкой почве. К радости своей, охотники различили среди других следы лошадей и быков и без труда признали их. Сомнения нет — украденное у них стадо перегоняли здесь на другой берег. Довольные таким началом поисков, они отправились дальше, окрыленные надеждой. Теперь они были уверены, что едут в нужную сторону. Следы по-прежнему вели вниз по течению. Мили через три или четыре охотники увидели селение — тут было хижин сорок. Когда они подъехали ближе, навстречу им выбежали несколько человек и сразу спросили, что им здесь нужно.

Черныш ответил, что они ищут украденных лошадей и быков. Высокий, совсем голый человек, державший в руках огромный зонт из страусовых перьев, выступил вперед и произнес речь. Он знает, что такое быки, и ему не раз приходилось их видеть, но только это было давно. Лошадей же он никогда в жизни не видел и не знает, что это за животное.

К счастью, после ночного дождя земля была совсем мягкая, и все более поздние следы были отчетливо видны. Человек с зонтом явно об этом не подумал, и охотники сразу поняли, что он лжет. Он не мог не заметить следы лошадиных копыт, отпечатавшиеся на земле вокруг того самого места, где они сейчас стояли. Следы были совсем свежие. Несколько лошадей прошло здесь не больше часа назад; было просто невероятно, чтобы жители деревни и сам вождь их не заметили.

Не сказав больше ни слова туземцам, охотники двинулись к селению.

Первое, что они увидели, подъехав ближе, была только что снятая шкура быка, сушившаяся на одной из хижин. Наблюдательный Черныш сразу заявил, что это шкура одного из быков, которых он совсем еще недавно помогал гнать; то же сказали оба макололо. Они показали белым охотникам рубцы, оставшиеся на шкуре от их вьючного седла. Ни один из стоявших вокруг туземцев не мог объяснить, каким образом попала сюда эта шкура. Никто будто бы ее раньше и не видел, и, когда им на нее показали, они постарались изобразить на лицах крайнее удивление.

Выехав из селения, охотники поскакали по равнине, раскинувшейся к северу; в той стороне они увидели что-то вроде стада и тут же подумали, не их ли это пропажа. Они не

ошиблись. Это были украденные лошади и быки. Охраняли животных лишь несколько женщин и детей, которые с неистовым криком бросились бежать, едва увидели белых.

Виллем и Гендрик погнались вслед за перепуганными женщинами, которые бежали со всех ног. Судя по всему, женщины не сомневались, что если их догонят, то непременно убьют.

Охотники были очень рады, что вернули свое имущество, и не имели ни малейшего желания обижать незащищенных женщин, и все же они оказались причиной гибели одной из беглянок.

Мчась галопом за кучкой перепуганных детей и женщин, всадники увидели, что одна из них немного отстала и вдруг упала на землю. Виллем и Гендрик придержали коней и повернули к упавшей. Подъехав ближе, они увидели ее тусклые, остекленевшие глаза и поняли, что она умерла.

Гендрик спешил и приложил руку к ее сердцу. Сердце не билось. Женщина не дышала. Она была мертва. Испуг убил ее!

Возле нее лежал ребенок, не старше трех лет. Все же его глаза, устремленные на Гендрика, сверкали гневом. Страх перед белым человеком не смирил его инстинктивной, точно у зверька, враждебности, и весь его вид доказывал справедливость распространенного мнения, будто африканский ребенок, подобно детенышу льва, рождается с поразительно развитыми умственными способностями.

Тем временем остальные женщины убежали уже далеко и не услышали бы, если бы их позвали назад. Гендрику не хотелось оставлять ребенка возле мертвой матери. Не зная, как поступить, он обратился к подъехавшему Виллему.

— Мы испугали эту женщину насмерть, — сказал Гендрик. — После нее остался ребенок. Что нам с ним делать? Нельзя же бросить беднягу здесь.

— Вот несчастье! — сказал Виллем, взглянув на мертвое тело. — Чернокожие подумают, что это мы убили женщину, и у них составит превратное мнение о белых. Надо отвезти ребенка в деревню и отдать его. Мы скажем, что женщина умерла по собственной глупости, — ведь это так и есть. Дай-ка мне этого негритенка.

Едва Гендрик наклонился к ребенку, тот отчаянно заорал, не желая расставаться с матерью. Соппротивление выразилось не только в крике. Словно тигренок, он царапал и кусал державшие его руки: это было совсем не похоже на поведение его взрослых родичей бечуанов, которые испытывают инстинктивный страх перед белыми и избегают каких-либо столкновений с ними.

Держа чернокожего малыша под мышкой, Виллем галопом поскакал за скотом и с помощью своих товарищей меньше чем через час пригнал стадо к деревне. Недоставало лишь того быка, шкура которого висела на крыше хижины.

Ребенка передали вождю. Черныш рассказал ему, при каких обстоятельствах ребенка нашли, и перевел бечуанам совет Виллема никогда больше не зариться на чужое добро. К удивлению охотников, вождь и несколько его старейшин заявили, что знать ничего не знают ни о животных, ни об охранявших стадо женщинах; но тут двое макололо признали нескольких бечуанов, которые громче всех утверждали, будто они впервые слышат о скотине: они-то угнали лошадей и быков. Чтобы спастись от нестройного крика туземцев, охотники поспешно повернули назад, уводя свое стадо.

Гендрик и Аренд не прочь были наказать бечуанов за их вероломство, за потерю времени и все те неприятности, которые они причинили, но великодушный Виллем удержал их. Он считал, что туземцев нельзя винить за их проступок, как нельзя винить птицу за то, что она заглатывает подвернувшегося ей червяка.

— Эти бедняги, — сказал он, — не понимают, что делают. Они не отличают добра от зла. Пусть наше милосердие послужит им уроком.

Глава 59. ОХОТА НА ЛЬВОВ

И вот наши любители приключений опять на пути домой.

Против ожиданий, жирафы почти не причиняли им хлопот. Ремня, обязанного вокруг шеи, было достаточно, чтобы они покорно шли вперед.

Способ, каким их поймали, с первой минуты научил их, что воля человека сильнее их воли, и с той поры, то ли из хитрости, то ли по глупости, они больше не сопротивлялись.

Можно было не опасаться, что они отобьются в пути, даже если бы им предоставили возможность это сделать. Подобно прирученным слонам, они не знали ни своей силы, ни своего проворства и вскоре стали не менее послушны, чем любая лошадь или бык.

В течение нескольких дней не случилось ничего, о чем стоило бы упомянуть, да охотники и не мечтали больше ни о каких приключениях. Они получили все, чего хотели, и даже такой страстный охотник, как Виллем, не свернул бы в сторону, чтобы убить самую прекрасную антилопу, когда-либо ступавшую по равнинам Африки, если бы ему не приходилось добывать мясо на обед.

Они провели в пути еще две недели, и вот Черныш очутился в краю, где жило много его соплеменников — бушменов. Он давно предвкушал удовольствие побывать в этих местах, хотя влекли его туда не лучезарные воспоминания детства, а просто любовь к родине — чувство, присущее всякому человеку. Своим молодым хозяевам он всегда изображал бушменов доблестными воинами и охотниками, утверждая, что они добры, гостеприимны, умны, — во всех отношениях превосходят соотечественников его соперника Конго.

Охотники находились сейчас в крае, населением несколькими кочующими племенами бушменов, и им мог представиться не один случай проверить справедливость утверждений Черныша.

Так оно и вышло. Однажды перед вечером они прибыли в поселение бушменов — своеобразную деревню, где жило семейств пятьдесят. Узнав, что поблизости нигде не найти подходящего места для привала, путешественники решили заночевать в этой бушменской деревне.

Первым проявлением гостеприимства бушменов, которое так расхваливал Черныш, было то, что они всем племенем стали выпрашивать табак, спиртные напитки, одежду и все, что видели у охотников, а взамен милостиво разрешили брать воду из пруда, находившегося рядом с деревней, и только.

Ночью лев унес телку, принадлежавшую главе селения, а утром двоим туземцам было приказано выследить и убить льва. Охотники не раз слышали рассказы о том, как бушмены убивают львов. Им очень хотелось своими глазами увидеть это, и они попросили разрешения сопровождать двух смельчаков. Отправляясь на охоту за царем зверей, каждый взял с собой только буйволу шкуру, небольшой лук и несколько отравленных стрел.

Следы льва вели к леску, росшему в полутора милях от деревни. Путешественники направились туда, полные любопытства: верно ли, что такая крошечная стрела несет льву смерть? И как бушмены осмелятся подойти к такому страшному зверю настолько близко, чтобы пустить в него стрелу?

Оказывается, вовсе нетрудно подойти близко ко льву, когда он досыта наелся. Как бушмены и предполагали, после обильной трапезы свирепый хищник спал глубоким сном.

Оба бушмена подкрались к нему совсем близко — так близко, что почти касались спящего льва.

Наши зрители остановились поодаль, спешили и, готовые в любую минуту пустить в ход ружья, двинулись следом за бушменами в нескольких ярдах позади, невольно восхищаясь их бесстрашием.

Только один из них натянул лук. Второй, растянув обеими руками буйволу шкуру, подошел к льву еще ближе, чем тот, который готовился пронзить льва смертоносной стрелой.

Охотники смотрели затаив дыхание. Ведь лев мог в одну секунду повергнуть этих двух малорослых людей на землю, смять их и разорвать на куски.

Еще минута — и крошечная стрела вонзилась меж ребер громадного зверя. И в то

мгновение, как он, гневно взревев, вскочил на ноги, в тот самый миг, как перед глазами у него мелькнули два человеческих лица, ему на голову накинута буйволу шкуру.

Лев отпрянул назад, быстро повернулся и высвободился из-под шкуры; потом, пораженный непонятным столкновением, он бросился бежать и ни разу не оглянулся.

Бушмены сделали свое дело: они убили льва. Отравленная стрела проникла в тело, и смерть его была так же неизбежна, как если бы ему снесло голову пушечным ядром.

Но оказалось, это еще не все. Бушменам было приказано принести своему вождю все четыре львиные лапы в доказательство, что лев убит. Они должны были идти за львом, пока тот не упадет мертвым, и охотники, которым хотелось видеть все до конца, следовали за ними.

Сначала лев уходил медленно, словно бы даже равнодушно, но постепенно он все убыстрял шаг. Стрела могла разве только пробить толстую кожу, и, боясь, как бы лев не остался жив, Виллем пожалел, что не всадил в него пулю из своего ружья.

— Очень хорошо, что ты этого не сделал, — заметил Ганс. — Ты испортил бы нам все удовольствие от этой охоты. Мне хочется увидеть, как действуют их отравленные стрелы, и своими глазами убедиться, что льва можно умертвить таким легким способом.

Раненый зверь пробежал чуть ли не милью, потом остановился и яростно зарычал.

С ним явно творилось что-то неладное — он завертелся, точно на вертеле, и вообще вел себя самым странным образом.

Яд начинал действовать, и мучения льва, видимо, усиливались с каждой минутой. Он упал и стал кататься по земле; потом поднялся на задние ноги и взревел, словно обезумев. Одно мгновение он даже пытался стать на голову. Потом бешено накинута на растущее рядом дерево и принялся зубами и когтями сдирать с него кору, пятная ветви кровью. Казалось, он жаждал разнести в клочья весь мир!

Никогда еще нашим путешественникам при всем их охотничьем опыте не случалось видеть такую отчаянную борьбу со смертью.

На мучения громадного зверя было страшно смотреть, и в зрителях пробудилась жалость. Они избавили бы его от страданий, всадив в него пулю, если б не стремились узнать все, что касается действия яда.

С того мгновения, как лев остановился, и до того, как он испустил дух, прошло минут пятнадцать. Все это время он проделывал самые разнообразные акробатические трюки, — охотникам не приходилось видеть такое даже в цирке.

Едва бушмены удостоверились в том, что лев мертв, они отрубили ему лапы и понесли их в селение.

Глава 60. СЧАСТЬЕ ВДРУГ ПОВЕРНУЛОСЬ СПИНОЙ

На третий день после того, как путешественники покинули деревню бушменов, их разбудили громкие крики черных обезьян в соседней роще. Судя по отчаянным крикам, обезьяны, вероятно, попали в беду.

Пока готовили завтрак и нагружали выючных лошадей и быков, Виллем и Аренд пошли к роще, откуда доносились крики. Сейчас они стали еще пронзительнее и на языке обезьян, казалось, означали: «Караул! Убивают!»

На дереве, где примостилось штук пятнадцать — двадцать этих четвероруких, каждая величиной с кошку, охотники увидели молодого леопарда, пытавшегося поймать одну из этих черных обезьянок себе на завтрак. Спасаясь от врага, он забирался на самые тонкие ветки, и леопард не решался за ними следовать, зная, что эти ветки не выдержат его тяжести.

Некоторое время охотники забавлялись, наблюдая за бесплодными усилиями леопарда добыть себе еду. Леопард преследовал обезьяну, убегающую по ветке, пока ветка не делалась слишком тонкой, чтоб он мог идти по ней дальше.

Он останавливался в двух-трех футах от визжавшей обезьяны, протягивал лапу и обнажал белые зубы, улыбаясь, словно хотел поздороваться со зверьком, которого собирался

сожрать.

Убедившись, что до этой обезьянки ему не добраться, он оставлял ее и затевал ту же игру с другой.

Наконец он загнал одну обезьяну на крупный сухой сук, протянувшийся горизонтально от ствола. Конец сука был обломан, тут не было тонких веток, на которых обезьяна могла найти себе пристанище; и ничто не мешало леопарду последовать за ней и не спеша схватить. Не оказалось поблизости и другой ветки, на которую обезьяна могла бы перескочить; действительно, податься было некуда. Поняв это, она повернулась к охотникам, стоявшим внизу, и посмотрела на них с таким выражением, будто хотела сказать: «Спасите меня! Спасите!»

Леопард, которого мучил голод, заметил двоих охотников только тогда, когда они оказались ярдах в двадцати от дерева, а он уже нагонял обезьянку на сухой ветви. Тут он вдруг остановился. Он увидел «божественный лик человека», и инстинкт подсказал ему, что опасность близка. Леопард уставился на пришельцев горящими глазами, словно обдумывал, не позавтракать ли ими вместо обезьяны.

— Оставь про запас пулю, Гендрик! — крикнул Виллем, вскинув ружье. — Твой выстрел может понадобиться.

Виллем спустил курок, и леопард кувырком полетел на землю. Гендрику не пришлось истратить на него заряд: зверь упал, сраженный насмерть. Виллем схватил его за задние лапы и поволок к лагерю.

Лагерь был близко, и вскоре охотники его увидели. К своему удивлению, они заметили, что там царит смятение. Быки и лошади разбежались во все стороны, бежали и люди.

Что бы это значило?

Недоумение рассеялось, когда охотники увидели посреди лагеря какое-то огромное животное. Это оказался необычных размеров носорог. Свирепый зверь стоял посередине лагеря, как бы размышляя, за кем из убежавших ему погнаться. Он был зол, оттого, что придя на место, где обыкновенно утолял жажду, застал там посторонних.

Черный носорог может, не колеблясь, броситься на целый кавалерийский полк: неудивительно, что этот зверь, внезапно вторгшийся в лагерь, обратил в бегство людей и животных — всех, кто в состоянии был удрасть. Один из жирафов был так крепко привязан, что не мог спастись. Он барахтался на земле, стараясь высвободиться, а с ним рядом лежал бык, которого носорог опрокинул, когда ворвался в лагерь. Второй жираф мчался по равнине, далеко обогнав всех быков и лошадей. Казалось, он несся, подгоняемый не только страхом, но и вновь проснувшейся в нем любовью к свободе.

Вскоре носорог сделал выбор — пустился в погоню за одной из вьючных лошадей. Виллем был верхом. Он, пожалуй, еще мог бы догнать беглеца, но теперь, когда жираф намного опередил охотников, на это нечего было надеяться. Однако нельзя было терять ни секунды — надо попытаться сделать все возможное. Предоставив остальным собирать лошадей и быков, которые разбрелись по равнине, Виллем, сопровождаемый Гендриком, Конго и Следопытом, поскакал к роще.

Виллем ван Вейк, всего лишь час назад счастливейший в мире охотник, был теперь едва ли не самым несчастным: один из двух пойманных жирафов, ради которых Виллем столько натерпелся, сбежал и, по всей вероятности, никогда больше не попадет на глаза белому человеку. Теперь неизвестно, когда осуществится заветная мечта Виллема. А может быть, она и вовсе не сбудется.

Один жираф не имел в его глазах большой цены. Ему необходимо два; кто знает, представится ли ему случай добыть второго. Кроме того, он не был уверен, что сумеет уберечь оставшегося. Смерть может вырвать добычу у него из рук. Стараясь освободиться из петли, жираф причинил себе увечья, и Виллем, покидая лагерь, видел, что макалоло не удалось поднять его на ноги. Большая задача, которую поставил себе Виллем — главная цель их экспедиции, — по-прежнему не была решена.

Вот какие мысли терзали охотника, когда он торопил Конго и собаку быстрее идти по

следу, ведущему через лес.

Глава 61. ПРОПАВШИЙ НАЙДЕН

Виллем опасался, что лес этот тянется на много миль, а он оказался всего только небольшой рощицей; они быстро ее пересекли и опять выехали на равнину. Жирафа не было видно, но они сразу отыскивали на равнине его следы.

Желания Виллема то и дело менялись. Сперва он боялся, что жираф затеряется в густом лесу, где за ним не угнаться на лошади, а теперь, когда он увидел перед собой бесконечную равнину, он стал опасаться, как бы сбежавший пленник не умчался куда-нибудь далеко, и пожалел, что жираф не остался в лесу.

Под сенью рощи он нашел бы себе кров и пищу и задержался бы; там они его и застали бы, между тем как на открытой местности он вряд ли станет задерживаться. А теперь его и не видать, — уж наверно, он опередил их на много миль.

По следу быстро не пойдешь; приходилось двигаться вдвое медленнее, чем жираф, бежавший в поисках своих родителей, с которыми его так жестоко разлучили несколько дней назад.

Значит, чем дальше Виллем со своими спутниками будут идти за жирафом, тем больше они от него отстанут!

Наши любители приключений это отлично понимали.

— Незачем идти дальше, — заметил Гендрик. — Жирафа мы потеряли. Вернемся лучше назад, в лагерь.

— Ничего подобного! — возразил Виллем. — Малыш мой, и так легко я с ним не расстанусь. Я буду за ним гнаться до тех пор, пока не свалюсь с лошади. Должен же он когда-нибудь и где-нибудь остановиться! И когда бы это ни случилось, я подспею и еще разок погляжу на него.

Рассчитывая, что еще часом-другим этой явно безнадежной погони удовлетворится даже Виллем, Гендрик не стал возражать и двинулся дальше за Конго, который шел впереди всех по следу.

Было уже за полдень, солнце клонилось к западу.

Они выехали из лагеря не позавтракав и в спешке не захватили с собой никакой еды. Страдая от жажды, ослабев от голода и утомительной езды по следу под палящими лучами солнца, они двигались вперед довольно уныло.

— Виллем! — воскликнул наконец Гендрик, круто осаживая коня. — В пределах разумного я на все готов, но то, что мы сейчас делаем, — бессмыслица. Мы и так уже чересчур далеко забрались. Вряд ли мы успеем вернуться в лагерь засветло. Я дальше не еду.

— Отлично, — ответил Виллем. — Не смею упрекать тебя. Ты волен поступать, как знаешь, а я пойду. Нечего мне ждать, что другие станут поступать так же глупо, как я. Это моя забота, а тебе и Конго лучше вернуться. Оставьте мне собаку, и я пойду по следам жирафа без вас.

— Нет, нет, баас Виллем! — воскликнул Конго. — Я с вами, и Следопыт тоже. Мы вас не бросим.

Виллем и Конго с собакой отправились дальше, а Гендрик остался, глядя им вслед.

Он не трогался с места, где придержал коня.

— Забавно! — пробормотал он, глядя на удалявшихся Виллема и Конго. — Я действовал безрассудно, просто глупо с самого начала экспедиции. Меня толкали на это обстоятельства и опять толкают. Да, я должен идти за Виллемом. Могу ли я покинуть его, если кафр остался ему верен? Неужели его дружба стоит больше, чем моя?

Гендрик пустил коня галопом и вскоре опять ехал рядом с товарищем.

Виллем и сам подозревал, что поступает безрассудно, добиваясь невыполнимого, но эта здравая мысль не удержала его от дальнейших поисков. Почти обезумев от потери жирафа, он сейчас сам не в состоянии был разобраться, поступает ли он умно или глупо.

Судя по всему, Гендрик следовал за Виллемом лишь для того, чтобы убедить друга вернуться.

Молодой офицер привел все доводы, какие только пришли в голову, чтобы доказать, как бессмысленно продолжать поиски, но убедить охотника ему не удалось. Виллем упорно стоял на своем, он твердо решил идти дальше.

Приближался вечер, а охотник, все еще не хотел отказаться от поисков. Все равно они не успеют вернуться к ночи — ведь они оказались на расстоянии почти целого дня пути от лагеря.

«Виллем помешался, безнадежно помешался, — подумал Гендрик, — мне нельзя оставить его одного».

Они ехали молча, и Гендрик чувствовал, что и сам близок к тому состоянию, какое приписывал Виллему.

Однако поиски подходили к концу. Путешественники и не надеялись, что успех так близок.

Впереди на равнине виднелась группа деревьев. Это были ивы, — значит, поблизости есть вода. Следы вели к ним почти прямо. Жираф инстинктивно почуял воду. То же произошло с лошадьми охотников — они заторопились к рощице.

Посреди нее был прудок, и у берега стояло животное, при виде которого Виллем радостно вскрикнул. Это был сбежавший жираф. Второй радостный возглас раздался, когда охотники заметили, что жираф опять пойман.

Свободный конец обвивавшего его шею ремня запутался в кустах. Жираф оказался привязанным, и поймать его было проще простого. Не приди охотники вовремя, он задохся бы, либо погиб от жажды, или его растерзал бы какой-нибудь хищный зверь.

Ремень, зацепившийся за ветку, распутали, и жираф избавился от утомительного положения. Он совершенно не пострадал.

— Ну, Гендрик, — воскликнул счастливый, гордый Виллем, глядя на пленника,

— разве не лучше, что мы спасли беднягу, а не оставили его погибать мучительной смертью?

— Что и говорить, — ответил Гендрик. — Иной раз думаешь, что поступаешь глупо, а выходит — это вовсе не было глупо.

Виллему, довольному результатами своего упорства, было безразлично, глупо вел он себя или умно.

А Конго, видимо, нисколько не удивился удаче своего хозяина — быть может, потому, что слепо верил в мудрость Виллема и ни минуты не сомневался, что жираф будет найден.

Не было случая, чтобы у Виллема не оказалось при себе огнива или трута — без своей трубки он дня прожить не мог, — и до самого рассвета у них ярко пылал костер.

Обратный путь был очень утомителен, но на сердце у них было куда легче, чем когда они отправлялись из лагеря на поиски бежавшего жирафа, возвращенного им счастливым случаем.

Глава 62. СРЕДИ ГОТТЕНТОТОВ

Когда Виллем и Гендрик наконец добрались до лагеря, друзья в тревоге ждали их.

Все лошади и быки были пойманы, а носорога, вызвавшего весь этот переполох, Ганс и Аренд пристрелили. Из-за его вторжения потеряли быка и на два дня задержались.

И вот наши любители приключений снова на пути домой. День за днем они быстро движутся вперед, и лишь страх, что могут пострадать их быки, лошади и жирафы, удерживает их от того, чтобы двигаться еще быстрее.

Однако по дороге охотников ждало еще немало бед, и несколько раз они едва не лишились обоих жирафов. В краю, где жили готтентоты, путешественники не могли найти ни травинки, чтобы накормить животных, — здесь, на равнинах, порой вся трава бывает выжжена. На обожженной земле валялись останки сгоревших змей и других

пресмыкающихся.

Проезжая эти места, охотники и их лошади сильно страдали от голода и жажды. Но Виллем, казалось, и не замечал лишений. Он заботился только о жирафах и боялся лишь одного: как бы они не погибли в пути. И все же во время этого утомительного путешествия охотников ежечасно радовало сознание, что они все, ближе к дому, что недалек конец их тяготам, и поэтому безропотно их сносили.

Последняя часть пути через Южную Африку вела далеко на запад, туда, где им еще не приходилось бывать. Они проезжали земли, населенные племенами, о которых нередко слышали или читали, но которых никогда не видали.

Впрочем, с некоторыми обычаями одного из этих злополучных племен, а именно с племенем готтентотов, наши путешественники однажды столкнулись, и эти обычаи произвели на них весьма тягостное впечатление.

Под тенью низкорослых деревьев они увидели старика и с ним ребенка немногим старше года. Старик, лет за семьдесят, был совершенно слеп; возле него стояла пустая тыквенная бутыль, по-видимому, из-под воды.

С помощью Черныша — он служил им толмачом — путешественники узнали, что старик недавно потерял единственного сына и защитника. Теперь некому было его кормить, и его увели далеко от родной деревни и бросили в пустыне на верную смерть.

Ребенок лишился матери, единственного родного ему человека, и его оставили на произвол судьбы вместе со стариком и по той же причине: о нем некому было позаботиться.

Обоих, старика и ребенка, ждала неминуемая смерть. Они умерли бы от голода и жажды или их растерзали бы гиены.

Нашим путникам приходилось слышать об этом ужасном обычае, в существовании которого они сейчас воочию убедились. Они знали, что он был когда-то широко распространен среди обитателей тех мест, по которым они сейчас проезжали; но, как и тысячи других людей, они думали, что готтентоты, следуя наставлениям и примеру цивилизованных европейцев, давно уже отказались от этого варварского обычая.

Узнав, что селение готтентотов всего лишь в нескольких милях отсюда, и не желая предоставить беспомощного старика и ребенка их страшной участи, путешественники решили свезти их назад к людям, которые, по словам Черныша, «вышвырнули их вон».

Странно сказать: старик не только выражал желание умереть здесь, в пустыне, но всячески противился тому, чтобы его вернули к соотечественникам!

Он рассуждал так: раз он стар и беспомощен, как ребенок, то своей смертью он лишь выполнит долг перед общиной; стать бременем для людей, которые ему не родня, было бы, по его мнению, преступлением.

Охотники решили спасти старика, хотя бы против его воли.

Только к вечеру они добрались до селения, откуда эти несчастные были изгнаны. Среди всей общины не нашлось ни единого человека, который признал бы, что старик жил здесь раньше, и никто тут не имел ни малейшего представления, чей это ребенок!

Белым людям посоветовали отправить своих подопечных туда, где живут их родичи.

— Интересно, — сказал Гендрик. — Так мы можем объехать всю Южную Африку и не найти ни одного человека, который сознается, что когда-нибудь прежде видел этих несчастных. Теперь они наши, и, так или иначе, мы должны о них позаботиться.

— Ну, не знаю, — возразил Аренд. — Как мы можем взять это на себя? Я уверен, что они из этого племени, оно и должно о них заботиться.

Охотники снова попытались убедить жителей селения признаться в том, что они хотели умерить голодом двоих людей. Но те уже поняли, что белые считают их обычай преступным, и твердо стояли на своем — они знать не знают, кто такие эти двое.

Самое странное, что хилый старик подтвердил их слова и в доказательство сказал путешественникам, будто вождь и несколько других здешних людей — и он их назвал по имени — неспособны обманывать.

Он уверял, что хорошо знает это, потому что давно знаком с ними!

Охотники находились сейчас на территории, объявленной доминионом, и колониальное правительство нередко оказывало давление на ее обитателей; готтентотам пригрозили карой английского правосудия, если они не возьмут на себя заботу о старике и ребенке или снова бросят их одних в пустыне.

Готтентотам заявили, что через какой-нибудь месяц сюда пришлют человека проверить, послушались ли они приказания белых. И, поручив старика и ребенка вождю селения, путешественники отправились дальше.

Глава 63. У ОЧАГА НЕКОЕГО ГОЛЛАНДЦА

Спустя три или четыре дня наши охотники добрались до местности, где проживало несколько семей голландцев-буров. Путешественники ехали теперь по полосе земли, называвшейся здесь дорогой, от которой только и было толку, что между речками она вела кратчайшим путем от брода к броду.

Впервые за несколько месяцев они видели поля, возделанные белыми, и могли достать продукт питания, называемый хлебом.

Как-то вечером, когда они собирались разбить лагерь неподалеку от жилья какого-то, видимо, зажиточного бура, хозяин пригласил их переночевать у него в доме.

Почти весь день лил сильный, холодный дождь, и, судя по всему, нечего было ждать, что погода к ночи улучшится. Предложение было с удовольствием принято, и путешественники, сидя возле кухонного очага у бура, наслаждались уютом. Эту радость каждый из нас в большей или меньшей степени ощущает, находясь под теплым кровом, когда снаружи дует холодный ветер и льет дождь.

Лошадей и быков отвели в большие загоны. Жирафов привязали в другом месте, отдельно от них. Конго, Черныш и макололо поместились в хижине рядом, вместе с несколькими готтентотами, слугами хозяина-бура.

Хозяин был гостеприимный, веселый малый, он громко благодарил судьбу за то, что она послала нескольких гостей, чтобы развлечь его. Табак у него был самого лучшего качества, и запас «капского виски», местной персиковой водки, был, по-видимому, неистощим.

По его словам, он в молодости был отличным охотником, и для него нет большего удовольствия, чем рассказывать интересные случаи и приключения из своей охотничьей жизни или слушать рассказы других охотников. Наши герои, находил он, страдают одним недостатком: уж очень они мало пьют его хваленого виски.

Он был человек общительный и считал, что нет в жизни ничего лучше, чем, как он выразился, «клюкнуть» в компании с друзьями после долгого дня работы. Он заявил, что терпеть не может пить в одиночестве — нет ничего хуже этого, разве только вид человека, который пьет слишком много в обществе тех, кто отказывается отдать должное его радушию.

Если верить ему, он целый день без усталости работал под дождем у себя на ферме. Почему бы ему и не повеселиться, в таком случае? А водка для этого — самое подходящее дело. Он рад предоставить своим гостям все лучшее, что есть у него на ферме, и единственное вознаграждение, которого он ждет за свое гостеприимство, — это удовольствие видеть, что они чувствуют себя у него как дома.

Бур твердо решил напоить своих гостей допьяна, но они этого не замечали. Правда, им казалось, что его гостеприимство заходит слишком далеко — и даже становится назойливым. Но они наблюдали не раз такую навязчивость у людей, которые хотят быть как можно предупредительнее, а так как они это делают совершенно бескорыстно, им это прощают.

Виллем и его друзья хоть и натерпелись всяких лишений во время своих путешествий, не имели привычки злоупотреблять спиртными напитками, и горячие, настойчивые уговоры бура, к которым присоединилась его довольно красивая толстуха-жена, не заставили их изменить своему обыкновению. Бур казался очень огорченным оттого, что не умеет занять

своих молодых гостей.

Однако наши охотники провели этот длинный вечер очень приятно, греясь у очага бура, хоть он и уверял, что они скучают.

Ужин, который им подали, оказался очень хорош. Здесь все было хорошо, если не считать кое-каких охотничьих рассказов бура. Хозяину так редко выпадало счастье принимать у себя гостей, что с их стороны было бы неблагодарностью лишить его этой радости, и, уступая его просьбам, они засиделись до поздней ночи.

За столом хозяин мимоходом завел разговор, не очень-то приятный для наших охотников. Осушив несколько стаканов виски, бур сказал:

— Мне очень шаль, что деньги за двух жирафов получите вы. Мои два брата и брат моей жены на этом проиграют. Мне их очень шаль, сами понимаете.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что с полгода назад два брата хозяина вместе с братом его супруги отправились на север охотиться. Они хотели добыть двух молодых жирафов, за которых была обещана награда в пятьсот фунтов стерлингов. Они собирались в страну баквейнов и взяли с собой слугу из того же племени. Они должны были вернуться еще месяц назад, и, хотя от них нет вестей, в любую минуту они могут быть здесь.

Вполне естественно, что бур предпочел бы, чтобы награду получили его родичи, а не чужие люди, и то, что он так откровенно это высказал, говорило в его пользу. Гости приписали эту откровенность честности и прямоте его характера, к тому же водка развязала ему язык.

Только когда старые голландские часы в уголке кухни пробили два, молодым людям, ссылавшимся на усталость после долгого пути, разрешили отправиться на покой.

Их проводили в большую комнату, где для каждого была приготовлена удобная, мягкая постель. Утомительному путешествию, казалось, настал конец; они добрались уже до мест, где люди спят в постели, а не на жесткой земле и звезды не светят им прямо в лицо.

Глава 64. ЗАБРЕЛИ КУДА-НИБУДЬ ИЛИ УКРАДЕНЫ

Лишь в десять часов утра Ганс проснулся и разбудил своих спутников. — Стыд какой! — воскликнул Виллем, торопливо одеваясь. — Мы слишком много выпили и заспались!

— Нет, — сказал Ганс, не упуская случая показать, какой он философ. — Скорее, мы должны гордиться тем, что, хоть выпили немного, водка на нас так сильно подействовала: это доказывает, что мы не привыкли к употреблению спиртных напитков, и надо, чтобы мы и впредь могли гордиться этим качеством.

Вскоре путешественники были опять в обществе хозяина и хозяйки, которые ждали, чтобы гости отдали должное роскошному, обильному завтраку, и все, кроме Виллема, сели за стол. Виллем не получил бы никакого удовольствия от еды, не взглянув раньше на свое сокровище, к которому проявлял куда больший интерес, чем его спутники, и не соглашался сесть за завтрак, пока не навестит своих милых жирафов. Выйдя из дому, он направился туда, где под навесами были размещены на ночь слуги-туземцы и животные. В хижине, в которой он вечером оставил своих темнокожих спутников, он увидел грустную картину, доказывавшую, какое зло приносит неумеренное потребление спиртных напитков. Четверо макололо катались по полу и так тяжело стонали, словно находились при последнем издыхании. А тяжелое дыхание Черныша и Конго, больше привыкших к алкоголю, говорило о том, что они после ночной попойки крепко спят.

Виллем пинками быстро привел их в чувство; однако даже этот грубый способ не оказал никакого действия ни на одного из четверых макололо.

Конго вскочил, обхватил голову руками, словно стараясь удержать ее на плечах, и, пошатываясь, вышел вон. Виллем, убедившись, что в течение еще нескольких часов никакими силами нельзя будет заставить макололо ехать дальше, последовал за ним.

Подойдя к загону, где были привязаны жирафы, Виллем не на шутку встревожился —

он увидел, как неузнаваемо исказилось лицо Конго.

Глаза кафра, казалось, готовы были выскочить из орбит. Лицо его ужасающе вытянулось — изумление и ужас, отразившиеся на нем, могли испугать кого угодно.

Виллему не требовалось объяснений. Достаточно было одного взгляда.

Жирафы исчезли!

Черныш и Конго обещали поочередно стеречь их, но, опьянев, пренебрегли своими обязанностями.

Виллем не проронил ни слова упрека. Надежда, страх и горе на минуту лишили его дара речи.

У него возникла смутная надежда, что кто-нибудь из слуг здешнего хозяина отвел жирафов в другое, быть может, более надежное место поблизости.

Эту надежду вытеснил страх, что их украли или что им удалось вырваться на свободу и теперь их уже не вернуть.

Охваченный горем и отчаянием, Виллем оказался все же достаточно рассудительным, чтобы даже в эти первые минуты винить в происшедшем самого себя. Он был так же беспечен, как эти два насмерть перепуганных человека, стоявших сейчас перед ним.

Разве можно было всецело предоставить заботу о том, чем он так дорожил, другим! Соблазнившись несколькими часами уюта и тепла, от которых он за последнее время отвык, он не потрудился присмотреть за своей драгоценной добычей, ради которой было потрачено столько усилий и времени! Почему он не прожил еще несколько дней так, как жил столько месяцев, — в мыслях и заботах о главном? Почему он не был настороже? Тогда все было бы хорошо.

Пять минут поисков между хижинами и загонами убедили Виллема, что жирафы действительно исчезли.

Найти их надо было во что бы то ни стало. Велев Чернышу и Конго дознаться, по возможности, о том, когда и как пропали жирафы, охотник в отчаянии вернулся в дом, чтобы сообщить своим спутникам о постигшем их всех несчастье.

Эта весть лишила их всякого аппетита. Великолепному завтраку, приготовленному супругой бура и ее темнокожими служанками, грозило остаться нетронутым. Все вскочили с места и кинулись к загону, где оставили жирафов на ночь.

Гостеприимный бур выразил глубокое сочувствие их несчастью и заявил, что готов целый месяц, если понадобится, вместе со всеми своими слугами искать пропавших жирафов. — Вот что происходит, когда слишком напьются, — сказал он. — Я не пожалел водки моим людям, и они перепились; но больше они этого не сделают. Вилью теперь всю водку и никогда не стану покупать.

Один из жирафов был привязан к столбу в изгороди. Этот столб оказался не только вывороченным из земли, но и был выдернут из скреп вверху — он лежал на земле в шести — восьми шагах от прежнего места. Два соседних столба были повалены; таким образом, в ограде образовалась брешь, через которую жирафы свободно могли убежать. Если бы их, как обычно, привязали к деревьям, они бы не убежали: их удержали бы ремни, обмотанные вокруг шеи.

Возможно, навалившись на частокол, жирафы обрушили его и ремни соскользнули с упавших столбов. В этом случае жирафы, конечно, могли убежать. Но хотя такое объяснение казалось достаточно простым, наши путешественники все же заподозрили неладное.

За последнее время жирафы не пытались вырваться на свободу, и было странно, что им вдруг этого захотелось. Больше того: у обоих жирафов должен был быть общий, заранее обдуманый план действий, а уж такое вряд ли могло произойти.

Что бы там ни было, но они исчезли, и их следовало разыскать и привести назад.

Конго готовился уже отправиться на поиски, хотя мало рассчитывал на успех. Всю ночь лил дождь, и даже Следопыт не мог бы отыскать следы исчезнувших жирафов. Более пятисот голов скота было заперто на ночь в большом загоне, примыкавшем к дому бура. А утром их снова выпустили на пастбище, и земля, разумеется, была повсюду истоптана

копытами лошадей и рогатого скота. Целый час был потрачен, пока нашли след, с большей или меньшей вероятностью принадлежавший жирафам, но шел он по направлению к загонам. Конечно, след этот оставили жирафы, когда их накануне вечером вели туда.

— Что же нам теперь делать, Гендрик! — воскликнул Виллем, чуть не обезумевший от отчаяния. — Должны же жирафы где-то быть, и нам надо их найти!

— Они могли уйти в любую сторону, — ответил Гендрик. — Почему бы им не уйти в сторону Грааф-Рейнета?

Это замечание еще увеличило горе Виллема; он понял, что его товарищи вовсе не желают задерживаться с отъездом из-за случившегося несчастья.

Бур выразил готовность обеспечить охотников людьми и лошадьми для поисков, если они хотя бы приблизительно знают, в каком направлении следует искать беглецов. Тут Ганс подал совет, показавшийся Виллему наиболее разумным из всех услышанных.

— Нашим недавним пленникам представилась возможность удрасть, — сказал философ Ганс, — и они как нельзя лучше этим воспользовались. Ими, без сомнения, руководил инстинкт; и этот же инстинкт, надо полагать, заставит их вернуться назад, в родные места. Если уж их искать, то в той стороне, откуда они пришли.

— Мальшики мои, — вмешался бур, — что толку искать их там? Они не станут долго ждать, пока их опять поймают.

Того же мнения оказались Гендрик и Аренд.

— Конго, черномазый ты негодяй! — воскликнул Виллем. — Где наши жирафы? В какой стороне нам теперь их искать?

Растерянный кафр лишь покачал болевшей с похмелья головой.

Виллем крепко верил в инстинкт Конго и не удовлетворился столь туманным объяснением.

— Как думаешь, Конго, может, нам пойти обратно той дорогой, которой мы пришли сюда? — спросил Виллем.

Конго снова покачал головой.

— Ты чумазый идиот! — воскликнул, вконец расстроившись, охотник. — Ответь мне толком, брось качать башкой, не то я ее расшибу!

— Я теперь не могу думать, баас Виллем, — сказал Конго. — Голова моя совсем распухла, как я могу ответить вам на вопрос?

Гендрик, не желая еще больше расстраивать Виллема, предложил перейти от слов к делу.

— Ганс, ты остаешься здесь, — сказал Виллем. — Присмотришь за нашим имуществом. Остальные, если хотят, пусть следуют за мной, но тогда пусть тотчас садятся на лошадей. Я немедленно еду искать жирафов. С этими словами Виллем побежал к конюшне, где стояла его лошадь. Он сам оседлал ее, вскочил в седло и быстро умчался.

Глава 65. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПЛЕМЕНИ

Только Гендрик с Арендом, последовав примеру Виллема, помчались за ним. Бур, столько наобещавший, замешкался с приготовлениями, так что на его помощь нечего было рассчитывать. Все трое ускакали, не дожидаясь ни работников фермера, ни его слуг, хотя несколько человек околачивались тут же. Бур оправдывал свою медлительность тем, что никто не мог определенно сказать ему, в какую сторону убежали жирафы, а искать их где-нибудь на севере, когда они, может быть, забрели на юг, было бы просто глупо.

К великому удивлению охотников, Конго не поехал за Виллемом, а остался на ферме. Обычно он так неусыпно заботился о безопасности своего хозяина, так неохотно покидал его, что всех, кто его знал, его теперешнее поведение не могло не поразить. Ему предоставлялась свобода действий, ибо все знали, что, если лишить его этой привилегии, никакие усилия чего-либо от него добиться ни к чему не приведут. Его верность, его преданность Виллему настолько не вызывали сомнений, что никто почти никогда не

проверял его поступков. — Как только мы отъедем на милю, на две от дома бура, — сказал Гендрик, — нам, может быть, удастся напасть на след жирафов. Бессмысленно искать их там, где прошло такое большое стадо. Но предположим, мы узнали, что идем по верному следу, что мы тогда станем делать, Виллем?

— Тогда мы пойдем по этому следу и будем идти до тех пор, пока не вернем себе жирафов, — ответил Виллем. — Я не надеялся бы опять схватить их, если бы не знал, что они теперь совсем ручные, — продолжал он. — Никак не ждал, что они убегут! Это все равно, как если бы моя лошадь вздумала удрать за сто миль в пустыню, чтобы от меня избавиться. Нет, мы разыщем жирафов, если будем настойчивы, а уж когда разыщем, они легко дадутся нам в руки.

Помня, как кротко и доверчиво вели себя последние три недели жирафы, Аренд и Гендрик не могли не согласиться, что Виллем прав. Все трое пришпорили лошадей, горячее прежнего мечтая напасть на след где-то блуждающих жирафов. Земля, истоптанная скотом фермера-бура, осталась позади, и путешественники снова оказались на так называемой дороге, по которой проезжали накануне. На расстоянии целой мили при самом тщательном осмотре им не удалось обнаружить хотя бы намек на следы жирафов, взрослых или детенышей. Если бы они оставили следы вчера, их все равно невозможно было бы разглядеть в пыли. Дождь и скот, проходивший тут после, уничтожили бы их. Зато сейчас, на влажной земле новые отпечатки было бы легко разглядеть, но их не было, и охотники могли с уверенностью сказать, что сбжавшие жирафы этой дорогой не проходили.

После долгих разговоров, едва не кончившихся ссорой, так как Виллем не соглашался со своими спутниками, наконец решено было на большом расстоянии объехать вокруг дом бура.

Они рассчитывали таким образом неизбежно натолкнуться на следы жирафов. Другого выхода они не видели и медленно, с тяжелым сердцем, не зная, что их ждет, двинулись в путь.

Они пересекли местность, представлявшую собой скудное пастбище, — кое-где попадались клочки земли, поросшие чахлой травой. Недавно здесь проходило стадо рогатого скота и лошадей — взрослых, жеребят и телят, — и нередко взгляд улавливал на земле следы, так похожие на следы жирафов, что один из охотников слезал с лошади, чтобы хорошенько их разглядеть.

Медленная езда вконец извела Виллема. Его мучила мысль, что жирафы с каждой минутой уходят от них все дальше и дальше.

Наконец после двух часов таких поисков они натолкнулись на след, несомненно оставленный жирафом. Вскрикнув от радости, Виллем повернул коня и понесся по этому следу. След был совсем недавний — жираф прошел тут лишь несколько часов назад.

Люди, возбужденные какой-нибудь большой удачей или же большой неудачей, действуют порой не очень благоразумно.

Подумав так, Гендрик напомнил Виллему, что они отправились с целью найти след, но не затем, чтобы идти по нему; для этого им нужна помощь Конго со Следопытом, нужно запастись едой и всякими другими вещами, необходимыми для двух или трех дней пути.

Уверенный, что к тому времени, пока они доберутся до дома бура и вернуться назад, жирафы опередят их не меньше чем на десять — пятнадцать миль, Виллем счел доводы Гендрика нелепыми; он по-прежнему ехал по следу, словно не слышал их.

Гендрику и Аренду ничего другого не оставалось, как ехать за ним. Вскоре Аренд заметил, что следы слишком велики, чтобы они могли быть оставлены жирафом-детенышем.

— Все это твоя фантазия, — возразил Виллем, не задерживаясь.

— Но тут проходил только один жираф, — сказал Гендрик, когда они отъехали еще немного.

— Ну и что же? Нам некогда искать второго, — ответил Виллем. — Он не уйдет далеко от товарища, и мы, вероятно, найдем их вместе.

Слова Виллема не убедили его спутников. Они не сомневались, что преследуют только

одного жирафа, вдобавок более крупного, чем те, которые у них пропали. Они снова отважились высказать свое мнение.

— Чепуха! — воскликнул Виллем. — В этих местах за последние десять лет не видели ни одного жирафа, кроме тех двух, которых мы сюда привели.

Это заявление мог бы подтвердить любой из поселенцев на целых сто миль вокруг. Тем не менее оно было неверно, и наши любители приключений вскоре в этом убедились.

Не успели они проехать еще милью, как перед ними смутно вырисовалось крупное туловище жирафа и голова на высокой шее. Увидев его, они прищипорили лошадей и понеслись навстречу.

Они были уже ярдах в трехстах от него, и только тогда жираф их заметил.

Началась погоня. Первые десять минут расстояние между охотниками и убегающим жирафом оставалось прежним.

Постепенно оно стало уменьшаться. Жираф, по-видимому, совсем изнемог, хотя бежал недолго; потом он попал в болото, где его стало засасывать в грязь. Он отчаянно старался удержаться на ногах, потом свалился на бок.

Подъехав ближе, преследователи поняли, почему так быстро закончилась охота за ним. Их только удивило, как этот жираф вообще в состоянии был бежать.

Это оказался старый самец, от которого остались лишь кожа да кости. Можно было подумать, что это последний из вымирающего рода жирафов. На спине у него и по всему телу виднелись шишки величиной с грецкий орех, следы старых ран, — видимо, в него стреляли из мушкета и пули сидели в его теле уже несколько лет. В боку у него торчал ржавый наконечник стрелы.

За ним, должно быть, охотились лет двадцать подряд, и сотни раз он был на волосок от смерти.

Его враг человек взял наконец верх и смотрел сейчас на его мучения, не торжествуя, а скорее с жалостью и состраданием.

Наши охотники не радовались, что нагнали и захватили животное, так долго боровшееся со смертью. Виллем, который воспрянул было духом, загоревшись надеждой вернуть пропавших жирафов, опять приуныл. На эту беспечную погоню было затрачено много времени.

Он был не из тех, кто легко впадает в отчаяние, но теперь настоящее отчаяние овладело им. Близилась ночь, и, по всем признакам, очень темная. Движимый то ли жалостью, то ли досадой, он выпустил из своего ружья пулю в голову издыхающего жирафа и, вскочив в седло, повернул к дому бура.

Они попытались найти пропавших жирафов, но им не повезло. Наступает ночь. Сегодня ничего больше нельзя сделать, и Виллем объявил, что готов возвратиться в Граф-Рейнет и умереть.

Он потерял всякую надежду и всякий интерес к жизни.

Гендрик и Аренд, хоть и сочувствовали ему в этой общей для всех беде, радостно переглянулись. Теперь можно будет вернуться домой.

Глава 66. ВЕСТОЧКА О ПРОПАВШИХ

Весь день небо было обложено тучами, они не рассеялись и после захода солнца. Спустилась ночь, и стало темно, как в аду.

Решив, что нет смысла возвращаться на ночь в дом бура, за десять-пятнадцать миль, разочарованные следопыты привязали лошадей к кольшку и стали ждать утра.

Ночь они провели беспокойно, дремля у костра; на огонь его слетались крупные мотыльки, явилось и несколько гиен, которые противно хохотали, словно издевались над охотниками в их горе. Они находились сейчас в такой части страны, которую, казалось, покинули все благородные звери и где остались лишь самые презренные.

Занялась заря, и путешественники сели на лошадей и направились к ферме бура.

Милях в пяти от дома бура они встретили двух незнакомых всадников. — Тоброе утро, тшентльмены! — приветствовал их один из незнакомцев, подъехав близко. — Очень рат встретить людей на этой дороге. Вы не видели наших лошадей?

— Каких — тех, на которых вы едете? — спросил Гендрик.

— Нет, не этих, у нас еще пять лошадей. Вернее, три коня и две кобылы — все они без сетел, без узтечек: у рыжего коня один глаз и белое пятно на левой задней ноге, у одной кобылы — звездочка на лбу и...

— Нет, — прервал его Гендрик, — мы выехали вчера утром, но не видели никаких заблудившихся лошадей, ни единой лошади, кроме тех, которые под нами.

— Значит, нам незачем искать их в той стороне, где вы были, — заметил второй всадник, правильно произнося слова по-английски. — Не скажете ли вы нам, откуда вы едете?

Гендрик рассказал коротко историю их путешествия за последние сутки и, между прочим, упомянул, что ездили они искать пропавших жирафов. — Если вы ездили за этим, — сказал всадник, который говорил на правильном английском языке, — мы можем кое-чем вам помочь. Как я понял из ваших слов, вы остановились у минхера ван Ормона. Вчера мы искали своих лошадей милях в десяти южнее его фермы и видели там двух жирафов. Первый раз в жизни я увидел жирафов. Под нами были плохие лошади, и мы подготовились к охоте только за своими пропавшими лошадьми, а то бы мы погнались за жирафами.

— В десяти милях южнее фермы! — воскликнул Виллем. — А мы-то их ищем в двадцати милях севернее! Ну и дураки же мы! Что делали жирафы? — возбужденно спросил он, обращаясь к человеку, снова пробудившему в нем сладостную надежду. — Они паслись или бежали?

— Они шли рысцой к югу, но, увидев нас, побежали быстрее. Мы находились от них в четверти мили, не дальше.

От нетерпения нашим путешественникам не стоялось на месте. Получив еще несколько указаний, они попрощались с незнакомцами и поспешили к дому бура.

Первым, кого они встретили в воротах, был минхер ван Ормон.

— Я вижу, вас постигла неутача, мальшики мои, — сказал голландец, когда они подъехали. — Я знал, что так будет. Ширафы слишком талеко от вас ушли.

— Да, слишком далеко на юг, — ответил Виллем. — Но мы получили о них кое-какие сведения и немедленно должны ехать. Где наши спутники?

— Они ушли отсюда фчера утром тута, где есть трава для быков. Теперь они ждут вас на юге.

— Отлично, — заметил Гендрик. — Надо скорее ехать к ним, только сначала, я думаю, не мешало бы слегка подкрепиться. Я умираю от голода. Минхер ван Ормон, нам снова придется злоупотребить вашим гостеприимством.

— Пошалуйста, мальшики мои, это отню утовольствие тля меня. А кто сказал, что я ван Ормон?

— Те самые люди, что сказали нам про жирафов. Они искали пропавших лошадей.

— Это, толжно быть, мой сосед Клоотс, он шивет в пятнатцати милях отсюда на восток. Так они сказали, что вители ширафов? Где и когда они их вители?

— Вчера утром, милях в десяти к югу, как они сказали.

— Может, они отправились в Грааф-Рейнет перетать, что вы туда едете? Хе-хе! Это ошень таже хорошо, — засмеялся бур.

Потом он повел гостей к дому. По дороге, проходя мимо одной из хижин, охотник с удивлением заметил Конго, быстро скрывшегося за углом.

Для Конго эта встреча была, видимо, неожиданной и нежелательной, так как он повернул назад с явным намерением их избежать.

Опять загадка.

— Эй, Конго, поди сюда! — крикнул Виллем. — Почему ты здесь? Почему не со всеми

остальными?

Конго ничего не ответил и прошмыгнул в хижину.

Бур принялся объяснять, что кафр захотел служить у него, — сказал, что не пойдет дальше со своими прежними хозяевами, так как они обрушились на него за то, что он упустил жирафов. Сам он, ван Ормон, на это странное решение Конго ничем не повлиял.

— Этого не может быть, — сказал Виллем. — Здесь какая-то ошибка. Он врет, если сказал, что мы его побили. Я, возможно, ругал его, да, сознаюсь, но я не знал, что он так чувствителен. Мне жаль, если я его обидел, и я готов извиниться.

Минхер ван Ормон подошел к двери хижины и приказал Конго выйти.

Как только Конго показался в дверях, Виллем извинился за грубые слова, которые он сказал, и, обращаясь к нему, как к другу, просил забыть об этом, простить его и вернуться вместе с ними в Грааф-Рейнет.

Во время этого разговора бур пронизательно смотрел то на хозяина, то на слугу, словно знал, чем разговор закончится. И в глазах его блеснула радость, когда Конго заявил, что предпочитает остаться у нового хозяина, и только просит Виллема заплатить ему за прежнюю службу.

Будь Конго одним из его братьев, Гансом или Гендриком ван Блоомом, Виллем не мог бы горячее добиваться примирения. Наконец, выведенный из себя необъяснимым поведением своего старого слуги, он с презрением от него отвернулся и вместе с Гендриком и Арендом вошел в дом.

Приказав подать гостям холодной говядины, каравай темного хлеба и бутылку капского вина, бур опять вышел. Он поспешно направился к одному из загонов, где слуга-готтентот седлал лошадь.

— Пит, — торопливо сказал хозяин, — скорее, паренек, сатись на лошадь и скачи на север, пока не встретишь моего брата и Тшеймса. Скажи им, чтоб еще час не потходили к дому ближе чем на полмили. Шивее отправляйся!

Через две минуты готтентот был уже в седле и мчался в указанную ему сторону.

Утолив голод, поблагодарив хозяина и его толстуху-жену за гостеприимство и пожелав им всего доброго, охотники поскакали к югу. Им не терпелось скорее встретиться с Гансом и вновь отправиться на поиски жирафов.

Глава 67. ПОЧЕМУ КОНГО ОКАЗАЛСЯ ИЗМЕННИКОМ

Не желая больше злоупотреблять гостеприимством минхера ван Ормона, Ганс покинул его дом, намереваясь разбить где-нибудь неподалеку лагерь и ждать там возвращения товарищей.

Бур не очень его отговаривал, и Ганс пошел к макололо, чтобы подготовить их к переезду. Они все еще чувствовали себя скверно после первого в их жизни опьянения, и, войдя в хижину, где они провели ночь, Ганс застал их преисполненными того особого раскаяния, которое приводит к твердому решению никогда больше не брать в рот спиртного.

Когда макололо сказали о пропаже жирафов, казалось, угрызения совести привели их в неистовство, а один из них рвал на себе свои курчавые волосы и все твердил:

— Комби! Комби!

Ганс знал, что так называется распространенный у макололо смертельный яд.

Эти четверо несчастных всецело винули себя за пропажу жирафов и были, как видно, благодарны, что после этого их все-таки оставили в живых.

Когда лошадей и быков уже навьючили и все было готово, чтобы тронуться в путь, Конго заявил о своем решении остаться.

— Что это значит, Конго? — спросил Ганс. — Ты сердись на хозяина за то, что он тебя ругал? Забудь об этом. Он не хотел обидеть тебя. Что же ты думаешь делать?

— Не знаю, баас Ганс, — угрюмо ответил Конго. — Ничего не знаю.

Уверенный, что Конго злится лишь на себя за свое поведение прошлой ночью и что он

скоро остынет, Ганс не пытался его переубедить. Он уехал вместе с Чернышем и макололо, которые гнали быков, а Конго со своей собакой остался.

Ганс направился к югу: в этой стороне трава была лучше. Милях в пяти от дома бура он нашел рощу, через которую протекал ручеек. На его берегу Ганс решил разбить лагерь и дожидаться возвращения товарищей.

Он покинул дом бура неожиданно и, пожалуй, даже несколько бесцеремонно, и, если бы у него потребовали объяснений, почему он так сделал, он привел бы какие-то самому ему неясные и малоубедительные доводы, и все же они у него были. Прежде всего ему хотелось увести макололо, всецело оставленных на его попечение, от искушения снова приложиться к капской водке.

Однако это опасение было совершенно неосновательно — посланцев Макоры, даже если бы они уже избавились от головной боли и перестали терзаться угрызениями совести, ничто не заставило бы сейчас снова напиться.

У Ганса, философа по складу характера, было сколько угодно терпения. Черныш и макололо нуждались в покое, чтобы прийти в себя после вчерашнего пьянства. Быкам и лошадям не мешало пожевать травки, буйно росшей на берегах ручья. Все, таким образом, могли бы недурно провести день, поджидая товарищей.

Настала ночь, всех лошадей и быков согнали вместе, и они, по обыкновению

— к этому их давно приучили, — улеглись поближе к большому костру, разложенному на опушке рощи.

Ночь прошла без каких-либо происшествий, но на рассвете всех разбудил лай собаки, и вскоре их приветствовал знакомый голос.

То был Конго.

— Я знал, что ты лучшего мнения о нас и вернешься! — сказал Ганс, обрадовавшись, что опять видит перед собой верного кафра.

— Да, я пришел, — ответил Конго, — только я не останусь. Я опять уйду.

— Что ты? Зачем же ты, в таком случае, пришел?

— Чтоб увидеть бааса Виллема, а его тут нет. Скажите ему, когда вернется, чтоб ждал Конго. Скажите, чтоб ждал два дня, четыре дня, чтоб ждал, пока Конго не вернется.

— Но Виллем побывает у бура до того, как придет сюда, и ты сам его увидишь.

— Нет, я, верно, уйду с быками бура. Я теперь у него работаю. Скажите баасу Виллему, чтоб ждал Конго.

— Я, конечно, скажу ему, — ответил Ганс, — но ты что-то от меня скрываешь. Зачем тебе нужно видеть твоего хозяина, если ты так на него обижен, что покинул его? Отчего ты не идешь с нами?

— Не знаю, — был неопределенный ответ. — Этот дурак Конго ничего не знает.

— Мне надо что-то сказать про Конго, — вмешался Черныш. — Конго всегда говорит правду. И теперь говорит правду.

Кафр улыбнулся, видимо довольный замечанием Черныша.

Попросив еще раз передать Виллему, чтобы тот его ждал, Конго поспешно ушел вместе со Следопытом.

В его поведении была какая-то тайна, и Ганс не понимал, в чем тут дело. Оставалось согласиться с объяснением самого Конго. По-видимому, он действительно глуп — во всяком случае, поступает очень глупо.

С наступлением утра Ганс начал верить, что поиски следопытов увенчались успехом. Должно быть, они напали на след жирафов и пошли по нему, иначе они давно бы уже вернулись.

Зная Виллема, Ганс был уверен, что, если тот напал на след, он не остановится и будет идти дальше, пока у него хватит сил. Жирафы сделались совсем ручными. Почему бы и на самом деле их опять не поймать? Однако в полдень надежды рухнули — Виллем и его друзья вернулись с пустыми руками.

— Вам не повезло, — сказал Ганс, когда они подъехали, — но ничего, не все еще

потеряно; у нас есть надежда благополучно возвратиться домой.

— У нас есть и другая надежда, — возразил Виллем. — К нам дошла весть о жирафах. Вчера утром их видели милях в десяти к югу отсюда. Без них нам нельзя вернуться домой. Мы не охотники, если их не поймает! Надо немедленно пуститься вдогонку.

Чернышу и макололо приказали гнать быков, и все стали собираться в дорогу.

Когда навьючили быков и лошадей. Виллем сказал:

— Нам будет сильно недоставать Конго и Следопыта. Без них нам будет худо.

— Ах да, чуть не забыл тебе сказать! — воскликнул Ганс. — Конго утром был здесь и просил передать, чтобы ты его ждал. Он очень хотел тебя видеть и сказал, чтобы ты его ждал четыре дня, а то и больше, если он за это время с тобой не свидится.

— К счастью, ради этого не стоит задерживаться, — заметил Виллем. — Я только что виделся с этим неблагодарным негодяем — всего полчаса назад.

— Вот как? И чего же он хотел?

— Только получить с меня жалованье, которое я задолжал ему за последний год службы. Никогда в жизни я так не обманывался в человеке! Ни за что бы не поверил, что Конго способен стать изменником и сбежать от меня.

На этом разговор кончился, так как все занялись приготовлениями к отъезду.

Глава 68. ТЬМУ ПРОРЕЗАЕТ СВЕТ

Спустя полчаса охотники поехали дальше.

— Жаль, что нам пришлось расстаться с Конго, — сказал Виллем, когда быков перегоняли через речку. — Я, правда, нисколько не жалею об этом неблагодарном негодяе, но, боюсь, без него мы не сможем напасть на след жирафов. Он и Следопыт были бы для нас теперь неоценимы.

— Я думаю, жирафы вряд ли найдутся, — заметил его брат. — Мы сейчас в населенных местах, и здесь им не знать покоя. Или они быстро отсюда удерут, или первый встречный подстрелит их.

— Я уже думал об этом, — заметил Виллем. — Но еще день-другой я хочу надеяться. Мне легче будет перенести эту потерю, если никому не удастся получить обещанную награду. Но бур говорил, что его брат отправился в такую же экспедицию, как мы, и, если он добудет жирафов, у меня пропадет всякое желание жить.

Они не успели еще далеко уйти, как все заметили, что с Чернышем творится что-то неладное. Похоже было, что он намерен вернуться назад. Он бормотал про себя что-то невнятное, как делал обычно, когда был чем-нибудь смущен или раздражен. Наконец, не справившись с охватившим его волнением, он подъехал к Виллему и спросил:

— Что вы такое сейчас сказали, баас Виллем, про брата того голландца?

— Право, не помню, Черныш, — ответил Виллем. — Кажется, сказал, что он тоже отправился за жирафами и награду получим не мы, а он. Почему ты спрашиваешь?

— Разве они тоже пошли на север, как мы?

— Да, так сказал бур.

— И давно?

— Мне помнится, он говорил — с полгода назад.

— Что же мне раньше не сказали?

На этот вопрос Виллем не счел нужным отвечать, и на несколько минут Черныш был предоставлен своим мыслям.

Но вот он снова заговорил.

— Баас Виллем, — сказал он, — давайте-ка остановимся и потолкуем немножко. Дурак-то не Конго, а Черныш. Это я дурак, верно вам говорю.

— Хорошо, но для чего же нам останавливаться и о чем говорить? — спросил Виллем.

— Брат этого бура ведь вернулся с севера. Он там не поймал никаких жирафов, — ответил Черныш. — Зато теперь, наверно, уже добыл.

И тут Ганса, прислушивавшегося к этому разговору, как будто осенило. Загадочное поведение Конго стало для него куда яснее.

Последовал приказ немедленно остановиться, и все окружили Черныша.

Чуть ли не двадцать минут охотники вытягивали у Черныша все, что он мог сообщить. Его забросали чуть ли не сотней вопросов и из его ответов узнали, что в хижине, где Конго и макололо так весело провели время, они видели одного готтентота, возвратившегося недавно из поездки на север.

Черныш об этом догадался по тем нескольким словам, которые этот человек пробормотал, опьянев от водки.

Потом его вызвали из хижины, и Черныш больше не видел его и не вспоминал о сказанных им словах.

Теперь, когда он услышал, что у бура есть брат, отправившийся на север охотиться на жирафов, у него мелькнула мысль, что пьяный готтентот ездил туда не один.

По всей вероятности, он сопровождал экспедицию. Экспедиция эта не удалась, и братья бура украли тех двух жирафов, которых теперь ищут хозяева Черныша.

Чем больше размышляли охотники над этим предположением, тем более вероятным оно казалось.

Несомненно, Конго заподозрил что-то неладное, но свои сомнения держал при себе, боясь ошибиться.

Не задержался ли он у бура в надежде узнать правду? То, что он нагрубил прежнему хозяину в присутствии бура, могло быть уловкой: он хотел обмануть бура, чтобы получить возможность узнать, что тот замыслил. Все это вполне соответствовало характеру Конго, и Виллем был очень рад, что именно этим и объясняется его поступок.

— В последний раз, когда я видел его, — сказал Виллем, — я подумал, что он ведет себя не совсем так, как вел бы себя предатель. Я теперь вижу, что все мы оказались дураками. Надеюсь, что так. Я немедленно возвращаюсь, чтобы повидаться с Конго. Я попрошу у него объяснения. Он мне все скажет, если бура при этом не будет.

— У меня возникла другая мысль, — сказал Гендрик. — Те двое, что искали своих лошадей и сказали, будто видели наших жирафов на юге, соврали. Не похожи они были на людей, которые говорят правду. Теперь я понимаю: мы оказались простаками, нас ничего не стоило обмануть. Эти люди — братья бура, они-то нас и обворовали.

— Ты прав, — сказал Ганс, — а минхер ван Ормон помогал им. Вот чем объясняется его радушие и гостеприимство! Нас действительно провели, как последних дураков. Теперь никто уже не сомневался, что жирафов украли бур и его братья, и наших охотников это даже обрадовало. Куда утешительнее, что животных украли, чем если бы они блуждали невесть где. Теперь больше надежды найти их.

Мы легче верим в то, во что больше всего хотим верить, и все согласились, что принадлежавших им жирафов тайком увели из загона.

Не обмолвившись больше ни словом, Виллем повернул коня и поскакал обратно к ферме ван Ормона.

Бур встретил его за воротами и явно удивился возвращению своего гостя. Виллем сразу заметил, что его появление совсем некстати. Лицо бура выражало недовольство, и во взгляде его мелькнула тревога.

— Я вернулся, чтобы поговорить со своим прежним слугой, — сказал Виллем.

— Он прослужил у меня много лет, и мне не хочется расстаться с ним из-за пустяков. — Очень хорошо, — ответил ван Ормон. — Можете его повидать, когда он вернется. Он погнал быков. Возьмите его с собой, когда будете уезжать, если хотите.

Солнце клонилось к закату, и Виллем знал, что Конго должен скоро пригнать стадо. Он отъехал от дома, рассчитывая встретить его. Вскоре на равнине действительно показалось большое стадо, и, объехав его, Виллем увидел Конго и с ним двух готтентотов. Конго ни слова не сказал своему прежнему хозяину в присутствии посторонних; он был всецело занят стадом, словно не замечал Виллема.

«Мы ошиблись в своих предположениях, — подумал Виллем. — Конго в самом деле изменил мне. Ни один человек не сумел бы так притворяться. Я могу ехать обратно».

Он хотел уже повернуть назад, когда Конго, заметив, что готтентоты ушли на несколько шагов вперед и разговаривают между собой, пробормотал:

— Уезжайте, баас Виллем, ждите меня в лагере. Я буду там завтра утром.

Виллем несказанно обрадовался. Этих слов было достаточно, чтобы убедить его в верности Конго — в том, что он старается для них и все кончится хорошо. Охотник вернулся к друзьям веселый и счастливый — таким он был два дня назад, когда сидел у очага хозяина-бура, слегка навеселе от выпитой водки.

Глава 69. КАФР УЗНАЕТ СЛИШКОМ МНОГО

Узнав об исчезновении жирафов, Конго решил, что в этом больше всех виноват он сам. Совесть говорила ему, что он пренебрег своими обязанностями. Сожаление о случившемся преисполнило его твердой решимости сделать все, что только можно, чтобы найти пропавших жирафов. Осматривая пролом в изгороди, через который они убежали, он усомнился в том, что они сами сломали ее. Они могли выворотить столбы, налегши на них всей тяжестью тела, но тогда он услышал бы шум, так как жирафы находились ярдах в десяти от хижины, где он спал. Столбы, к которым жирафы были привязаны, лежали тут же, а ведь если бы их вывернули животные, стараясь сорваться с привязи, они оттащили бы столбы в сторону. Конго заподозрил, что столбы повалены были человеческими руками; но так как его спутники, видимо, не думали этого, он решил, что, должно быть, ошибается. Оттого он и утаил свои подозрения. Он мог сказать, что услышал бы, если бы изгородь действительно повалили жирафы, но тогда ему бы ответили: «Ты был так пьян, что ничего не слышал», — и его словам не придали бы значения. Но он знал, что был не настолько пьян.

Он заметил и еще кое-что, подкрепившее его подозрения. Ему вспомнился готтентот, хваставший спьяну, что он недавно вернулся с севера, где видел, как охотились на жирафов и как их убивали. Конго слышал, что готтентота вызвал из хижины человек, говоривший по-английски не чисто, а как бур. Но это не был голос здешнего хозяина, которого Конго видел в начале вечера, а так как других белых, кроме хозяина, он здесь не видал, значит, появился кто-то еще.

Но и это еще не все: ведь, помимо жирафов, пропало также несколько верховых лошадей из тех, что стояли прошлой ночью в стойлах. Вот почему Конго решил остаться здесь и наблюдать. Он притворился, будто хочет наняться к буру на службу, и тот согласился взять его.

Каждый день случалось нечто такое, что подтверждало подозрения Конго. Он заметил, как готтентота куда-то услали, пока Виллем, Гендрик и Аренд завтракали в доме, а когда они уехали с фермы, прибыли двое белых, которые вели себя здесь как дома. Конго подумал, что эти люди были здесь и в ночь, когда исчезли жирафы, и заподозрил в них воров. Он видел, как они опять отправились в ту сторону, откуда приехали, снаряженные словно для охоты или далекой поездки. Он хотел было пойти следом за ними, но не отважился, боясь, как бы бур, хозяин фермы, его не заметил и не заподозрил что-нибудь.

Думая, что за ночь эти люди далеко не уйдут, Конго решил выследить их на следующее утро. Едва рассвело, он незаметно выбрался из сарая, где провел ночь; напав на их след, он двинулся по нему и увидел вскоре то, что убедило его в справедливости всех подозрений.

Пройдя еще миль десять, Конго оказался среди нескольких гряд крутых холмов, между которыми зияли узкие, глубокие ущелья. Он взобрался на вершину одного из холмов и увидел поднимавшийся из ущелья дымок.

Швырнув на землю шляпу, он приказал собаке ее сторожить, а сам, крадучись, пополз на дымок и вскоре разглядел, откуда он поднимается. Укрытый в тени густых деревьев, горел костер, словно там расположились на отдых охотники.

Увидев животных, которые были привязаны к деревьям, Конго понял, что люди,

разложившие костер, не охотники, а воры. К деревьям были привязаны два жирафа — те самые, которых Конго погонял сотни миль.

Вопреки его ожиданиям, жирафов стерег только один человек, и это не был один из тех двоих, которых Конго видел накануне вечером в доме ван Ормона. Должно быть, люди, которых он выслеживал, приходили в лагерь, а потом опять ушли. Но их отсутствие не имело для него большого значения. Жирафы находились здесь, и больше ему ничего не нужно было. Теперь он мог уйти и привести сюда настоящих хозяев, а уж они сумеют отстоять свою собственность. И если бы те двое, которых он выслеживал, были у костра в лагере, ему удалось бы выполнить свой план. Но, к несчастью, их здесь не оказалось.

Запомнив все приметы этого места, Конго повернулся, чтобы уйти.

Не успел он сделать и двадцати шагов, как услышал выстрел. Следом за выстрелом донесся жалобный вой — это взвыл Следопыт. В это же мгновение из кустов, росших на гребне холма, вынырнули два всадника. С одного взгляда он узнал, в них тех самых людей, которых видел накануне вечером у ван Ормона. Их-то он и выслеживал.

Присев в кустах, он попытался спрятаться, но это ему не удалось.

Один из всадников что-то крикнул, и Конго понял, что его увидели, а вскоре быстрый топот копыт сказал ему, что всадники скачут к месту, где он спрятался. Он не надеялся удрать от них, хотя бегал быстро; все же инстинктивно он кинулся бежать. Пока он мчался вниз по крутому склону, всадники не могли его нагнать. Однако на ровном месте они быстро поравнялись с ним, и этой погоне был сразу положен конец; один из преследователей ударил Конго сзади прикладом ружья — и он свалился ничком.

Глава 70. КОНГО — ПЛЕННИК

Всадники с торжествующим криком осадили коней.

— Что же это ты остановился? — спросил человек, ударивший Конго. — Что не бежишь дальше? — добавил он с дьявольской усмешкой, склонившись над упавшим.

— Да, да, почему ты не бежишь рассказать этим дурням, где их жирафы? Почему ты остановился? — спросил второй.

К лежавшему на земле почти без чувств Конго обращались те самые люди, которые за два дня до этого попались навстречу Виллему, Аренду и Гендрику, — люди, направившие их на юг искать жирафов. Один из них приходился братом минхеру ван Ормону, другой — братом его жене. Они были из тех людей, которые долгие годы жили на границе колонии и занимались отчасти тем, что нападали на туземцев и грабили их скот, а отчасти тем, что скупали у местных жителей страусовые перья и слоновую кость. Они только недавно возвратились из неудачной экспедиции на север, которую предприняли с целью добыть молодых жирафов и получить за них награду, обещанную голландским консулом. Когда они увидели в краале у своего родича ван Ормона тех самых животных, которых они тщетно пытались добыть, потратив столько усилий и времени, они не устояли перед соблазном присвоить их. Они решили спрятать жирафов среди холмов и держать там до тех пор, пока владельцы не откажутся от поисков и не вернутся домой.

Тогда они смогли бы отвести жирафов в Кейптаун и передать их консулу, а прежние владельцы так и не узнали бы, как ловко их провели.

К несчастью для Конго, в это утро они вышли подстрелить какую-нибудь дичь на завтрак и возвращались как раз в то время, когда он следил за их лагерем.

— Это тот негодяй, что прикинулся, будто поссорился со своим прежним хозяином, — сказал человек, который сбил Конго с ног. — Я советовал ван Ормону отослать его со всей компанией, но он был уверен, что кафр не хочет им помогать и не сумел бы, если бы даже хотел. По глупости ван Ормона, наш план чуть не сорвался. Хорошо, что мы успели вовремя и поймали этого черномазого. Но что теперь с ним делать?

— Убьем его, — ответил второй, брат ван Ормона. — Нельзя, чтобы он вернулся к белым. Они придут и все у нас отнимут.

— Вполне возможно. Бывают скверные люди, способные на все. Но я уже наполовину его убил, теперь твой черед — прикончи его, если хочешь.

— Нет, Джеймс, ты начал, тебе лучше и кончить это дельце.

Конго попал в руки гнусных негодяев, однако ни один из них не хотел нанести последний удар; так и не решив, что делать с Конго, они связали ему руки за спиной.

Потом они помогли ему подняться и повели его, шатающегося, словно пьяный, к себе в лагерь.

Немного оправившись от удара, Конго понял, в какую беду он попал. Из их разговоров он догадался, что его хотят убрать с дороги. А их свирепые взгляды и жесты говорили ему, что жизнь его висит на волоске. Люди, которым он попался в руки, не отпустят его. Он слишком много знает, и они не оставят его в живых. Нечего рассчитывать на помощь хозяина и его товарищей — они ждут его далеко отсюда.

— Так вот какая дичь вам досталась! — воскликнул человек, сидевший у костра, когда эти двое подъехали, волоча за собой пленника.

— Да, а раз ты повар, приготовь ее нам на обед, — ответил тот, которого звали Джеймс.

— Что все это значит? — спросил человек, сидевший у костра.

— Только то, что мы поймали шпиона. Он выследил нас, но не успел еще навредить. Нам повезло, и теперь все будет в порядке. Можешь не сомневаться, ведь мы его схватили.

Негодяи долго совещались между собой и единодушно решили, что пленника надо убить. Нельзя оставить его в живых. В конце концов они попадутся, даже если годами будут держать его в неволе. Ему надо заткнуть глотку навсегда. Есть лишь один способ заставить его молчать: не дать ему уйти отсюда живым.

И все же они не могли на это решиться. Они не знали, предпринял Конго слежку на свой страх и риск или с ведома и по наущению своих хозяев. В первом случае его можно убить, не опасаясь последствий, но, если о его затее знают, им грозит большая опасность. Один из троих — брат ван Ормона — заявил, что вернется домой и, по возможности, проверит, как обстоит дело. Остальные двое охотно на это согласились. И, вскочив на лошадь, брат ван Ормона помчался к ферме своего родича. Как только он уехал, двое оставшихся привязали Конго к дереву и, усевшись в тени акаций, занялись игрой в карты.

Прошло четыре часа — эти часы показались Конго днями. Его мучения были ужасны. Ремни, которыми его руки были привязаны к дереву, врезались в тело, и к тому же душу его терзало сознание, что жить ему осталось недолго.

Впрочем, его мучила не столько боязнь смерти, сколько горячее желание что-либо узнать о судьбе спутников и желание, чтобы Виллем нашел своих жирафов. Теперь он жалел, что не поделился с молодым хозяином своими подозрениями, когда видел его в последний раз. Это уберегло бы охотников от потери жирафов, а его самого — от страшной участи, которая ему сейчас угрожала. Но теперь поздно было сожалеть об этом. Он старался сделать лучше, а получилось хуже.

В полдень брат Ормона вернулся в лагерь.

— Ну, какие новости? — спросил его Джеймс, едва тот подъехал настолько близко, что его можно было услышать.

— Все в порядке. Они нишего не знают. Мой брат велел следить за их лагерем. Они совсем растерялись и скоро уедут домой.

— А ван Ормон уверен, что они не виделись с этим кафром? — спросил Джеймс.

— Виделись. Вчера один из них заявился к брату в дом и виделся с этим малым. Но чернокожий ни одного слова не сказал ему. С них не спускали глаз, пока они были вместе.

— Тогда, может быть, не так уж все благополучно, как ты говоришь. У них тоже могли возникнуть подозрения, как у этого кафра. Какого черта они тянут с отъездом? Не нравится мне, что они так долго околачиваются здесь.

— Уверяю тебя, Джеймс, все обстоит хорошо. Надо только избавиться от этого шпиона. Одно нужно: чтоб он никогда больше не свиделся со своими болванами хозяевами.

Что нам с ним делать?

— Всадить в него пулю, — сказал человек, оставшийся стеречь жирафов. — Да, так или иначе, а убить его необходимо, — подхватил Джеймс. — Только кто из нас это сделает? Жалко, что мы его не пристрелили, когда он удирал от нас. Это было бы в самую пору. Теперь, когда я поостыл, мне не хочется этого делать.

Как ни гнусны были эти негодяи, им не хотелось хладнокровно убить человека. Они решили, что Конго должен умереть, но ни один из них не желал убить его своими руками.

После долгих пререканий и споров брату ван Ормона пришла вдруг в голову блестящая мысль. Он предложил отвести пленника к озерку, находившемуся в ущелье на некотором расстоянии отсюда, привязать к дереву и оставить там на всю ночь.

— Я каждое утро вижу там львиные следы, — сказал он с дьявольской усмешкой. — Головой ручаюсь, что мы найдем завтра вместо этого черномазого лишь пятна крови.

Такой план всем понравился, и перед заходом солнца они освободили Конго от пут, свели вниз по узкой долине и крепко привязали к деревцу, росшему у самой воды.

Чтобы его не услышал и не освободил какой-нибудь случайный прохожий, они сунули Конго в зубы палку, а концы ее, торчавшие по углам рта, закрепили с обеих сторон куском ремня и тугим узлом стянули ремень у него на затылке.

Проверив прочность этого кляпа, жестокие тюремщики насмешливо раскланялись со своим пленником, пожелали ему «всего хорошего» и зашагали к лагерю.

Глава 71. СХВАТКА У КОСТРА

Виллем с тревогой ждал наступления утра и обещанного прихода Конго.

Но наступило утро, потом день, а Конго все не было. Виллема охватило нетерпение, и он не мог больше оставаться в лагере.

— Ждать больше нельзя! — воскликнул он, увидев, что солнце клонится к закату. — Мы не должны сидеть сложа руки. Что, если Конго просто не может прийти? Конечно, не может, а то он давно был бы здесь. Мы должны его разыскать. Только незачем ехать всем сразу. Гендрик, едешь со мной?

Гендрик охотно согласился. Оба сели на лошадей и двинулись к дому ван Ормона.

По тому, как вел себя в последний раз Конго, Виллем понял, что его посещения фермы нежелательны. Вероятно, Конго думал, что они помешают его планам и навлекут на него подозрения.

Однако Виллем решил, что попытается еще раз увидеться с кафром.

Конго нарушил обещание, и это доказывало, что с ним что-то произошло.

Теперь, когда они снова посетили минхера ван Ормона, этот джентльмен не стал с ними церемониться и откинул в сторону всякую вежливость.

— Шерномазый негодяй, которого вы зовете Конго, — сказал он, — ушел отсюда вшера ночью. Мы думали, он с вами. Когда вы его опять найдете, шаберите его к шорту, если хотите, и там его и оставьте.

— Как ты думаешь, он действительно ушел от бура? — спросил Виллем Гендрика, когда они отъехали от фермы ван Ормона.

— Да, — ответил Гендрик, — я не вижу оснований не верить этому.

— Но почему Конго не пришел ко мне, как обещал?

— Вероятно, у него была для этого веская причина.

— Хотел бы я знать, куда он пошел?

— На это ответить нетрудно, — сказал Гендрик. — Кажется, я могу тебе сказать, и не глядя на компас. Он находится на севере от нас и чуть-чуть к востоку.

— С чего ты это взял?

— А с того, что именно в этой стороне мы встретили двоих всадников на другой день после пропажи жирафов. Больше того: мы можем с уверенностью сказать, что они не на юге, потому что эти люди нарочно направили нас на юг, чтобы сбить со следа.

Виллем, слишком взволнованный, чтобы вернуться в лагерь ни с чем, предложил проехать по равнине на северо-восток, рассчитывая что-либо узнать о Конго. Гендрик согласился. Отъехав к югу от дома ван Ормона примерно на милю, они повернули, объехали его вокруг и направились на северо-восток.

Они не очень надеялись натолкнуться на того, кого искали, но бездействие томило их, а так как предположение Гендрика не лишено было смысла, то они за него ухватились.

Проскакав миль пять по равнине, охотники заметили несколько холмов, неясно вырисовывавшихся на северо-востоке. До холмов, видимо, было мили четыре.

— Подходящее местечко, чтобы укрыть там наших жирафов, — заметил Гендрик.

— Не прятать же их на ровном месте! Если мы их там не найдем сегодня вечером, то поделом нам, что они пропали.

Солнце садилось, когда путешественники достигли гребня первой гряды холмов. Взглянув назад, на дорогу, по которой только что ехали, они увидели, что какой-то всадник пересекает равнину на расстоянии мили от места, где они остановились.

— Последим на этом человеком, но так, чтобы не выдать себя, — сказал Гендрик. — Может быть, мы найдем то, что ищем. Если только это не один из воров, то уж наверняка посланец от ван Ормона. Судя по тому, как ведет себя этот бур, я теперь твердо убежден, что жирафов у нас украли, а ван Ормон и есть вор.

Укрывшись среди деревьев, охотники спешили и, привязав лошадей, стали следить за всадником, приближавшимся со стороны равнины.

В сумерках им было видно, как он медленно поднялся на холм несколько восточнее от них и, идя по гребню, направился к следующему холму.

Стало темно, и, чтобы не потерять его из виду, надо было бы подъехать к нему совсем близко.

Это было опасно: вдруг он услышит стук лошадиных копыт? Охотники подождали, пока он уехал далеко вперед, а затем медленно и бесшумно направились в ту же сторону, надеясь, что счастливый случай наведет их на его след.

И случай помог им.

Поднявшись на холм в полумиле от места, откуда они в последний раз видели всадника, они заметили костер, горевший, видимо, в самом низу долины. Виллем с Гендриком спешили, привязали коней к деревьям и, крадучись, пошли к костру.

По мере того как охотники приближались к нему, он становился все больше, все ярче.

Они подходили ближе и ближе, нисколько не рискуя, что их заметят, пока наконец не разглядели троих людей, сидящих у костра. Те были, по-видимому, всецело поглощены разговором.

Если бы не тот всадник — он уже повернул назад, к ферме ван Ормона, — Виллем и Гендрик, вероятно, долго блуждали бы меж холмов, так и не заметив ничего, что вознаградило бы их за поездку. Но теперь они увидели нечто такое, что Виллем весь задрожал от радости и едва удержался, чтоб не вскрикнуть.

Подозрения Конго, основанные на инстинкте или на логике, оказались не пустой выдумкой. Привязанные к дереву у ярко пылающего костра, стояли два жирафа-детеныша. Они не забрели куда-то, их просто украли.

Оба охотника стали торопливо совещаться. Необходимо вернуть жирафов, но как это сделать? Им не хотелось отстаивать свои права с риском для жизни, но они не хотели также без особой необходимости убивать тех, кто их обокрал.

— Дадим им возможность спасти свою жизнь, — сказал Виллем. — Если они мирно вернут украденных жирафов, мы их отпустим. Если нет, я застрелю их без пощады. Мы сами будем судить их. За сотню миль отсюда не найдешь ни суда, ни магистрата.

Пока они поспешно обдумывали план действий, трое людей, сидевших вокруг костра, стали готовить себе ужин.

Виллем и Гендрик обменялись еще несколькими словами, и план был готов. Они взвели курки своих ружей и, плечом к плечу, неслышно двинулись вперед. Скрытые за

деревьями, они подошли шагов на десять к ничего не подозревающим вора и внезапно вышли на свет.

— Ни с места! — громко и повелительно крикнул Виллем. — Первый, кто шевельнется, умрет, как собака!

Человек, которого звали Джеймс, рванулся было за ружьем, лежавшим поблизости.

— Ни с места, если вам жизнь дорога! — крикнул охотник.

Это предостережение пропало даром: человек схватил ружье и мгновенно прицелился. Но прежде чем он успел спустить курок, прогремел выстрел Виллема, и вор упал головой к костру.

Брат ван Ормона разделил участь приятеля; он тоже попытался было оказать сопротивление, но Виллем пресек попытку, ударив его прикладом своего громобоя. Третий из воров не стал дожидаться такой же участи и пустился наутек, да так быстро, что не всякая лошадь догнала бы его.

Охотники подобрали ружья всех троих воров, разрядили их и разбили в щепы о деревья. Жирафов отвязали и отвели туда, где остались лошади охотников. После этого Виллем с Гендриком вскочили в седла и, ведя за собой жирафов, направились к лагерю, где их ждали друзья.

Судьба двоих людей, которых они бросили возле костра, так и осталась неизвестной нашим охотникам. Впрочем, она и не интересовала их. Покидая это место, они видели, что ни один из этих людей не был ранен смертельно, а так как оставался еще третий, который мог о них позаботиться, то, вероятно, они здоровы; во всяком случае, Виллем и Гендрик на это надеялись.

Глава 72. ВСЕ СНОВА В ПОРЯДКЕ

Привязанный к дереву, с кляпом во рту, всеми брошенный, Конго понимал, что никто не избавит его от пут, разве только какой-нибудь хищный зверь.

Он не сомневался, что, бросив его здесь, люди не вернуться, чтобы его освободить. В голове его теснились невеселые мысли. Такие мысли могут быть у больного, которому врач заявил, что нет надежды на выздоровление.

Конго был не из тех, кто плачет от страха перед смертью; однако его мучила другая, пожалуй, не менее тягостная мысль: он горевал, что больше не увидит своего любимого хозяина и не сможет сказать ему, что жирафы нашлись.

Он даже подумал в ожидании своей неизбежной участи, что встретил бы смерть спокойно, если бы каким-нибудь образом мог сообщить Виллему, где спрятано его сокровище.

Прошел час, и тьма сгустилась вокруг Конго. Наступила ночь.

Несколько зверей, по-видимому антилопы, пришли к озерцу напиться.

Вслед за ними появились шакалы. Вот-вот, думал Конго, придут и другие гости — гости, которые уйдут лишь тогда, когда со всей жестокостью положат конец его плену. А еще через полчаса глаза Конго, пронизывавшие темноту, завидели какое-то четвероногое. Что это за животное, он не знал. Если судить по величине, это мог быть леопард. Медленно и бесшумно зверь подбирался к Конго.

Он придвинулся ближе, и в то мгновение, когда Конго показалось, что зверь сейчас бросится на него, тот заскулил. Конго узнал Следопыта!

Сердце Конго наполнилось радостью. Верный пес жив и не покинул его! Если ему суждено умереть, он умрет возле самого преданного друга, какого только может человек найти среди четвероногих. На время Виллем и жирафы были забыты.

Когда собака была совсем близко, Конго увидел, что она ковыляет на трех ногах, поджав четвертую, и книзу от плеча шерсть у нее вся в пятнах запекшейся крови.

От радости, что видит хозяина. Следопыт, казалось, забыл о своей ране. Никогда в жизни Конго так не хотелось говорить. Но кляп во рту мешал ему. Он не мог сказать ни

одного ободряющего слова существу, которое, невзирая на собственные страдания, его не покинуло. Он знал, что собака ждет знакомых звуков его голоса и смотрит на него с укором — почему он молчит?

Конго не хотел, чтобы даже животное сочло его неблагодарным, но он не мог объяснить Следопыту причину своего молчания.

Вскоре после появления собаки Конго услышал ружейный выстрел. Кафру, с его острым слухом, звук этот показался знакомым. Он был очень громкий, совсем как выстрел из громобоя его хозяина. Но откуда взяться здесь Виллему? Нет, это, наверно, не он. За выстрелом последовало несколько минут полной тишины, затем еще три выстрела подряд, и опять воцарилась тишина. Прошло минут пятнадцать, и вверху на холме послышался стук копыт: по гребню хребта ехали всадники. Конго услышал их голоса, сливавшиеся с тяжелым конским топотом.

Еще немного — и они проедут мимо.

«Воры, — подумал Конго. — Они уходят на другое место».

Всадников отделяло уже не больше ста ярдов от дерева, к которому он был привязан, а когда они поравнялись с ним и Конго уже не сомневался, что они минуют его, не заметив, он услышал вдруг какую-то возню и слова: «Остановись на минутку, Гендрик. Моя лошадь очутилась по одну сторону дерева, а Тутла — по другую».

Голос принадлежал Виллему, а Тутлой звали одного из жирафов!

Конго сделал отчаянное усилие вытащить руки из ремней или освободиться от кляпа, расправившего рот, но все напрасно.

Не было, казалось, никакого средства поднять тревогу, дать знать друзьям, что он тут, совсем близко. Конго не мог ничего придумать.

Они оставляют его одного! Вернутся в Грааф-Рейнет, а он умрет, привязанный к дереву или растерзанный дикими зверями. Он чуть не обезумел от отчаяния, как вдруг его осенило.

Сам он не мог говорить, но почему собаке не сделать этого вместо него?

Ноги у него были свободны, и Конго, подняв ногу, дал пинка Следопыту что было сил.

Бедный пес скорчился и тихо взвизгнул. Его нельзя было услышать и за тридцать шагов. Конго снова поднял ногу и пнул в ребра несчастного пса, который даже не увернулся и снова безропотно принял удар.

Единственным ответом был тихий, жалобный вой, словно Следопыт хотел сказать: «За что ты меня, хозяин? Что я тебе сделал?»

И в ту самую минуту, когда нога Конго поднялась в третий раз, громкий, протяжный рык потряс воздух. То рычал голодный лев, появившийся всего в нескольких шагах от Конго.

Следопыт мигом вскочил на ноги и ответил царю зверей громким, вызывающим лаем.

Верный пес, который ничем не выразил протеста против жестокости своего хозяина, готов был защитить его от любого врага.

Лай Следопыта не похож был на лай других собак, и наши охотники сразу узнали его.

Еще мгновение — и Конго с радостью услышал топот лошадей, рысью спускавшихся с холма, и его окликнул голос Виллема!

Когда его развязали и вынули кляп изо рта, первое, что он сказал, были слова извинения перед Следопытом за те удары, которые он ему нанес.

Бессловесный пес так шумно проявлял свою радость, что можно было подумать, будто он принял эти извинения и искренне простил своего хозяина.

Виллем заставил Конго, который в течение полутора суток оставался без пищи, сесть на его лошадь. Тот согласился, но лишь при условии, что ему позволят взять и Следопыта.

Охотники немедленно тронулись с места и на другой день рано поутру добрались до лагеря, где их ждали Ганс, Аренд и остальные спутники.

Увидев их, да к тому же вместе с жирафами, Черныш на радостях заявил, что никогда больше не назовет Конго дураком. И действительно, он этого обещания ни разу не нарушил.

В полдень они двинулись к Грааф-Рейнету. Дня три Следопыт ехал на спине быка, с

удобством расположившись в большой корзине, сплетенной Конго специально для него.

Глава 73. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Однажды вечером после долгого перехода путешественники оказались всего в нескольких милях от дома. Еще час, два езды добрым галопом — и они снова увидят родных и друзей, с которыми так долго были в разлуке.

Аренду и Гендрику не терпелось поскакать вперед, но ни один из них не решался предложить это другому.

Как же велика была их досада, когда они увидели, что Ганс и Виллем остановились у дома какого-то бура, готовясь у него заночевать!

Они делали это с такой беспечностью, словно находились в сотнях миль от дома.

Оба они, и Виллем и Ганс, обладали изрядной долей старомодной голландской мудрости, а она подсказывала им, что ни при каких обстоятельствах нельзя забывать о милосердии к животным, которые столь долго и столь преданно им служили.

На другой день, рано утром, когда охотники на пути домой проезжали через Грааф-Рейнет, горожане вышли из домов, чтобы поздороваться с ними.

Почти все здешние жители глазели на жирафов с неменьшим удивлением, чем четверо макололо на шпиль городской церкви.

Не было ни одного человека старше десяти лет, который не слышал бы о том, что наши любители приключений несколько месяцев назад отправились в экспедицию. Все знали, для чего она была предпринята, и, разумеется, большинство предсказывали им такую же неудачу, какая постигла стольких опытных охотников. — Мы возвращаемся домой с почетом, — сказал Гендрик своим спутникам, когда увидел, как восторженно приветствуют их жители Грааф-Рейнета.

— Да, и этим мы обязаны настойчивости Виллема, — заметил Арэнд.

— Не думаю, чтобы я проявил какую-то особенную настойчивость, — сказал Виллем. — Я стремился домой не меньше, чем любой из вас, мне только не хотелось вернуться без пары жирафов-детенышей. Вот и вся разница между нами.

Ответа на его слова не последовало. Все ехали молча, размышляя о великодушии Виллема.

Наши путешественники, бывало, и дольше отсутствовали, но никогда еще родной дом не казался им дороже и никогда раньше их не встречали так тепло, как в этот раз.

Две молодые девушки, Трейи ван Блум и Вильгельмина ван Вейк, встретили своих женихов с восторгом и были так прямодушны, что не скрывали этого.

Конго и Черныш старались вознаградить себя за перенесенные лишения тем, что важничали перед остальными работниками и слугами, а также тем, что ели, пили и спали больше, чем когда-либо.

Виллему предстояло еще одно путешествие. Он провожал Ганса до Кейптауна, откуда тот направлялся в Европу; кроме того, он должен был передать жирафов голландскому консулу. Впрочем, отправился он туда лишь после того, как сам отдохнул месяц и дал отдохнуть жирафам и лошадям.

Все это время родные наших молодых друзей в обеих семьях относились к макололо с величайшей добротой. Когда макололо собрались вернуться на родину, каждому подарили коня, ружье и костюм. Кроме того, Виллем послал в подарок своему великодушному другу и покровителю Макоре кое-какие полезные вещи.

До отъезда в Европу Ганс пожелал присутствовать на двух весьма торжественных церемониях, которые должны были рано или поздно состояться и в которых обе семьи — ван Блумов и ван Вейков — так или иначе были заинтересованы. Но Гансу не терпелось отправиться в путь, а Гендрику с Арендом это обстоятельство пришлось как нельзя более по душе.

Таким образом, Трейи и Вильгельмину уговорили ускорить тот день, который сделал

обоих молодых офицеров счастливейшими из людей.

На другой день после двойного бракосочетания Виллем и Ганс пустились в путь. Они везли в Кейптаун жирафов и слоновую кость, добытую на севере.

Животные, которых они с таким трудом поймали, затратив на это так много времени, были переданы консулу и солидная награда получена. Жирафы стали пассажирами того же корабля, который увозил молодого философа в Европу.

Виллем расстался с Гансом и жирафами перед самым отплытием корабля и сразу же отправился назад, в свой далекий Грааф-Рейнет. Там он живет и по сей день, стараясь проводить время в мирных занятиях; однако эти намерения для него трудно выполнимы — отчасти в силу его неумемной жажды приключений, а отчасти потому, что его изводят своими приставаниями юные Ян и Клаас. Раззадоренные рассказами старших братьев, они страстно мечтают бросить охоту за знаниями и отправиться на охоту за дичью.

Гендрика и Аренда больше не тянет к этому виду спорта. Им теперь мил домашний очаг, и они с радостью уступают своим младшим братьям удовольствие провести несколько месяцев за пределами колонии, чтобы заслужить, как заслужили они сами, почетное право называться Охотниками за жирафами.